

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
№ 1/2014

Московский городской психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в Перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор
Михаил Кондратьев

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.И. Донцов, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина, Т.Г. Стефаненко,
Н.Н. Толстых, О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), Л.А. Пергаменщик (Белоруссия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Галина Андреева

Заместитель председателя
Михаил Кондратьев

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

А.И. Донцов, Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко,
Т.И. Шульга (Россия), Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария),
Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московский городской психолого-педагогический университет

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Флексибельность как ресурс жизнеспособности современной личности
Ю.А. Королева 5
- Современные подходы к изучению предрасположенности
в зарубежной социальной психологии
Н.А. Космодамианский 16

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Связь множественной категоризации с этническими предрассудками:
роль социальных верований
О.А. Гулевич, Н.Н. Ермолаева 31
- Отношение учителей к ЕГЭ как показателю уровня подготовки выпускников
и особенности контроля знаний учащихся
В.С. Собкин, О.В. Белова 42
- Социально-психологические факторы регуляции профессионального
здоровья летчиков
М.Е. Зеленова 54
- Семейная идентичность женщин, принявших решение о прерывании беременности
Н.В. Лукьянченко 74
- Ценности и атрибутивные процессы в социальном познании
М.А. Хачатрян 84
- Реконструкция смысла как метод исследования дискурса
П.К. Власов, А.А. Киселева 98

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Развитие подростков с рискованным поведением в семье
Н.Л. Пузыревич 108
- Изучение специфики отношения различных категорий учащейся молодежи
к экологическим проблемам: апробированная программа учебной дисциплины
для бакалавриата, специалитета и магистратуры
Н.В. Кочетков 114
- Соответствие характера восприятия социальной поддержки
качеству ядра социальной сети
О.М. Бойко, О.Ю. Казьмина 129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- К российско-американскому сотрудничеству в социальной психологии
(о визите профессора Г. Такушьяна в Россию в сентябре-декабре 2013 г.)
Г. Такушьян, А.Я. Воронов 138

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Социолого-психологическая мозаика «Портрет дошкольного детства»
Рецензия на книгу: Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванова А.И., Верасова Е.С.
Социология дошкольного детства. Труды по социологии образования.
Т. XVII. Вып. XXIX. — М.: Институт социологии образования РАО, 2013. — 168 с.
М.Ю. Кондратьев, Н.С. Денисенкова 147

- Наши авторы 155

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Flexibility as a Resource of Viability in Today's Individuals
Y.A. Koroleva 5
- Modern Approaches to the Study of Prejudices in Foreign Social Psychology
N.A. Kosmodamianskiy 16

EXPERIMENTAL RESEARCH

- Relationship between Multiple Categorization and Ethnic Prejudices:
The Role of Social Beliefs
O.A. Gulevich, N.N. Ermolaeva 31
- Teachers' Attitude towards Unified State Exam as Indicator of Student
Performance and Features of Student Knowledge Assessment
V.S. Sobkin, O.V. Belova 42
- Social Psychological Factors of Professional Health Regulation in Pilots
M.E. Zelenova 54
- Family Identity in Women Who Decided to Terminate Their Pregnancy
N.V. Lukyanchenko 74
- Values and Attribution Processes in Social Cognition
M.A. Khachatryan 84
- Meaning Reconstruction as Discourse Research Method
P.K. Vlasov, A.A. Kiseleva 98

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Features of Development in Adolescents with Risky Behavior
N.L. Puzyrevich 108
- Exploring the Specifics of Attitudes towards Ecological Issues
in Various Categories of Young People: An Approved Academic Subject
for Bachelor's, Master's and Specialist Degrees
N.V. Kochetkov 114
- Perception of Social Support in Individuals and Its Correlation with the Quality
of the Core of Social Network
O.M. Boyko, O.Yu. Kazmina 129

SCIENTIFIC LIFE

- On the Russian-American Cooperation in Social Psychology
(Professor H. Takooshian's Visit to Russia in September-December, 2013)
H. Takooshian, A.Ya. Voronov 138

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- Portrait of Preschool Childhood: Sociological and Psychological Mosaic
Review of the book by V.S. Sobkin, K.N. Skobeltsyna, A.I. Ivanova and E.S. Veryasova
"Sociology of Preschool Childhood". Institute of Sociology of Education,
Russian Academy of Education, Moscow, 2013
M.Yu. Kondratyev, N.S. Denisenkova 147

- Our authors** 157

Флексибельность как ресурс жизнеспособности современной личности

Ю.А. КОРОЛЕВА

*кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии
Оренбургского государственного педагогического университета*

В статье осуществлены анализ флексибельности как полноценного психологического феномена и обоснование ее роли в жизнеспособности современной личности. Современный адаптационный подход предполагает не совершенствование прошлого опыта, а активизацию способности человека проявлять «чувство нового», «изменять рамки», избавляться «от старых привычек», отказываясь от стереотипов мышления и поведения для успешной адаптации в изменяющихся условиях. В связи с этим основное внимание в статье направлено на рассмотрение континуума «ригидность-флексибельность» в разных подсистемах личности, а также на анализ схожих терминов, позволяющих понять сущность рассматриваемого феномена.

Ключевые слова: *жизнеспособность, динамизм, готовность к изменениям, психическая ригидность, флексибельность.*

Процессы модернизации, охватывающие современную действительность постиндустриального общества и протекающие во всех сферах его жизнедеятельности, деформируют ценности, структуру, состояние как всего социума, так и отдельной личности. Динамичный и вместе с тем неустойчивый характер развития имеет, прежде всего, экономика, которая обуславливает изменения всех остальных сфер, в частности, политической и социальной, в связи с чем обостряется проблема изменений требований к современной жизнеспособной личности и ее становлению в изменяющихся условиях.

Каждая эпоха, культура, общество создают свою модель «идеального» человека, необходимый тип жизнеспособной личности. Понятие жизнеспособности личности, введенное Б.Г. Ананьевым, не-

достаточно разработано психолого-педагогическим сообществом, несмотря на то, что в декларации ЮНЕСКО «Образование XXI века» в качестве главной цели образования заявляется *формирование жизнеспособной личности*. Проблема становления личности в столь нестабильном изменяющемся мире осложняется отсутствием четких ориентиров, что характеризовало, например, советское общество. Современное общество — это общество, в котором значительно ослаблено влияние норм, регулирующих внутренний мир и поведение человека. Но речь идет не о необходимости соответствия жестким рамкам в обучении и воспитании человека, а о наполнении содержания и осознания требований общества по формированию и развитию качеств, которые позволяют ему быть успешным в современных условиях.

Итак, какими же качествами, характеристиками должен обладать жизнеспособный современный человек?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обозначить особенности современного общества, выделив его основные проблемы. Так, Д. Белл, анализируя характеристики современного постиндустриального общества на основе сравнения с индустриальным, подчеркивает, что его основа — информация и знание, так как оно формируется преимущественно под воздействием технологии интеллектуальной. По мнению социолога, расширение сферы услуг порождает такую фундаментальную характеристику труда, как взаимодействие человека с человеком. Потребности и интересы личности в постиндустриальном обществе выдвигаются на первый план в общей системе интересов, центральным пунктом которых становится характер новых отношений, проявляющихся во взаимодействии и общении, в диалоге личностей [3].

З. Бауман «индивидуализированное» общество или общество «постмодернити» характеризует следующими признаками.

— Утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов;

— возрастающая в связи с этим неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом неконтролируемых ею перемен;

— стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов, что, в конечном счете, приводит к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни [2].

Анализ социологических работ показывает, что изменения, происходящие в

жизни современного человека, определяют основные проблемы: увеличение информации и ее роль в жизни человека, расширение сфер взаимодействия, возрастание неопределенности и незащищенности личности, утрата контроля над большинством значимых социальных процессов, ослабление влияния норм, трансформация жизненных ценностей. Данные проблемы обуславливают трудности самоидентификации и адаптации личности, что выражается в переживании «шока от будущего», «культурной травмы» и тому подобных негативных состояний [4]. В связи с этим требования общества к формированию современной личности имеют отношение не только к мышлению, сознанию и самосознанию, способности к саморазвитию, стрессоустойчивости, социальной активности, сущности и качеству социальных и межличностных интеракций [9], но и к стратегии взаимодействия личности с миром в целом. Очевидно, что жизнеспособность в условиях общества постмодернити предполагает наличие иных и/или дополнительных ресурсов по сравнению с жизнеспособностью в обществе традиционном.

Обратившись к исследованиям, рассматривающим жизнеспособность современной личности, мы имеем возможность проанализировать феноменологическую сущность данного понятия и его компонентный состав. В отечественной психологии жизнеспособность рассматривается как готовность личности к эффективному функционированию (Б.Г. Ананьев), как многомерный интегральный феномен (Э.В. Галажинский, Е.А. Рыльская), как системное качество личности (А.А. Нестерова) и т. д. Многие авторы рассматривают данный фе-

номен через интегрирующую совокупность психологических проявлений, определяющих способность к адаптации личности на разных уровнях. Так, например, А.А. Нестерова, выделяя в структуре жизнеспособности такие компоненты, как способность к активности и инициативе, способность к самомотивации и достижениям, эмоциональный контроль и саморегуляция, позитивные когнитивные установки и гибкость мышления, самоуважение, социальная компетентность, адаптивные защитно-совладающие стратегии поведения и способность организовывать свое время и планировать будущее, отмечает, что в целом это способность к успешной адаптации, конструктивному функционированию [13]. Е.А. Рыльская выделяет другие составляющие жизнеспособности: осознанное жизнелюбие, готовность к саморазвитию, адаптация, саморегуляция и коммуникабельность. Анализ корреляционной матрицы компонентов жизнеспособности позволил заметить автору, что наиболее значимые связи с индивидуальными, личностными и субъектными свойствами человека имеет фактор «адаптация» [17].

В прочно закрепившемся в последние десятилетия адаптационном подходе, в ситуациях воздействия факторов среды на субъекта успешность взаимодействия во многом зависит от прошлого опыта, от способностей его активизировать. Адаптант обладает некоторыми сформированными конструктами, которые в ходе его приспособления к воздействию тех или иных средовых факторов активизируются и совершенствуются. Таким образом, адаптация рассматривается как совокупность образований, в которую включаются знания, умения, навыки, об-

разцы поведения, полученные в опыте и сформированные субъектом адаптации.

Повышенная динамичность развития общества, особо свойственная последнему уже несколько десятилетий, предполагает умение адаптироваться к изменениям, однако на сегодняшний день в большей степени актуализируются проблемы другого уровня, связанные со способностями подняться над ситуацией для ее решения, оценив ее посредством смены анализа и рассмотрения ракурса. Известное выражение Альберта Эйнштейна отражает смысл сказанного: «Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень» [1].

З. Бауман, характеризуя современный период постмодернити, подтверждает данную мысль: «Наше время исполнено разрушением рамок и ликвидацией образцов — причем всех рамок и всех образцов, наугад и без предварительного уведомления». И далее: «Жизненный успех (и тем самым рациональность) людей постмодернити зависит от скорости, с какой им удастся избавляться от старых привычек, а не от скорости обретения новых» [2, с. 157—158]. При неготовности личности реагировать соответствующим образом на наблюдаемые изменения возрастает ее незащищенность, увеличивается эмоциональное напряжение, зачастую приводящее к стрессу в повседневной жизни каждого современного человека.

Таким образом, одним из компонентов, опосредующих успешность адаптации личности в быстро меняющихся условиях современного общества, становится способность своевременно и адекватно реагировать на эти динамичные об-

стоятельства жизнедеятельности. Во многом данные реакции будут зависеть от типа ВНД и свойств темперамента, однако главное в этой ситуации — не скорость преодоления образцов и привычек, а способность гибко реагировать на происходящие изменения, освобождаться от стереотипных паттернов, скриптов, вырабатывать новые способы действия в измененных условиях. В современной психологической науке некоторыми авторами (И.Г. Дубов, Г.В. Залевский, Н.В. Козлова, Д.А. Леонтьев, А.В. Петровский, Д.В. Сапронов) данное свойство личности обозначается как **флексibilitätность**, а ее полюс — **ригидность** [6; 7; 11; 15].

Проведем анализ базовых понятий, позволяющих рассмотреть сущность континуума ригидность-флексibilitätность. **Психическая ригидность** в самом общем виде — это приверженность к однотипному образу действий, негибкость, неспособность личности адекватно вовремя изменять свое поведение в соответствии с незнакомыми новыми ситуациями. Понятие ригидности достаточно разработано в отечественной медицине, психофизиологии, психологии. При этом существует значительное количество неоднозначных трактовок и примеров понятийных смешений. Описание феномена ригидности зачастую строится на основе психофизиологических характеристик. Механизмы психической ригидности на психофизиологическом уровне позволяют понять работы В.М. Русалова, который указывал, что ведущими функциями механизма саморегуляции являются чувствительность к вероятностной среде и пластичность нервных процессов. Именно пластичность отвечает за внутреннюю тенденцию к перемене тактик вероятностного

прогнозирования [16]. Среди свойств нервной системы, характеризующих ригидность личности, зачастую рассматривают силу, подвижность и скорость. Однако данные свойства не являются свойствами личности, определяя лишь некоторые механизмы ее реагирования в той или иной ситуации.

Тождественность понятий «ригидность» и «устойчивость» также сомнительна. В ряде случаев устойчивость поведения может быть достигнута за счет гибкости отдельных компонентов личности, в других случаях — за счет ригидности. Ригидность чаще рассматривается как психическое свойство или личностная характеристика, а устойчивость — как свойство нервной системы или как черта личности (Б.Ф. Ломов, Л.Л. Рохлин и др.).

Г. Айзенк выделил пять типов ригидности: моторная, сенсорная, эмоциональная, персеверация представлений памяти, персеверация в сфере мышления. Г.В. Залевский отмечает, что психическая ригидность не исчерпывается параметрами мышления, убеждений, эмоциональной сферы; она гораздо шире и охватывает все подструктуры личности.

Психическая ригидность может являться **состоянием или же свойством личности**. По мнению Г.В. Залевского, для 67 % младших школьников характерна психическая ригидность как состояние, основными факторами которого выступают: большое количество страхов, конфликт самооценки, фрустрация потребности в признании, успехе и эмоционально благоприятных межличностных отношениях и т. д. [7]. В более старшем возрасте психическая ригидность у ряда лиц будет иметь тенденцию к трансформации в устойчивое свойство

личности. Использование стереотипных выводов, действий, форм поведения, а также шаблонность мышления и конформистское сознание продуцируют неспособность отказаться от привычного, снижая возможность поиска новых способов решения и заключая личность в условия субъектной беспомощности.

А.В. Петровский под личностной ригидностью предполагает консерватизм [15]. Понятие «консерватизм», являясь антонимом понятий «прогрессивность», «развитие» и «динамизм», определяет противостояние прогрессивным тенденциям социального развития. В то же время консерватизм — это активность субъекта в отстаивании своих идей и наличие собственных взглядов и принципов, в отличие от конформизма, синонимами которого выступают беспринципность, приспособленчество, а главными характеристиками — отсутствие собственных интересов, готовность индивида поддаться как реальному, так и лишь воспринимаемому как таковое давлению группы. По мнению В.А. Ильина и М.Ю. Кондратьева, «На личностном уровне конформизм чаще всего выражается в качестве такой личностной характеристики, которая в социальной психологии традиционно обозначается как конформность, т. е. готовность индивида поддаться как реальному, так и лишь воспринимаемому как таковое давлению группы, если не стремлению, то, во всяком случае, предрасположенности изменить свои позицию и видение в связи с тем, что они не совпадают с мнением большинства» [8, с. 45]. Такая позиция, как правило, основана на инертности мышления личности и недостаточности ее гибкости.

Жизнь современного человека наполнена влиянием многочисленных факто-

ров, нарушающих состояние психологической защищенности личности, детерминирующих стрессы и депрессии, невротические реакции и эмоциональное неблагополучие. Выраженность и частота эмоционального напряжения, стрессовых ситуаций настолько велики, что чаще всего речь заходит об избегании и спасении от них, нежели о стремлении осознать и найти их причины. Между тем именно личностная рефлексия способна «вырвать» человека из непрерывного потока жизни и заставить его занять внешнюю позицию по отношению к самому себе [5]. Значительное эмоциональное напряжение, присущее взаимодействию современного человека с социумом, приводит к отказу от рефлексии, недостаточность которой не позволяет личности выбрать рациональный способ выхода из ситуации. Характерной особенностью поведения человека в ситуации психоэмоционального напряжения является негибкость, утрата пластичности, свойственной в нейтральной обстановке. Но не только тревога, страх, фрустрация, шок могут являться причиной ригидного поведения личности, так как личность, отличающаяся ригидностью, будет склонна в измененных ситуациях демонстрировать страх, фрустрацию, неготовность к адекватному реагированию, то есть психоэмоциональное напряжение и ригидные формы поведения имеют взаимообусловленную связь.

Эмоциональное напряжение особенно в совокупности с инертностью мышления приводит к тенденции предпочтения избегания ситуаций, в которых нужно искать новые решения. Личность, структура которой в той или иной мере поражена психической ригидностью, стремится «бежать от свободы»

(по Э. Фромму) или «от реальности» (Н. Пезешкиан), реализуя свои отношения со средой через созависимость. И.А. Шаповал, рассматривая наиболее распространенный в обществе постмодерна и многоликий вид бегства от реальности — созависимость, отмечает, что переломные эпохи порождают двойные стандарты и двойную мораль, а тем самым и возможность альтернативы мировоззренческих схем, и болезненную раздвоенность сознания. Созависимость предстает как перманентные и ригидные попытки «текущего Я в текучем пространстве культуры» (З. Бауман) обрести уверенность в себе, определить и утвердить себя как личность [19].

Таким образом, ригидность — это тотальное **свойство** не только отдельной современной личности, но и общества постмодерна в целом.

Несмотря на то что ригидность-флексibility представляют собой единый конструкт, само понятие «флексibility», в отличие от понятия «ригидность», разработано на сегодняшний день в меньшей степени. Что, на наш взгляд, обусловлено, во-первых, временем введения в научный обиход каждого из терминов, а во-вторых, смещением акцента при изучении фиксированных форм поведения именно на отрицательном полюсе — ригидности.

В существующих исследованиях понятие флексibility рассматривается как способность или свойство личности (И.Г. Дубов, Г.В. Залевский, С.А. Козлова, Н.В. Козлова, А.В. Петровский). А.В. Петровский под *личностной флексibility* предлагает понимать способность индивида легко отказываться от несоответствующих ситуаций или задач, средств деятельности, приемов

мышления, способов поведения и вырабатывать или принимать новые, оригинальные подходы к разрешению проблемной ситуации при неизменных целях и идейно-нравственных основаниях деятельности. Индивид с высокой степенью сформированности личностной флексibility называется А.В. Петровским высоковариативной личностью [15]. Г.В. Залевский под **флексibility** понимает способность человека проявлять «чувство нового», отказываясь от привычного на уровне отдельного компонента или всей программы поведения в целом. Автор подчеркивает, что ее выраженность не исчерпывается параметрами мышления, убеждений, эмоционально-волевой сферы; она гораздо шире и охватывает все подструктуры личности [7]. Таким образом, возникает понимание флексibility как интегрального системного свойства личности.

Аналогично ригидности флексibility часто рассматривают через характеристики нервной системы: подвижность, беглость, переключаемость. Данные характеристики нервных процессов, безусловно, влияют на поведение личности, однако не являются определяющими все особенности психики и поведения. И если флексibility как свойство личности опосредует ее поведение, то подвижность, беглость и переключаемость нервных процессов не являются исключительно определяющими характер психических процессов.

На основе теоретического анализа и обзора эмпирических исследований можно очертить круг терминов, имеющих отношение к термину «флексibility»: «личностный динамизм», «готовность к изменениям», «гибкость», анализ которых позволит осмыслить и

сущность изучаемого феномена, и характер связи между рассматриваемыми понятиями.

Динамизм — это механизм регулирования поведения. Обычно используется с коннотацией, что этот процесс представляет собой довольно устойчивый способ поведения, основной функцией которого является реализация влечений и защита от стресса и дискомфорта. Исследование проблемы личностного динамизма (или стремления к изменениям) находим в трудах Г.И. Козырева, Д.А. Леонтьева, С. Мадди, Г.С. Салливана, Д.В. Сапронова и др.

Динамизм, по мнению Г.С. Салливана, определяется как относительно устойчивый рисунок энергетических трансформаций, периодическое возникновение которого характерно для организма на протяжении его существования как живого (см.: [18]). Согласно мнению Д.А. Леонтьева и Д.В. Сапронова, **личностный динамизм или стремление к изменениям** можно условно разделить на два уровня его проявления — внутренний и внешний [11].

На внутреннем, глубинном, или потенциальном уровне личностный динамизм присутствует в виде интенциональной предпосылки совершения действий или поступков, направленных на свободное и осознанное осуществление своих потенциальных возможностей, на развитие себя как личности.

Во внутреннем плане стремление к изменениям разворачивается как процесс активного нарушения гомеостаза, порождения внутреннего препятствия и его же преодоления. Оно «требует» от человека дальнейшего действия, которое необходимым образом связано с осознанием [там же]. Стремление к из-

менениям предполагает рефлексивный взгляд на содержание своей психической реальности. Четкое осмысление происходящего, рефлексия по поводу внутренних и внешних изменений позволяют нивелировать негативные последствия через выбор пути позитивного преобразования.

На *внешнем* уровне стремление к изменениям может проявляться весьма разнообразно, однако функционально оно направлено на преобразование или создание новых отношений с миром [там же]. Это стремление может выражаться и в установлении социальных контактов, и в частной смене работы, и в саморазвитии, и т. д.

Личностный динамизм или стремление к изменениям — это способность к принятию изменений в жизни, готовность активно и самостоятельно привносить их, однако личностный динамизм описывает способность и готовность человека изменяться в отсутствие императивной необходимости для этого. Данная сущностная характеристика расходится с пониманием феномена гибкости, предполагающим способность человека отказываться от привычного в условиях, определенно и настоятельно требующих этого. Стремление к изменениям, являясь механизмом регуляции поведения, некоторой мотивационной тенденцией, сочетается с инструментальной тенденцией, которую можно назвать **«готовность к изменениям»**. Последняя характеризует способность субъекта ради изменения преодолеть естественные инерционные тенденции.

По мнению Д.В. Сапронова и Д.А. Леонтьева, готовность к изменениям и есть гибкость. И если отрицательным полюсом личностного динамизма

является неготовность к изменениям, или ригидность, то положительным — готовность к изменениям, или флексибельность [там же].

Перейдем к рассмотрению термина «гибкость» как наиболее близкого, на наш взгляд, термину «флексибельность».

Согласно словарю С.И. Ожегова, гибкий — «...способный трезво оценить обстановку, обстоятельства и приноровиться к ним» [14, с. 164]. В психологии данный термин употребляется чаще всего при определении свойства мышления личности. Гибкость — это свойство именно продуктивного мышления, проявляемое в перестройке имеющихся способов действий, в замене методов, перестающих быть эффективными, на оптимальные. Результаты зарубежных исследований свидетельствуют, что гибкость мышления является психологическим феноменом, который, проявляясь в условиях проблемной ситуации, заставляет субъекта выявлять ранее не анализировавшиеся признаки объекта и, переосмысливая их, решать проблему (Х. Вернер, Дж. Гилфорд, К. Гольдштейн), т. е. это свойство, противостоящее ригидности мышления, стереотипности, шаблонности, формализму, а значит, и соответствующее термину «флексибельность».

Понятие «гибкость» в отечественной психологии рассматривают в двух аспектах: в качестве личностной характеристики и в качестве особенности умственной деятельности. Некоторые авторы выделяют *когнитивную и эмоциональную* гибкость/ригидность.

Когнитивная гибкость может быть определена как способность перестраивать концептуальную картину окружающего мира при получении новой инфор-

мации, противоречащей старой картине мира. Опираясь на концепции постмодернизма Д. Белла и З. Баумана, личностность нового типа должна быть готова к восприятию, усвоению, обработке и анализу большого объема информации, для чего, по нашему мнению, и необходима *когнитивная гибкость*, которая предполагает возможность восприятия, осознания новой информации и дальнейшего перестраивания картины мира.

Эмоциональная гибкость иногда рассматривается как лабильность эмоций (подвижность, переключаемость). И если эмоциональная ригидность, которую А.Ф. Лазурский назвал устойчивостью эмоций [10], проявляется в вязкости эмоций, в застреваемости аффекта, в неспособности изменить структуру аффективных проявлений, то эмоциональная лабильность предполагает подвижность. Однако лабильность эмоций не может быть составляющей *личностной гибкости*, так как кроме определенных положительных характеристик она подразумевает неустойчивость и быструю смену эмоций, эмоциональную слабость.

Использование термина «гибкость» может осуществляться и по отношению к личности и ее поведению как разнообразие и адекватность активности, что проявляется, по мнению Л.М. Митиной, и во внешних (двигательных) формах, и во внутренних (психических) [12]. Гибкость также рассматривается как интегральная характеристика личности, представляющая собой гармоничное сочетание трех взаимосвязанных личностных качеств: эмоциональной, поведенческой, интеллектуальной гибкости. Понимая под гибкостью интегральное личностное свойство, психологи предопределяют ее роль для адап-

тации личности в изменяющихся условиях. По мнению Г.В. Залевского и Н.В. Козловой, «гибкость как определенная готовность перестроить себя, способность творчески воспринимать и критически оценивать имеющийся опыт, прогнозировать свою деятельность с учетом возникающих проблем лежит в основе вариативного и может определять динамику прогрессивного поступательного развития» [6, с. 146].

Таким образом, **гибкость** может рассматриваться и как свойство мышления, и как личностная характеристика, и как интегральное свойство личности. Близость терминов «гибкость» и «флексibility» подтверждается наличием общего противоположного свойства — ригидности. Флексibility, аналогично гибкости, рассматривается как способность или свойство, распространяющееся на все подструктуры личности и в связи с этим отличающееся интегративностью и системностью. Определенные различия между данными феноменами мы видим в ракурсе их использования: гибкость — чаще по отношению к отдельным сторонам психики (когнитивная, эмоциональная и т. д.), флексibility — по отношению к личности в целом. Именно флексibility как системное интегральное образование жизнеспособной личности обеспечивает ей необходимую базу для оценивания себя и ситуации, для полноценной перестройки себя на основе осмысления существующей реальности, позволяет увеличивать достоверность прогнозов, поддерживает развитие.

В процессе развития личность все более ориентируется на свой внутренний мир, функционирующий на основе самоорганизации: возникают механизмы,

позволяющие менять структуру ее психологической организации, придавать определенной гибкость, обеспечивая жизнеспособность.

Резюмируя сказанное, отметим, что современный социально-исторический этап, характеризующийся утратой человеком контроля над существующими социальными процессами, незащищенностью личности перед изменениями, увеличивающимися рисками стресса на фоне возрастающего тотального эмоционального напряжения, во многом «задает» психическую ригидность личности и общества. Это, в свою очередь, вступает в противоречие с требованиями общества к современной личности, которая должна обладать способностью существовать в нестабильной, изменяющейся среде, способностью к самосовершенствованию и саморазвитию, готовностью не столько подстраиваться под изменяющиеся условия, сколько выступать субъектом этих изменений и, главное, отличаться способностью сопротивляться искушению «бегства от свободы», «бегства от реальности», способностью «изменять рамки» и избавляться «от старых привычек», т. е. флексibility. Именно она является ресурсом жизнеспособности, определяющим активность и вариативность при принятии решений, обеспечивает уровень владения широким спектром поведения, развитие личности на данном этапе существования и функционирования. Флексibility, представляющая собой интегральное свойство личности, рассматривается в качестве важнейшего ресурса, обеспечивающего ей адаптацию, и является ведущим фактором в структуре жизнеспособности в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афоризмы и высказывания. URL: <http://aphorizm.net/>
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
4. Даниленко О.И. Душевное здоровье как динамическая характеристика индивидуальности // Культурно-историческая психология. 2011. № 2.
5. Дерманова И.Б. Отношение к себе в связи с характеристиками личностной зрелости подростка // Психологическая наука и образование. 2012. № 4.
6. Залевский Г.В., Козлова Н.В. Психическая ригидность-флексibilität как акмеологический инвариант профессионализма // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22.
7. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М., 2007.
8. Ильин В.А., Кондратьев М.Ю. Групповое давление и групповое влияние: конформизм, неконформизм, личностное самоопределение // Социальная психология и общество. 2012. № 1.
9. Королева Ю.А. Социально-психологическая компетентность личности как детерминанта субъективного качества жизни // Вестник ОГПУ. 2013. № 3.
10. Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. М., 1995.
11. Леонтьев Д.А., Сапронов Д.В. Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1.
12. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности. М., 2002.
13. Нестерова А.А. Мотивация к работе в структуре жизнеспособности личности безработной молодежи // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2011. № 3.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Л.И. Скворцова. М., 2010.
15. Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М., 1987.
16. Русалов В.М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979.
17. Рыльская Е.А. Психологическая структура жизнеспособности человека: синергетический контекст // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. № 142.
18. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. М., 1999.
19. Шаповал И.А. Мифология и идеология созависимости в российской постсовременности // Интеллигенция и идеалы российского общества: материалы XI междунар. теор.-метод. конф. 31 марта 2010 г. М., 2010.

Flexibility as a Resource of Viability in Today's Individuals

Y.A. KOROLEVA

*PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Special Psychology,
Orenburg State Pedagogical University*

The paper analyzes flexibility as a genuine psychological phenomenon and explores its vital role in the life of today's individuals. The contemporary adaptation approach focuses not on the perfection of one's past experience, but on the promotion of his/her ability to display 'a sense of novelty, 'to push limits', 'to get rid of old habits' and stereotypes of thinking in order to adapt successfully to the changing environment. Thus the paper centers primarily on the 'rigidity-flexibility' continuum in various personality subsystems as well as on the analysis of certain similar terms that may help to better understand the nature of the explored phenomenon.

Keywords: *viability, dynamism, readiness to change, psychological rigidity, flexibility.*

REFERENCES

1. Aforizmy i vyskazyvanija. URL: <http://aphorizm.net/>
2. Bauman Ж. Individualizirovannoe obshhestvo. M., 2005.
3. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. M., 1999.
4. Danilenko O.I. Dushevnoe zdorov'e kak dinamicheskaja harakteristika individual'nosti // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2011. № 2.
5. Dermanova I.B. Otnoshenie k sebe v svyazi s harakteristikami lichnostnoj zrelosti podrostka // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2012. № 4.
6. Zalevskij G.V., Kozlova N.V. Psihicheskaja rigidnost'-fleksibil'nost' kak akmeologicheskij invariant professionalizma // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2005. № 22.
7. Zalevskij G.V. Lichnost' i fiksirovannye formy povedeniya. M., 2007.
8. Il'in V.A., Kondrat'ev M.Ju. Gruppovoe davlenie i gruppovoe vlijanie: konformizm, nonkonformizm, lichnostnoe samoopredelenie // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2012. № 1.
9. Koroleva Ju.A. Social'no-psihologicheskaja kompetentnost' lichnosti kak determinanta sub'ektivnogo kachestva zhizni // Vestnik OGPU. 2013. № 3.
10. Lazurskij A.F. Oчерk nauki o harakterah. M., 1995.
11. Leont'ev D.A., Sapronov D.V. Lichnostnyj dinamizm i ego diagnostika // Psihologicheskaja diagnostika. 2007. № 1.
12. Mitina L.M. Psihologija razvitiya konkurentosposobnoj lichnosti. M., 2002.
13. Nesterova A.A. Motivacija k rabote v strukture zhiznesposobnosti lichnosti bezrabortnoj molodezhi // Vestnik TvGU. Serija "Pedagogika i psihologija". 2011. № 3.
14. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka / Pod red. L.I. Skvorcova. M., 2010.
15. Psihologija razvivajushhejsja lichnosti / Pod red. A.V. Petrovskogo. M., 1987.
16. Rusalov V.M. Biologicheskie osnovy individual'no-psihologicheskikh razlichij. M., 1979.
17. Ryl'skaja E.A. Psihologicheskaja struktura zhiznesposobnosti cheloveka: sinergeticheskij kontekst // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2011. № 142.
18. Holl K.S., Lindsej G. Teorii lichnosti. M., 1999.
19. Shapoval I.A. Mifologija i ideologija sozavisimosti v rossijskoj postsovremennosti // Intelligencija i idealy rossijskogo obshhestva: materialy XI Mezhdunar. teor.-metod. konf. 31 marta 2010 g. M., 2010.

Современные подходы к изучению предубежденности в зарубежной социальной психологии

Н.А. КОСМОДАМИАНСКИЙ

*аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования Московского городского
психолого-педагогического университета*

В статье представлен обзор зарубежных работ по теме «предубежденность», опубликованных за последние пять лет в социально-психологических международных научных журналах. Рассмотрены проблемы в области предубеждения, которые волнуют современных исследователей: отношение предубеждения и других компонентов межгруппового взаимодействия; изменение, происходящее с предубежденностью у различных групп; выявление новых факторов, связанных с предубежденностью, а также исследование, как различные программы, направленные на борьбу с предубежденностью, справляются с поставленной задачей.

Ключевые слова: *межгрупповое взаимодействие, ингруппа, аутгруппа, предубежденность, адаптация, меньшинства, раса, этнос.*

Проблемы предубежденности в контексте межгруппового взаимодействия привлекали внимание исследователей достаточно давно. Так, первое появление термина «предубеждение» можно отнести к 50-м годам прошлого века [1]. Популярность данной проблематики имела свои взлеты и падения, но в последнее время интенсивность ее исследования с каждым годом растет. Если проанализировать количество опубликованных статей в западных журналах, можно констатировать: данная тематика стала в разы более популярна. Так, в базе данных ProQuest в разделе психологии по запросу «prejudice» или «bias» (англ. — предубеждение), начиная с 1990 года количество статей с этими ключевыми словами возрастает на порядок: менее 2000 статей в 1980-х, более 15 000 в 1990-х и более 50 000 в 2000-х годах, и, судя по данным

за 2010—2012 годы, подобная тенденция, скорее всего, сохранится.

Отчасти это может быть связано с проводимой в западных странах политикой мультикультурализма и толерантности, а кроме того, с интенсификацией реального взаимодействия представителей разных групп, так как способов и возможностей для подобного общения стало значительно больше (увеличение мобильности и широкое распространение дистанционных форм активной коммуникации).

Данная статья представляет собой обзор основных направлений в исследовании предубеждения. Для обзора было отобрано порядка 150 работ, опубликованных за последние 5 лет в ведущих зарубежных психологических журналах. Большую часть исследований по данной проблеме, на наш взгляд, можно сгруппировать в следующие направления.

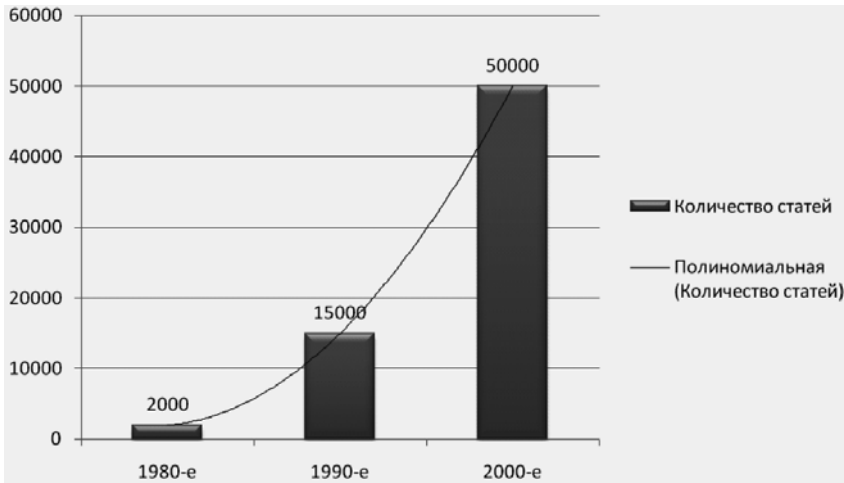

Рис. Количество статей по запросу «prejudice» или «bias» в базе данных ProQuest

1. Изучение факторов, влияющих на предубежденность (как среда или личностные качества воздействуют на predisposed к предубежденности и на характер ее проявлений);

2. Анализ влияния предубежденности на группы и их взаимодействие (воздействие предубежденности на обе стороны: как на предубежденных, так и на тех, на кого предубеждение направлено);

3. Исследование применения методов снижения предубежденности.

В дополнение к обзору указанных типов работ мы рассмотрели, как на конкретном примере могут быть применены имеющиеся знания. А в заключительной главе представлены работы, в которых обобщаются и переосмысливаются имеющиеся понятия и опыт.

Изучение факторов, влияющих на предубежденность

Одним из самых распространенных вариантов исследования в заявленной

области является изучение факторов, влияющих на появление и проявление предубежденности. Обычно анализируются особенности людей с предубеждениями и без, особенности тех, против кого направлено предубеждение, а также специфика среды, в которой находятся и те и другие. Исторически одними из самых известных исследований в этом направлении оказываются работы Т. Адорно — исследование «авторитарной» личности, Г. Оллпорта — гипотеза смещенной враждебности, А. Тешфела — теория социальной идентичности, М. Шерифа — теория реалистичного конфликта. Эти направления сохраняют свою популярность. Так, из выбранных нами статей более половины можно отнести именно к этой категории разработок [1].

Немало современных исследований посвящено связи предубежденности и восприятия другого человека/группы как представляющих угрозу. Так, восприятие угрозы со стороны аутгруппы увеличивает склонность к предубеждению при взаимодействии с иностранными

ми студентами. В ходе исследования были выделены два типа угроз: «реалистичная» (тревога за существование ингруппы, связанная с противоречием между целями ингруппы и аутгруппы) и «символическая» (угроза ценностям, нормам и представлениям ингруппы). Восприятие аутгруппы как угрожающей усиливало предубежденность, но «символическая» угроза оказывала более сильное воздействие по сравнению с «реалистичной» [6]. В некоторой степени выводы этого исследования согласуются с данными исследования, проведенного Ш. Кайзер, результаты которого говорят о том, что значимым для предубежденности может быть и то, как сильно себя ассоциируют со своей группой ее представители. Сильно идентифицирующие себя члены аутгруппы в целом гораздо чаще вызывают предубежденную реакцию, по сравнению со слабо идентифицирующими. Идентификация с аутгруппой может являться показателем принятия норм аутгруппы, что представляет угрозу как в «реалистическом» плане, так и в «символическом» [18]. Э. Дас в ходе работы над изучением влияния новостей о терроре продемонстрировала, что предубежденность возникает на почве мыслей о смерти, которые появлялись после просмотра новостей о террористах и терактах [11].

Но не всегда угроза должна быть столь значительной и прямо связанной со смертью. Выражение лица также может послужить триггером. Так, в исследовании С. Миллера было продемонстрировано, что люди склонны к обозначению лиц, представляющих угрозу как представителей аутгруппы в описываемом случае афроамериканцев. Особо сильно данная взаимосвязь проявлялась у лиц, имеющих проблемы с защищенно-

стью [22]. Очень важное, на наш взгляд, дополнение было внесено группой исследователей под руководством К. Сассенберга. Как указывалось выше, восприятие угрозы приводит к усилению предубежденности против аутгруппы. Однако исследования проводились относительно аутгрупп, которые были включены в ситуацию, усиливающую предубежденность. Особенность исследования К. Сассенберга в том, что было выявлено увеличение предубежденности не только относительно своего оппонента, но и любых аутгрупп в целом, пусть и в меньшей степени [32]. Степень, в которой распространяется на другие аутгруппы негативный эффект, зависит от того, насколько группа подходит под основание, на котором выделялись группы, представляющие угрозу. Д. Батц в своем исследовании продемонстрировал, что в ситуации макроэкономической угрозы предубежденность «белых» повышается относительно лиц азиатского происхождения, в то время как относительно афроамериканцев такого изменения не происходит ввиду того, что «азиаты» воспринимаются как конкуренты (в плане доступа к экономическим ресурсам), а афроамериканцы — нет [5].

Свое подтверждение находит в современных исследованиях теория социальной идентичности. В ситуации, когда становится актуальной идентичность, подразумевающая напряженность в отношениях с аутгруппой, выраженность предубежденности увеличивается. Исследование К. Моррисон и А. Чанг демонстрирует: члены группы большинства, которых попросили в анкете указать себя как «белый», оказались не столь расположены к поддержке идей мультикультурализма, по срав-

нению с теми, кто по просьбе исследователей указал в анкете «европейский американец» [23]. Но значение имеет не только содержание идентификационной категории, но и то, как группа и ее идентичность оценивается субъектом. Так, разнородность идентичностей собственной группы активизирует эффект от усиления чувства принадлежности к ингруппе, что приводит к повышению уровня предубежденности. Однако при невысоком уровне чувства принадлежности к ингруппе подобного усиления не наблюдается [14]. В то же время восприятие группы как единой, неделимой, обладающей некоторой общностью, может быть частично обусловлено предубежденностью, качеством внутригрупповых контактов и ориентацией на социальное доминирование [24].

Поддержка тех или иных идей также может влиять на изменение предубежденности. В исследовании Дж. Лехмиллер изучалась взаимосвязь, каких идей придерживается испытуемый, и уровня предубежденности по отношению к гомосексуалистам. В ходе трех экспериментов было показано, что люди, придающие существенное значение отношениям с семьей и друзьями, оказываются более предубежденными, чем люди, склонные к идеям самоутверждения. С целью более точного выявления влияния этих установок были проведены дополнительные исследования, в которых было показано, что стремление к самоутверждению снижает уровень предубежденности, но также выяснилось, что значимость семейных и дружеских отношений не повышает уровня предубежденности. Этот фактор не изменяет уровень предубежденности, он лишь запускает механизмы, не позволяющие снижать его, на-

поминая, что именно к семейным ценностям апеллируют противники гомосексуализма [20].

Еще одной ситуацией, в рамках которой может возникнуть предубеждение, — это восприятие мужчинами такой группы, как женщины. Несмотря на тенденцию к выравниванию в правах мужчин и женщин, женщины мужчинами нередко не воспринимаются как равные, а уж тем более как лидеры. Основание для данной дискриминации исследовала группа под руководством Л. Рудман. Так, было выявлено, что попытка женщины встать на место лидера воспринимается как намерение сломать имеющееся доминирование мужчин над женщинами. В ходе обследования подобное поведение наталкивалось на непринятие и попытку восстановить устоявшийся порядок. Дискриминация ослабляется в случае наличия реальной власти у женщины, занявшей лидерский пост, и усиливается в случае угрозы [31]. Еще одним поводом для отказа женщинам в праве быть лидерами может оказаться область, в которой возникает данная ситуация. Если эта сфера соотносится с традиционно женской деятельностью, сопротивление будет качественно слабее, чем в случае, когда женщина «ступает» на традиционно мужские территории. В подобных обстоятельствах риск непринятия становится принципиально выше. Исследователи отмечают, что подобным настроениям особенно подвержены сами женщины и пожилые люди. Мужчины же и наиболее молодые сотрудники реагируют в этих обстоятельствах значимо более спокойно [30].

Ряд исследователей обращают внимание на физиологические предикторы

предубежденности. М. Гэллиот, Б. Перуш и Э. Плант анализировали влияние «сахара» на степень предубежденности. Основываясь на данных, что из-за низкого содержания глюкозы в крови снижается уровень самоконтроля, было выдвинуто предположение, согласно которому, ликвидируя недостаток сахара, можно сохранить приемлемый уровень самоконтроля, позволяющего сдерживать проявления негативной стереотипизации и предубежденности. В ходе исследования испытуемые писали эссе о жизни гомосексуалиста, которое оценивалось на предмет употребления негативных стереотипов, унижительных фраз и утверждений. Сильно предубежденные испытуемые, употреблявшие во время эксперимента более сладкий лимонад, продемонстрировали меньшее количество негативных высказываний, суждений и оценок, по сравнению с контрольной группой, у членов которой лимонад был менее сладким. Авторами делается вывод о зависимости предубежденности и ее проявлений от ресурсного состояния человека: человек, имеющий достаточно ресурсов, в том числе питательных, менее склонен к предубежденному поведению. Однако хотелось бы отметить, что подобные исследования проводились и ранее, хоть и не со столь однозначной биохимической «привязкой». Так, например, Боденхаузен в своей работе утверждал, что сильные аффекты могут уменьшать ресурсы человека и делают его более склонным к стереотипизации и предубежденному поведению, в то время как люди, не испытывающие сильных аффектов, более углубленно и детально размышляют над своими действиями [1; 15].

Влияние предубежденности на взаимодействие групп

В ходе изучения воздействия имплицитной предубежденности на восприятие было исследовано, как происходит категоризация у слабо и сильно предубежденных людей. Б. Хатчинз и Г. Хаддок рассмотрели влияние степени предубежденности на восприятие злобного лица, про которое невозможно с достаточной степенью уверенности сказать, что это лицо афроамериканца или «белого». Так, более предубежденный участник был склонен указывать, что «злое расово неопределенное» лицо скорее принадлежит «чернокожему», в то время как менее предубежденные были менее склонны к подобному выбору. Исследователи выяснили также, что в случае когда «расово неопределенное лицо» обозначается исследователем как принадлежащее афроамериканцу, сильно предубежденные участники были склонны говорить о более выраженных отрицательных эмоциях, чем когда неопределенное злое лицо предьявлялось как лицо «белого» [17].

А. Крофт изучила влияние предубежденности на обе стороны взаимодействия, а точнее, представления о возможности проявления предубежденности. Исходя из политики политкорректности, проявление предубежденности чаще воспринимается как нечто негативное и это заставляет представителя более привилегированной группы с осторожностью действовать в отношении представителей менее привилегированной группы. В этой работе рассматривалось влияние подобного эффекта на взаимодействие преподавателя и студента из низко-статусной социальной группы. Было вы-

явлено, что такие студенты получают менее критичную обратную связь из-за того, что преподаватели стремятся избежать риска быть уличенными в предвзятом отношении. В рамках исследования фиксировалось, будет ли оценка эссе зависеть от принадлежности автора к той или иной группе. Преподавателям были представлены эссе, авторство которых подписывалось в разных случаях либо представителю привилегированной группы, либо низкостатусной группы. Было выявлено, что объем позитивных оценок не зависел от принадлежности предполагаемого автора к одной из них, разница же проявлялась в количестве критических отзывов. Так, менее привилегированные студенты получили меньше критики, что, по мнению автора, может приводить к тому, что качество образования в подобном случае страдает, а преподаватели не могут полноценно выполнять свою работу [10].

В оппозиции мнению о том, что стереотипы и предубеждение имеют только негативные аспекты, существуют исследования, доказывающие, что в ряде случаев предубежденность имеет и свои плюсы. Так, в одном из французских исследований измерялся уровень интеллекта у студентов. Независимой переменной выступали условия и вводные слова, которые предваряли тест. Членам одной группы было сказано, что тест направлен на измерение индивидуальных различий. Исследователи предположили, что в этом случае не было условий для активизации предубеждения и стереотипов. Членам второй группы была дана инструкция, в которой отмечалось, что в ходе исследования будут измеряться различия между учащимися-французами и учащимися-африканцами. Как и

ожидалось, во втором случае за счет активизации предубежденности студенты показали более высокие результаты, чем представители контрольной группы [7].

Изучение методов снижения предубежденности

Эта категория исследований наиболее показательна, с одной стороны, из-за своей практической значимости: есть возможность разработать и проверить методы снижения предубежденности, что является целью многих исследователей и «администраторов», а с другой — из-за теоретической значимости, так как именно в этих исследованиях появляется возможность проверить действенность полученных выводов не только за счет статистического анализа, но и в реальной практике.

Магистральной линией подобных разработок является проверка широко известной «гипотезы контакта». Одно из таких исследований было обращено на Британскую Национальную Партию, известную своей нетерпимостью к этническим меньшинствам. Было выявлено, что в её ряды реже вступают люди из мест, где распространен контакт между представителями разных этносов, где выше разнообразие культур и где больше детей, родившихся в смешанных браках. По мнению К. Леннокс, это служит косвенным доказательством «гипотезы контакта» [21].

В дополнение к возможности применения «гипотезы контакта» было проведено необычное исследование, оказавшееся достаточно значимым, судя по рейтингу цитирования Web Of Knowledge. Изучалось, может ли контакт сни-

жать предубежденность без самого факта взаимодействия, когда контакт с представителем аутгруппы проходит исключительно в воображении респондентов (им нужно было представить взаимодействие, имеющее позитивный оттенок). Подобный опыт снижал тревожность и позволял перенести впечатления на возможные будущие контакты с представителем аутгруппы, что помогло в снижении предубежденности. Однако как и сама «гипотеза контакта» подобный способ имеет свои минусы, в первую очередь, — это сложность представления позитивного опыта у сильно предубежденных участников исследования [9]. Результаты данной работы нашли косвенное подтверждение в виде исследования влияния радио на социальные установки у жителей Руанды. В течение года в эфир страны выпускалась радиопостановка («мыльная опера», посвященная взаимодействию двух групп), в которой «красной нитью» проходила мысль о возможности мирного сосуществования двух разных этносов. У группы слушателей произошло позитивное изменение в плане отношения к аутгруппе по таким параметрам, как возможность создания смешанной семьи, эмпатия к аутгруппе, возможность честного и открытого контакта с ней [25].

Так же проверялись уже известные методы снижения предубежденности: избегание предубежденности и достижение равенства. Целью исследования было выявление значения регулирующего фактора и ситуационного равенства, а также как их стоит применять, на чем делать акцент. Результаты продемонстрировали, что эти два метода оказываются наиболее эффективны при определенных условиях. Так, политика равенства

лучше сработала в благоприятных ситуациях, а также в ситуациях, нацеленных на достижение положительного результата. Политика избегания предубежденности и контроля лучше всего показала себя в неблагоприятных ситуациях, в ситуациях, сформированных на избегание неблагоприятных последствий [29].

Методы, описанные выше, показывают, насколько значимыми могут оказаться нормы для снижения предубежденности, а также какие из них и когда лучше использовать. Однако остается вопрос, как преподносить эти нормы. В исследовании Э. Зитек акцент делался на качестве предлагаемых норм: более четкие правила существенно повышали влияние метода на снижение предубежденности [33]. В работе Э. Палук основной упор был направлен на социальные сети, через которые распространялись нормы поведения в значимых ситуациях. Так, специальным образом отобранные и обученные лидеры студенческих групп с большим успехом влияли на изменение предубежденности и помогали другим студентам справляться с предубеждением [26], а они, в свою очередь, оказывали подобное (пусть и не столь сильное) влияние на свое ближайшее окружение [3].

Еще одним методом снижения предубежденности является информирование об отвергаемой группе. Обычно «культурное просвещение» идет в рамках рассказа о культурных нормах, истории, текущем социальном положении группы. М. Брауер предложил испытуемым постер с подобной информацией. Различия в подходах в том, что двум группам были предъявлены постеры только с позитивным описанием аутгруппы, двум другим — с позитивной и негативной информацией,

а одной группе не было представлено постера вовсе. В итоге оказалось, что постеры с комбинированной позицией превзошли по степени влияния на снижение предубежденности группы с позитивным постером и группу без постера. Происходило это, по мнению М. Брауера, за счет того, что испытуемые воспринимали этот плакат без сопротивления и усвоение информации происходило в разы проще [2]. Этот эффект так же сработал в рамках упомянутого ранее эксперимента в Руанде, где взаимодействие между представителями групп носило как положительный, так и негативный характер [25].

Одним из немногих действительно комплексных исследований в рассматриваемой области стала работа П. Дивайн. Она и ее группа разработали многоплановую интервенцию, направленную на снижение склонности к предубеждению для достижения долгосрочного эффекта уменьшения имплицитного расового предубеждения. Сама интервенция состояла из повышения осознанности имплицитного предубеждения, понимания его влияния и, вместе с этим, применения снижающих предубежденность методов. По результатам проведенного 12-недельного лонгитюдного исследования участники экспериментальной группы показали значительное снижение предубежденности, а также продемонстрировали возросшее внимание к дискриминации и понимание природы предубежденности [13].

Вышеперечисленные исследования позволяют охватить большую область, связанную с предубежденностью, однако не менее полезным является применение полученной информации к конкретному случаю, что позволяет оценить и про-

верить результаты предыдущих исследований.

Эффект Обамы

Исследования, собранные в данном разделе, объединены не столько именем в заглавии, сколько тем, что являются примером, как вышеперечисленные подходы-направления могут быть применены в частном случае.

В 2008 году в США произошло знаковое событие: на должность президента был избран Барак Обама, первый афроамериканец на данном посту за всю историю США. Для страны, где законная расовая сегрегация была отменена чуть более 70 лет назад, подобное не могло пройти незамеченным. Последствия этих выборов активно обсуждались обычными гражданами, политологами, культурологами и, конечно, психологами, особенно занимавшимися непосредственно проблемами расовой предубежденности.

Эти выборы стали поводом для проведения исследований, направленных на выявление влияния избрания Б. Обамы на предубежденность и выявление влияния предубежденности на текущую политику американского президента.

Так, группа исследователей под руководством К. Пейн задалась вопросом, как предубежденность повлияет на выбор в грядущем голосовании. Отметив, что в последнее время происходит спад эксплицитной предубежденности, про-извели замер имплицитной предубежденности. Также был задан вопрос, за кого проголосует респондент. Результаты исследования продемонстрировали, что высокие показатели как эксплицитной,

так и имплицитной предубежденности позволяют судить, что выбор будет не в пользу чернокожего кандидата в президенты. Тем не менее, различия между группами более эксплицитно предубежденных и более имплицитно предубежденных имеют место. Те, кто более открыто проявляет свое отношение к чернокожим, склонен голосовать за кандидата-республиканца, а те, чья предубежденность оказывается имплицитной, либо не намереваются голосовать вообще, либо склоняются к кандидату от третьей партии. Исходя из данных исследования, был сделан вывод, что предубежденность и то, за кого будут голосовать избиратели, имеют взаимосвязь [27]. Этот вывод подтвержден и исследовательскими группами Э. Кноулс и Э. Хехман. Вместе с предсказанием, за кого будет голосовать респондент, анализировалось также отношение к политике уже избранного на тот момент президента. И в этом случае высокий уровень имплицитного и эксплицитного предубеждения продемонстрировал взаимосвязь с сопротивлением политике Б. Обамы в целом и в сфере здравоохранения, в частности [19]. В случае если подобная политика приписывалась не «чернокожему» президенту, а Биллу Клинтону, она не встречала подобного сопротивления. А если требовалось оценить в целом деятельность работающего с Б. Обамой белого вице-президента Дж. Байдена, взаимосвязи между предубежденностью и оценкой не было [16].

Среди исследований, посвященных данной проблеме, можно выделить работу К. Колумба и Э. Плант, в которой анализируется влияние демонстрации портрета Б. Обамы на имплицитную предубежденность. Так, в ходе исследования

испытуемым демонстрировались портреты сначала отрицательно воспринимаемого афроамериканца, затем (в зависимости от группы) либо портрет еще одного отрицательно воспринимаемого афроамериканца, либо портрет Б. Обамы, либо нейтральный портрет. Было показано, что первая комбинация оказывала негативное влияние на предубежденность, а комбинация с Б. Обамой (относительно первой комбинации) имела свойство снижать предубежденность. Исходя из этого исследователи делают вывод, что позитивные примеры, противоположные традиционному стереотипу, положительно влияют на уровень предубежденности [8].

Подводя итоги по данному разделу статьи, можно сделать вывод, что отношение к Б. Обаме взаимосвязано с предубежденностью и поэтому его инициативы могут встречать сопротивление предубежденных. В то же время сам Б. Обама как контрстереотип может влиять на снижение уровня предубежденности, однако одного его как «фактора» изменения предубежденности по силе или длительности явно недостаточно, что, в частности, и подтверждается в вышеописанных исследованиях.

Уточнение понятия предубежденности и его связь с другими феноменами

В работах, описанных выше, чаще всего за рамками исследования остается вопрос осмысления самого понятия предубежденности в контексте современных экспериментальных реалий. Но часть работ посвящена именно этой теме.

Так, группа исследователей (Дж. Фелан, Б. Линк, Дж. Довидио) задалась це-

люю определить, насколько схожи и насколько различны такие понятия, как «стигма» и «предубеждение». На это ученых сподвигла сложившаяся ситуация: как уже упоминалось, многие исследователи применяют свои собственные определения предубеждения, аналогичная ситуация складывается и с определением стигмы. Однако подобное несоответствие позиций для новых исследовательниц оказывалось скорее не барьером, а возможностью выбирать наиболее подходящее для своего собственного исследования уже имеющееся определение. Так, порой в одной работе соседствовали несколько нетождественных определений предубеждения и нетождественных определений стигмы, но при этом определения стигмы и предубеждения оказывались в содержательном плане крайне схожими. Кроме того, неопровержимым фактом является сближение исследований предубеждения и стигмы. Так, исследователи, занимающиеся изучением предубеждения в 1990-х, обратили внимание на объект, против которого оно направлено (Дж. Крокер и Дж. Гарсия), что привело к перехлесту сферы исследований стигмы и предубеждения. В 2006 году Национальный институт психического здоровья (National Institute Of Mental Health) пригласил исследователей как стигмы, так и предубеждения для работы над проблемой стигмы психически больного. Этот случай, а также последовавшее мероприятие, связанное с данной работой, послужили качественным толчком для сведения воедино знаний об этих двух областях. В то же время члены группы под руководством Дж. Довидио отмечают, что им было неизвестно, были ли предприняты работы по систематизации и сравнению моделей

стигмы и предубеждения, хотя более чем очевидно: подобные усилия были бы явно своевременны [28].

Суть работы заключалась в обзоре и сравнении основных 18 теоретических моделей стигмы и предубеждения. Анализ проходил по трем направлениям. Первое из них было связано с составлением «карты», на которой теории располагались в зависимости от ответа на следующие вопросы.

1. Какой конструкт является ключевым в данной модели;
2. На чем сфокусирована модель;
3. К каким человеческим характеристикам применяется эта модель;
4. Стигма и предубеждение рассматриваются как норма или как отклонение от нормы.

Второе направление заключалось в попарном сравнении моделей с целью выявления противоречий и расхождений в предсказаниях. Третье — в ответе на вопрос, являются ли свойства человека в данной модели заменяемыми так (пример, можно ли в теорию расового предубеждения подставить вместо расы пол или возраст), что не будет потерян смысл теории.

Подобный анализ позволил выяснить, как связаны понятия «стигма» и «предубеждение» и связаны ли они вообще.

Так, исследователи пришли к выводу, что стигма и предубеждение являются одним «животным», разными аспектами одного процесса. Различие было найдено в том, на чем фокусируются модели. Была разработана типология, в соответствии с которой стигма или предубеждение были направлены на выполнение следующих социальных функций.

1. Эксплуатация и доминирование (сохранение статус-кво относительно эксплуатируемой аутгруппы);
2. поддержание нормы (принятого поведения в данной группе);
3. избегание болезней (безопасность группы от возможного заражения).

По данной типологии большая часть теорий предполагала, что предубеждение скорее выполняет первую функцию, а стигма выполняет вторую и/или третью. Однако данные процессы являются частью чего-то большего, связанного с задачей сохранения группы. Авторы отмечают, что для них не было целью назвать этот объединяющий стигму и предубеждение феномен, важнее было соотносить понятия между собой и с другими психологическими реалиями. Отмечается, что стигму можно отнести к более широкому процессу с множеством компонентов, в то время как предубежденность можно отнести лишь к установочному компоненту данного процесса.

Подобная работа, проведенная Дж. Довидио, Б. Линк и Дж. Фелан, закономерна в современных реалиях, в ней наблюдается важный для современной психологии процесс анализа и систематизации уже имеющихся теорий с целью получить более четкое представление о психологическом явлении и его месте в психологии [28].

Систематизация и уточнение понятий также нашли отражение в исследовании Ш. Дермер, Ш. Смит и К. Барто, в котором внимание было уделено различению понятий, описывающих конфликтное отношение к сексуальным меньшинствам. Если у Дж. Давидио задача состояла путем анализа выявить значимое общее в понятиях «стигма» и «предубеждение», то здесь авторы поста-

вили задачу максимально дифференцировать и определить понятия с целью более полного и более-менее однозначного их применения.

Авторы рассматривают понятия сексуального предубеждения, сексуальной стигмы, гомофобии, гетеросексизма. Эта работа имеет несомненный практический смысл, так как в судебных делах, как оказалось, использование правильных и четких слов позволяет на более высоком уровне отстаивать интересы сексуальных меньшинств. Было показано, что понятия «гомофобия» и «гетеросексизм» являются «устаревшими», обладающими слишком негативной ассоциацией и им на смену должны прийти более однозначные термины. Было раскритиковано понятие «гомофобия» за наличие «болезненных» (медицинских) атрибуций, что снижает ответственность гомофобного человека, так как представляется чем-то малозависящим от субъекта. По мнению авторов, гетеросексизм тоже уводил внимание в сторону от субъекта и от объекта, так как в основном относится не к индивидуальному, а к социальному уровню рассмотрения, что опять же влияет на вынесение приговора [12].

Такое «осовременивание» тезауруса оказывается содержательно важным, так как для решения новых задач требуется столь же новый инструментарий и аффективно старые понятия с этой задачей справляются все менее эффективно. Но устаревшие понятия — не единственная проблема, пришедшая со временем. В работе Т. Брауна, М. Акияма, Т. Уайта, Э. Андерсон и Т. Джайаратне подвергаются анализу понятия «современных» и «традиционных» расовых предубеждений. Эти понятия обозначают различные

вариации расизма, хотя между ними и существует корреляция. Исследователи анализировали, является ли мнение о врожденности различий между расами своего рода маркером, предсказывающим появление расизма. Оказалось, что в отличие от более ранних теоретических изысканий полученные данные демонстрируют: оба типа расизма связаны с идеей о «биологической» природе культурных различий. Ранее же считалось, что «современный» расизм не так сильно коррелирует с данным представлением. Предполагалось, что только для «традиционного» расизма определяющей является идея о генетической предрасположенности, о врожденной разнице между расами и культурами, в то время как «современный» расизм в США основывается на эгалитарных установках современных американцев и на стремлении лишить «афроамериканцев» излишней (по их мнению) поддержки [4].

Заключение

За последние годы по сравнению с предыдущими десятилетиями внимание к проблеме предубежденности значительно возросло. Возросло количество статей, связанных с данной тематикой. Продолжились исследования по выявлению факторов, влияющих на возникновение предубежденности. Так, одним из аспектов, раскрытых в данной статье, является восприятие аутгруппы и ее членов как представляющих угрозу, при этом угроза может быть как реальной, так и достаточно символичной.

Исследования влияния предубежденности на взаимодействие в своей основной массе указывают, что в большинстве

случаев данное влияние оказывается негативным и создает препятствие для нормального общения. Положительным влияние можно назвать лишь в редких случаях, когда взаимодействие можно назвать конфликтным, а предубеждение в этот момент служит стимулом для членов группы показать себя более способными.

В плане исследований снижения предубежденности можно отметить, что не только увеличилось количество подобных работ в целом, но и они оказались вторыми по популярности после работ, направленных на выявление факторов, влияющих на возникновение предубежденности. Появилась потребность в комплексных исследованиях, пролонгированных, таких как вышеописанные работы П. Дивайн и исследования в Руанде [13; 23]. В этих обстоятельствах в одном исследовании могут соседствовать несколько способов снижения предубежденности или, например, оцениваться, как показывают себя гипотезы в случае столкновения с реальным миром, что, в частности, изучалось в работах по «эффекту Обамы».

Бросающееся в глаза разнообразие исследований по обсуждаемой тематике закономерно привело к потребности упорядочить весь массив подобных работ и провести их содержательную систематизацию с целью упрощения дальнейшего сравнения полученных результатов. Следует отметить, что это уже нашло отражение в появлении ряда исследований, подобных работе Дж. Довидио, в которой проводился анализ теорий стигмы и предубеждения, а также, например, в работе С. Дермер, уточняющей имеющиеся термины для применения в повседневной реальности.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Todd N.* Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб., 2003. [*Todd N.* Psihologija predubezhdenij. Sekrety shablonov myshlenija, vosprijatija i povedenija. SPb., 2003].
2. *Brauer M.* Describing a group in positive terms reduces prejudice less effectively than describing it in positive and negative terms // *Journ of Experimental Social Psychology.* 2012. № 48 (3).
3. *Brauer M.* Increasing perceived variability reduces prejudice and discrimination // *Journ. of Experimental Social Psychology.* 2011. № 47(5).
4. *Brown T.N., Akiyama M.K., White I.K., Anderson E., Epstein Jayaratne T.* Differentiating Contemporary Racial Prejudice from Old-Fashioned Racial Prejudice // *Race and Social Problems.* 2009. № 1 (2).
5. *Butz D.A.* A new threat in the air: Macroeconomic threat increases prejudice against Asian Americans // *Journ. of Experimental Social Psychology.* 2011. № 47 (1).
6. *Charles-Toussaint G.C., Crowson H.M.* Prejudice against international students: the role of threat perceptions and authoritarian dispositions in U.S. students. // *The Journ. of Psychology.* 2010. № 144 (5).
7. *Chatard A.* Performance boosts in the classroom: Stereotype endorsement and prejudice moderate stereotype lift // *Journ. Of Experimental Social Psychology.* 2008. № 44 (5).
8. *Columb C., Plant E.A.* Revisiting the Obama Effect: Exposure to Obama reduces implicit prejudice // *Journ. of Experimental Social Psychology.* 2011. № 47 (2).
9. *Crisp R.J., Turner R.N.* Can imagined interactions produce positive perceptions? Reducing prejudice through simulated social contact // *The American Psycholyst.* 2009. № 64 (4).
10. *Croft A., Schmader T.* The feedback withholding bias: Minority students do not receive critical feedback from evaluators concerned about appearing racist // *Journ. of Experimental Social Psychology.* 2012. № 48 (5).
11. *Das E.* How terrorism news reports increase prejudice against outgroups: A terror management account // *Journ. of Experimental Social Psychology.* 2009. № 45 (3).
12. *Dermer S.B., Smith S.D., Barto K.K.* Identifying and Correctly Labeling Sexual Prejudice, Discrimination, and Oppression // *Journ. of Counseling & Development.* 2010. 88 (3).
13. *Devine P.G.* Long-term reduction in implicit race bias: A prejudice habit-breaking intervention // *Journ. of Experimental Social Psychology.* 2012. № 48. (6).
14. *Falomir-Pichastor J.M.* The dark side of heterogeneous ingroup identities: National identification, perceived threat, and prejudice against immigrants // *Journ of Experimental Social Psychology.* 2013. № 49 (1).
15. *Gailliot M.T., Peruche B M., Plant E.A.* Stereotypes and prejudice in the blood: Sucrose drinks reduce prejudice and stereotyping // *Journ of Experimental Social Psychology.* 2009. № 45 (1).
16. *Hehman E., Gaertner S.L.* Evaluations of presidential performance: Race, prejudice, and perceptions of Americanism // *Journ of Experimental Social Psychology.* 2011. № 47 (2).

17. *Hutchings B., Haddock G.* Look Black in anger: The role of implicit prejudice in the categorization and perceived emotional intensity of racially ambiguous faces // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2008. № 44 (5).
18. *Kaiser C.R., Pratt-Hyatt J.S.* Distributing Prejudice Unequally: Do Whites Direct Their Prejudice Toward Strongly Identified Minorities // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2009. № 96 (2).
19. *Knowles E.D.* Racial prejudice predicts opposition to Obama and his health care reform plan // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2010. № 46 (2).
20. *Lehmiller J.J.* The effect of self-affirmation on sexual prejudice // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2010. № 46 (2).
21. *Lennox C.* Racial integration, ethnic diversity, and prejudice: empirical evidence from a study of the British National Party // *Oxford Economic Papers* 2012. № 64 (3).
22. *Miller S.L., Maner J.K., Becker D.V.* Self-protective biases in group categorization: threat cues shape the psychological boundary between "us" and "them" // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2010. № 99 (1).
23. *Morrison K.R., Chung A.H.* "White" or "European American"? Self-identifying labels influence majority group members' interethnic attitudes // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2011. № 47 (1).
24. *Newheiser A.K., Tausch N.* Entitativity and prejudice: Examining their relationship and the moderating effect of attitude certainty // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2009. № 45 (4).
25. *Paluck E.L.* Reducing Intergroup Prejudice and Conflict Using the Media: A Field Experiment in Rwanda // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2009. № 96 (3).
26. *Paluck E.L.* Peer pressure against prejudice: A high school field experiment examining social network change Original Research Article // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2011. № 47 (2).
27. *Payne B.K.* Implicit and explicit prejudice in the 2008 American presidential election // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2010. № 46 (2).
28. *Phelan J.C., Link B.G., Dovidio J.F.* Stigma and prejudice: One animal or two? // *Social Science and Medicine*. 2008. № 67.
29. *Phills C.E.* Reducing implicit prejudice: Matching approach/avoidance strategies to contextual valence and regulatory focus // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2011. № 47 (5).
30. *Rocio G.R., Esther L.Z.* Prejudice against Women in Male-congenial Environments: Perceptions of Gender Role Congruity in Leadership // *Sex Roles*. 2006. № 55.
31. *Rudman L.A.* Status incongruity and backlash effects: Defending the gender hierarchy motivates prejudice against female leaders // *Journ. of Experimental Social Psychology* 2012. № 48 (1).
32. *Sassenberg K.* The carry-over effect of competition: The impact of competition on prejudice towards uninvolvement outgroups // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2007. № 43 (4).
33. *Zitek E.M.* The role of social norm clarity in the influenced expression of prejudice over time // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2007. № 43 (6).

Modern Approaches to the Study of Prejudices in Foreign Social Psychology

N.A. KOSMODAMIANSKIY

*PhD student at the Chair of of Ethnopsychology and Psychological Problems
in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education*

This paper gives a review of the foreign works on the issue of prejudice that have been published in the previous five years in various international social psychology journals. The following problems seem to be of special interest to the researchers: the relationship between prejudice and other components of intergroup interactions; changes in prejudices occurring in various groups; the discovery of new factors referring to prejudice; and, finally, the assessment of the effectiveness of various prejudice reduction programs.

Keywords: *intergroup interaction, ingroup, outgroup, prejudice, adaptation, minorities, race, ethnos.*

Связь множественной категоризации с этническими предрассудками: роль социальных верований¹

О.А. ГУЛЕВИЧ

доктор психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии НИУ «Высшая школа экономики»

Н.Н. ЕРМОЛАЕВА

бизнес-тренер ЗАО «Банк Русский Стандарт»

В статье рассматривается связь между множественной самокатегоризацией и отношением к «чужим». Изначально предполагалось, что чем больше социальных категорий люди используют при самокатегоризации, тем более негативно они относятся к представителям этнической аутгруппы. Однако оказалось, что эта связь опосредуется социальными верованиями: чем больше человек верит в опасный и конкурентный мир, тем сильнее связь между количеством категорий и предрассудками. Для проверки этого предположения было проведено исследование (N = 91), участники которого заполняли методики для измерения сложности системы социальных категорий, используемых при самокатегоризации, веры в опасный и конкурентный мир, этнических предрассудков.

Ключевые слова: множественная самокатегоризация, вера в опасный мир, вера в конкурентный мир, этнические предрассудки.

Постановка проблемы и программа исследования

Вступая в социальное взаимодействие, человек осуществляет социальную категоризацию — классификацию себя и окружающих людей в зависимости от групповой принадлежности. «Помещая» партнера в ту или иную категорию на основании отдельных, часто внешних признаков, человек автоматически приписывает ему и другие свойства, отраженные в категории, — психологические характеристики и паттерны поведения. Роль социальной категоризации ярко

проявляется в межгрупповых отношениях. Она отражена в теориях самокатегоризации и социальной идентичности.

Согласно *теории самокатегоризации*, человек может воспринимать окружающих тремя различными способами: а) как индивидуальностей, б) как членов группы, в) как людей вообще. В первом случае он уделяет внимание таким характеристикам партнера, которые отличают его от других людей. Во втором случае он учитывает групповую принадлежность партнера, рассматривает его как типичного представителя определенной группы и приписывает ему соот-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 12-06-00618 «Множественная категоризация как способ улучшения межгрупповых отношений» (2012–2013 гг.)

ветствующие особенности. И наконец, в третьем случае человек воспринимает партнера как типичного представителя человечества в целом — подчеркивает его отличие от животных и приписывает ему характеристики, свойственные большинству людей. Категоризация партнера в отдельную группу (второй уровень) упрощает процесс социального познания, позволяет сэкономить когнитивные ресурсы, удовлетворяет потребности человека в познании, предсказании, контроле и, таким образом, избавляет его от ощущения неопределенности и сопровождающих его негативных эмоций. В то же время она способствует самокатегоризации, дает человеку возможность разделить окружающих на «своих» и «чужих» и провоцирует межгрупповые конфликты.

Согласно теории социальной идентичности, люди обладают двумя типами идентичности — личностной и социальной. При актуализации социальной идентичности человек осознает свою принадлежность к социальной группе. Как следствие, групповой статус начинает оказывать влияние на его самооценку и эмоциональное состояние. Социальная идентичность дает человеку ощущение защищенности, единства с другими людьми, т. е. способствует реализации аффилятивной потребности и позволяет сохранить позитивное представление о себе. Поэтому сталкиваясь с угрозой лишения социальной идентичности (отрицания уникальности данной группы) или понижения интрагруппового статуса, человек становится на защиту группы — формирует негативные стереотипы и предрассудки по отношению к «чужим», осуществляет межгрупповую дифференциацию в пользу «своих». Другими сло-

вами, межгрупповую враждебность порождает не социальная категоризация, а попытка отказаться от использования социальных категорий.

Благодаря разному представлению о последствиях социальной категоризации, сторонники теорий самокатегоризации и социальной идентичности предлагают разные пути улучшения межгрупповых отношений. Согласно теории самокатегоризации, этой цели позволяет достичь увеличение количества информации об индивидуальных особенностях и предпочтениях участников общения (переход на первый уровень восприятия, модель декатегоризации) [6; 9; 11; 13; 23; 25] или замена старого параметра категоризации, разделяющего людей на несколько категорий, на новый объединяющий параметр (переход на третий уровень восприятия, модель рекатегоризации) [5; 6; 11; 12; 17; 18; 21; 22].

В то же время, согласно теории социальной идентичности, улучшению межгрупповых отношений способствует предоставление людям возможности подчеркнуть свою принадлежность к определенной группе (модель категоризации) [12] или введение объединяющего параметра категоризации при сохранении разделяющего параметра (модель двойной идентичности) [4; 5; 7; 13; 17].

Продолжением этого спора, хотя и в несколько иной плоскости, являются более современные модели множественной категоризации и множественной идентичности. По мнению авторов этих моделей, отношение человека к аутгруппе зависит от сложности существующей у него системы социальных категорий.

Так, в соответствии с моделью «множественной» категоризации, созданной на основе теории самокатегоризации,

позитивное влияние оказывает актуализация в сознании человека целого ряда социальных категорий, не связанных с текущей ситуацией общения. Например, отношения между студентами разных специальностей может улучшить напоминание, что они являются представителями других групп, не связанных с системой образования (половых, возрастных, этнических, религиозных и т. д.). По мнению авторов модели, это происходит за счет декатегоризации. При актуализации большого количества категорий человек понимает, что каждая из них в отдельности не позволяет составить адекватное представление о партнере по общению, т. е. бесполезна. Как следствие, люди отказываются от использования социальных категорий и связанных с ними негативных стереотипов и предрассудков [14].

Согласно модели «множественной идентичности», межгрупповые отношения улучшает одновременное использование при самокатегоризации нескольких социальных категорий, содержание которых слабо пересекается друг с другом [2; 19]. Под «пересечением» в данном случае понимается признание человеком, что представители одной категории одновременно являются представителями другой. Исследования показывают, что наличие большого количества слабо пересекающихся категорий улучшает отношение к аутгруппе даже при отсутствии непосредственного контакта с ее представителями. Вероятно, это происходит благодаря формированию сложной картины мира, в которой отсутствует жесткое деление на «своих» и «чужих» и поэтому социальная категоризация теряет свое значение [2; 16].

В то же время, критики моделей множественной идентичности и множественной категоризации полагают, что одновременное использование человеком нескольких социальных категорий может оказать негативное воздействие на характер межгрупповых отношений. В частности, одновременная актуализация нескольких социальных идентичностей может стать причиной внутриличностного конфликта; одновременное применение нескольких категорий при восприятии других людей может увеличить количество «выпуклых» (т. е. находящихся в поле зрения человека, хорошо заметных) аутгрупп и тем самым повысить уровень предубежденности к ним [3].

Таким образом, достоинства и недостатки множественной категоризации позволяют нам выдвинуть две конкурирующие гипотезы. С одной стороны, согласно моделям множественной идентичности и множественной категоризации, чем больше категорий человек использует при самокатегоризации, тем лучше его отношение к аутгруппе (гипотеза 1а). С другой стороны, критика идеи множественной категоризации позволяет предположить, что чем больше категорий человек использует при самокатегоризации, тем хуже его отношение к аутгруппе (гипотеза 1б).

Кроме того, наличие двух конкурирующих точек зрения говорит о том, что связь между количеством категорий и отношением к аутгруппе опосредуется дополнительными переменными, связанными с восприятием опасности окружающего мира. Одной из них являются социальные верования — представления человека о сущности других людей, как они ведут себя по отношению к окружающим и как надо отвечать на их дейст-

вия, а также вера в опасный и конкурентный мир [8].

Вера в опасный мир (*dangerous world beliefs*) — это убеждение в том, что общество хаотично, непредсказуемо, люди нападают на окружающих, а существующий социальный порядок находится под угрозой разрушения. В то же время вера в конкурентный мир (*jungle world beliefs*) — это убеждение человека, что окружающие люди стремятся «обыграть» его, поэтому чтобы достичь успеха и выиграть соревнование, он должен использовать все преимущества, предоставляемые ситуацией, лгать и манипулировать людьми.

Согласно двухкомпонентной модели Дж. Даккита, вера в опасный мир повышает авторитаризм человека, а вера в конкурентный — ориентацию на социальное доминирование. Это происходит, поскольку социальные верования создают у человека ощущение угрозы, которое заставляет его защищаться от надвигающейся беды. Авторитаризм и ориентация на социальное доминирование, в свою очередь, ухудшают отношение человека к представителям аутгрупп [8; 10; 15; 20; 24]. Это дает нам возможность предположить, что чем выше вера в опасный (гипотеза 2а) и конкурентный мир (гипотеза 2б), тем сильнее предрассудки к аутгруппе. Однако исследования, проведенные в рамках двухкомпонентной модели, говорят о том, что воздействие социальных верований комбинируется с воздействием других источников угрозы. В частности, отношение к аутгруппе максимально негативно в том случае, когда человек верит в опасный мир и находится в условиях, вызывающих у него тревогу [15]. Одним из таких стимулов может стать одновременная

актуализация в сознании человека нескольких социальных категорий. Таким образом, мы предположили, что связь между количеством категорий при самокатегоризации и отношением к аутгруппе опосредуется верой в опасный (гипотеза 3а) и конкурентный мир (гипотеза 3б). Для проверки выдвинутых гипотез было проведено эмпирическое исследование.

Выборка. В исследовании принял участие 91 человек: 25 мужчин и 66 женщин, возраст от 19 до 55 лет ($M = 26,4$ $SD = 8,3$). Все респонденты воспринимали себя как «русских» или «славян».

Методики. Респонденты заполняли опросник, который включал в себя вопросы для измерения количества категорий при самокатегоризации, этнических предрассудков, а также веры в опасный и конкурентный мир.

Количество категорий для самокатегоризации. Респонденты получали инструкцию: «В современном обществе существуют социальные группы, члены которых обладают похожими ценностями и представлениями. Эти группы выделяются по признаку пола, возраста, этнической принадлежности и места проживания, социально-экономического статуса, образования и профессии, отношения к религии и политике, предпочтений в области культуры и спорта и т. д. Подумайте о том, членом каких групп являетесь Вы. Напишите внизу те группы, членство в которых важно для Вас, о которых Вы могли бы с полным правом сказать: Я — член группы “X”». Перед проведением основного исследования эта инструкция прошла пилотаж. При обработке результатов подсчитывалось общее количество названных человеком категорий.

Этнические предрассудки были измерены с помощью адаптированного для русскоязычной выборки опросника Т. Петтигрю. Он включал в себя пять шкал, по которым респонденты оценивали мигрантов из Средней Азии.

- **Экономическая угроза** (явные предрассудки, прямая шкала). В эту шкалу вошли пять утверждений относительно деятельности мигрантов в экономической сфере: «Мигранты из Средней Азии настойчиво стремятся занять экономические и политические позиции, которые традиционно принадлежали местному населению», «Многие мигранты из Средней Азии занимают рабочие места, которые могли бы занимать местные жители», «Большинство мигрантов из Средней Азии делают и продают низкосортные товары и услуги», «Большинство мигрантов из Средней Азии рассматривают Россию только как источник дохода и равнодушны к ее будущему», «Многие мигранты из Средней Азии при любой возможности готовы обмануть представителей местного населения ради собственной выгоды».

- **Физическая угроза** (явные предрассудки, прямая шкала). В эту шкалу вошли пять утверждений относительно агрессивности мигрантов и их связи с представителями власти: «Мигранты из Средней Азии ведут себя более агрессивно, чем местное население», «Мигранты из Средней Азии чаще, чем местное население, нарушают закон», «Мигранты из Средней Азии чаще, чем местное население, создают аварийные и опасные ситуации на дорогах», «Большинство политиков в России слишком заботятся о мигрантах из Средней Азии и недостаточно — о местном населении», «При конфликте мигрантов из Средней Азии с

местным населением власть встает на сторону мигрантов».

- **Избегание интимного контакта** (явные предрассудки, обратная шкала). Эта шкала включала в себя пять утверждений, касающихся готовности общаться с мигрантами: «Я не буду против, если мигрант из Средней Азии вступит в брак с членом моей семьи», «Я не исключаю того, что мигрант из Средней Азии станет моим другом», «Я не буду против того, чтобы обладающий соответствующей квалификацией мигрант из Средней Азии был назначен моим начальником», «Я не буду против того, чтобы обладающий соответствующей квалификацией мигрант из Средней Азии стал моим подчиненным», «Я не буду против того, чтобы мигрант из Средней Азии стал моим соседом».

- **Проблемы с адаптацией** (скрытые предрассудки, прямая шкала). Эта шкала включала в себя четыре утверждения, касающихся способности и готовности мигрантов принимать нормы местного населения: «Мигранты из Средней Азии передают своим детям ценности и учат навыкам, которые не способствуют достижению успеха в России», «Приезжая в Россию, мигранты из Средней Азии селятся вместе, что мешает им адаптироваться в новой культуре», «Мигранты из Средней Азии предпочитают следовать своим традициям, даже если они мешают им достичь успеха в обществе», «Многие мигранты из Средней Азии плохо образованы и не стремятся учить русский язык, чтобы достичь успеха в России».

- **Преувеличение культурных различий** (скрытые предрассудки, обратная шкала). Эта шкала включала в себя шесть утверждений, касающихся подобия между мигрантами и местным населением:

«Ценности большинства мигрантов из Средней Азии похожи на мои ценности», «Религиозные верования и обряды мигрантов из Средней Азии похожи на мои», «Сексуальные практики мигрантов из Средней Азии похожи на мои», «Быт мигрантов из Средней Азии по большей части похож на мой быт», «Многие семейные традиции мигрантов из Средней Азии похожи на мои традиции», «Поведение мигрантов из Средней Азии в деловой сфере похоже на мое поведение».

Респонденты должны были оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 5-балльной шкале от 1 — «совершенно не согласен» до 5 — «совершенно согласен». При обработке результатов обратные утверждения «переворачивались», после чего вычислялся показатель по каждой шкале в отдельности.

Вера в опасный мир была измерена с помощью адаптированного для русскоязычной выборки опросника Дж. Даккита [1]. Он включал в себя 12 утверждений, касающихся состояния общества, например: «Наш мир — опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой», «Люди, думающие, что землетрясения, войны и голод означают конец света, не правы; конец света еще далек». При обработке результатов обратные утверждения

верждения переворачивались, после чего вычислялся общий показатель. Более высокий индекс свидетельствовал о большей вере человека в опасный мир.

Вера в конкурентный мир также была измерена с помощью адаптированного для русскоязычной выборки опросника Дж. Даккита [там же]. Он включал в себя 12 утверждений, отражающих убеждение человека в необходимости власти, обмана и безжалостного отношения к людям, например: «Честность — лучшая политика в любой ситуации», «В этом мире, где все выступают против всех, иногда нужно быть безжалостным». При обработке результатов обратные утверждения переворачивались, после чего вычислялся общий показатель. Более высокий индекс свидетельствовал о большей вере человека в конкурентный мир.

Описание результатов исследования

Данные описательной статистики представлены в табл. 1. Для проверки гипотез с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 19 был проведен иерархический регрессионный анализ. Независимыми переменными в нем стали значения веры в опасный и конкурентный мир, количество категорий, которые

Таблица 1

Описательная статистика по шкалам веры в опасный мир, веры в конкурентный мир и предрассудков по отношению к мигрантам

Шкалы	М	SD	Асимметрия	Экссесс
Вера в опасный мир	3.33	.33	.35	1.32
Вера в конкурентный мир	2.38	.28	.08	-1.04
Экономическая угроза	3.71	.72	-.56	-.80
Физическая угроза	3.22	.80	-.24	-.64
Избегание интимного контакта	3.02	.70	.06	-.61
Проблемы с адаптацией	3.70	.39	.28	-.72
Преувеличение культурных различий	4.06	.43	-.25	-.56

человек использует при самокатегоризации, а также произведение этих показателей, а зависимыми переменными — значения пяти шкал предрассудков. Ре-

зультаты показали, что независимые переменные предсказывают оценку физической и экономической угрозы со стороны иммигрантов (табл. 2).

Таблица 2

Связь между количеством категорий при самокатегоризации, социальными верованиями и предрассудками к мигрантам

Предикторы	β	t	Параметры модели
Экономическая угроза			
Модель 1			
Константа		17.63	F = 2.71
Количество категорий	.17	1.65	R ² = .03
Модель 2			
Константа	3.59		F=2.10
Количество категорий	.18	1.66	R2 = .07
Вера в опасный мир	.05	.46	
Вера в конкурентный мир	.19	1.78	
Модель 3			
Константа		2.83	F = 3.78**
Количество категорий	.16	1.56	R ² = .18
Вера в опасный мир	.19	1.69	
Вера в конкурентный мир	.17	1.66	
Количество категорий *			
Вера в опасный мир	.35**	3.20	
Количество категорий *			
Вера в конкурентный мир	-.13	-1.23	
Физическая угроза			
Модель 1			
Константа		14.23	F = 2.42*
Количество категорий	.16	1.56	R ² = .03
Модель 2			
Константа		1.34	F = 4.29**
Количество категорий	.20	1.89	R ² = .13
Вера в опасный мир	.17	1.63	
Вера в конкурентный мир	.26*	2.59	
Модель 3			
Константа		.80	F = 3.84**
Количество категорий	.18	1.76	R2 = .18
Вера в опасный мир	.26*	2.36	
Вера в конкурентный мир	.25*	2.49	
Количество категорий *			
Вера в опасный мир	.24*	2.19	
Количество категорий *			
Вера в конкурентный мир	-.10	-.96	

** $p \leq .01$; * $p \leq .05$.

В частности, результаты говорят о том, что само по себе количество социальных категорий и социальные верования слабо предсказывают предрассудки к иммигрантам из Средней Азии. Исключение составляет вера в конкурентный мир, которая позитивно связана с оценкой физической угрозы со стороны аутгруппы. Эти результаты опровергают гипотезы 1а, 1б и 2а, но частично подтверждают гипотезу 2б.

В то же время важным предиктором является произведение количества социальных категорий и социальных верований. Чем большее количество категорий человек использует при самокатегоризации, тем более опасными он считает иммигрантов из Средней Азии. Однако эта связь усиливается по мере возрастания веры в опасный и конкурентный мир. Эти результаты подтверждают гипотезы 3а и 3б.

Обсуждение результатов исследования

Социальная категоризация — базовый механизм социального познания. Возможность быстро классифицировать людей на основе хорошо заметных параметров позволяет человеку за короткий период времени составить представление о партнере по общению. Однако современные исследователи расходятся в представлении, каким образом самокатегоризация и категоризация окружающих людей сказывается на характере межгрупповых отношений. Это расхождение хорошо заметно при обсуждении возможностей множественной категоризации. Одни исследователи полагают, что использование в ходе самокатегоризации и категоризации окружающих лю-

дей большого количества разных категорий способствует улучшению отношения человека к аутгруппам. По мнению других, одновременная актуализация нескольких категорий провоцирует внутриличностный конфликт, усиливает разделение людей на «своих» и «чужих» и таким образом повышает межгрупповую враждебность. Результаты нашего исследования не позволяют сделать однозначный вывод в пользу одной или другой точки зрения. Они говорят о том, что количество категорий как таковое слабо связано с отношением к «чужим». Чтобы эта связь стала заметной, необходимо наличие дополнительных условий.

То же самое можно сказать и о социальных верованиях. Наше исследование продемонстрировало, что они слабо связаны с предрассудками к иммигрантам. Одно объяснение этого факта следует из двухкомпонентной модели Дж. Даккита, который говорил о связи социальных верований с авторитаризмом и ориентацией на социальное доминирование, а не с предрассудками как таковыми. Другое объяснение дают исследования, продемонстрировавшие, что воздействие социальных верований на отношение к аутгруппе становится хорошо заметным при наличии дополнительной угрозы.

В нашем исследовании эту роль выполняла множественная категоризация. Максимальные предрассудки к аутгруппе демонстрировали люди, использующие для самокатегоризации большое количество категорий и одновременно верящие в опасный мир. Вероятно, это происходит, поскольку тревога, вызванная непредсказуемостью и агрессивностью людей вообще, усиливается напоминанием о существовании большого ко-

личества аутгрупп-соперников. В то же время вера в конкурентный мир не взаимодействовала с количеством категорий. Возможно, это происходит в связи с тем, что вера человека в конкурентный мир включает в себя не только представление об окружающих людях, но также способ совладания с ними. Благодаря этому, вера хотя и порождает тревогу, но создает условия не взаимодействовать с актуализацией дополнительных социальных категорий.

Интересно, что воздействие множественной категоризации и социальных верований распространяется, прежде всего, на явные предрассудки, связанные с оценкой экономической и физической угрозы со стороны аутгруппы. Это вполне закономерный результат, связанный со спецификой веры в опасный мир, которая затрагивает непредсказуемость и

опасность других людей, но не их подобие или способность к адаптации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет по-новому взглянуть на возможности множественной категоризации. В то же время, оно обладает рядом ограничений. Во-первых, оно носит корреляционный характер и поэтому не дает возможности ответить на вопрос о существовании причинно-следственной связи между количеством категорий, социальными верованиями и предрассудками к аутгруппе. Во-вторых, в нем рассматривается отношение к долговременно существующим группам, которое формировалось на протяжении длительного времени, но не принимается во внимание отношение к недавно сформированным сообществам. Для устранения этих ограничений необходимо проведение экспериментальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Гулевич О.А., Анিকেенок О.А., Безменова И.К.* Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1. [*Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K.* Social'nye verovanija: adaptacija metodik Dzh. Dakkita // Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2014. № 1.]
2. *Brewer M.B.* Deprovincialization. Social identity complexity and outgroup acceptance // *Improving intergroup relations.* Blackwell Publishing Ltd. 2008.
3. *Brook A.T., Garcia J., Fleming M.* The effects of multiple identities on psychological well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin.* 2008. Vol. 34.
4. *Deffenbacher D.M., Park B., Judd C.M., Correll J.* Category boundaries can be accentuated without increasing intergroup bias // *Group Processes & Intergroup Relations.* 2009. Vol. 12.
5. *Dovidio J.F., Gaertner S.L., Saguy T.* Another view of "we": majority and minority group perspectives on a common ingroup identity // *European Review of Social Psychology.* 2007. Vol.18.
6. *Dovidio J.F., Gaertner S.R., Saguy T., Halabi S.* From when to why. Understanding how contact reduces bias // *Improving intergroup relations.* Blackwell Publishing Ltd. 2008.
7. *Dovidio J.F., Validzic A., Gaertner S.L.* Intergroup bias: status, differentiation, and a common in-group identity // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1998. Vol. 75.
8. *Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I.* The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2002. Vol. 83.

9. *Ensari N., Miller N.* Prejudice and intergroup attributions: the role of personalization and performance feedback // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2005. Vol. 8.
10. *Federico C.M., Hunt C.V., Ergun D.* Political expertise, social worldviews, and ideology: translating "competitive jungles" and "dangerous worlds" into ideological reality // *Social Justice Research*. 2009. Vol. 22.
11. *Gaertner S.L., Dovidio J.F., Anastasio P.A., Bachman B.A., Rust M.C.* The common ingroup identity model: recategorization and the reduction of intergroup bias // *European Review of Social Psychology*. / Ed. by W. Stroebe, M. Hewstone. John Wiley and sons LTD. 1993. Vol. 4.
12. *Giessner S.R., Mummendey A.* United we win, divided we fail? Effects of cognitive merger representations and performance feedback on merging groups // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38.
13. *Gonzales R., Brown R.* Generalization of positive attitude as a function of subgroup and superordinate group identifications in intergroup contact // *European Journal of Social Psychology*. 2003. Vol. 33.
14. *Hall N.R., Crisp R.J.* Considering multiple criteria for social categorization can reduce intergroup bias // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31.
15. *Jugert P., Duckitt J.* A motivational model of authoritarianism: integrating personal and situational determinants // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30.
16. *Miller K.P., Brewer M.B., Arbuckle N.L.* Social identity complexity: its correlates and antecedents // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol.12.
17. *Molina L.E., Wittig M.A., Giang M.T.* Mutual acculturation and social categorization: a comparison of two perspectives on intergroup bias // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2004. Vol. 7.
18. *Nier J.A., Gaertner S.L., Dovidio J.F., Banker B.S., Ward C.M., Rust M.C.* Changing interracial evaluations and behavior: the effects of a common group identity // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2001. Vol. 4.
19. *Roccas S., Brewer M.D.* Social identity complexity // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. Vol. 6.
20. *Sibley C.G., Wilson M.S., Robertson A.* Differentiating the motivations and justifications underlying individual differences in Pakeha opposition to bicultural policy: replication and extension of a predictive model // *New Zealand Journal of Psychology*. 2007. Vol. 36.
21. *Stone C.H., Crisp R.J.* Superordinate and subgroup identification as predictors of intergroup evaluation in common ingroup contexts // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2007. Vol.10.
22. *Ullrich J.* Reconsidering the "relative" in relative ingroup prototypicality // *European Journal of Social Psychology*. 2009. Vol. 39.
23. *Vasquez E.A., Ensari N., Pedersen W.C., Tan R.Y., Miller N.* Personalization and differentiation as moderators of triggered displaced aggression towards out-group targets // *European Journal of Social Psychology*. 2007. Vol. 37.
24. *Van Hiel A., Cornelis I., Roets A.* The intervening role of social worldviews in the relationship between the five-factor model of personality and social attitudes // *European Journal of Personality*. 2007. Vol. 21.

25. Voci A., Hewstone M. Intergroup contact and prejudice toward immigrants in Italy: the mediational role of anxiety and the moderational role of group salience // Group Processes & Intergroup Relations. 2003. Vol. 6.

Relationship between Multiple Categorization and Ethnic Prejudices: The Role of Social Beliefs

O.A. GULEVICH

Doctor in Psychology, associate professor at the Department of Organizational Psychology, Higher School of Economics

N.N. ERMOLAEVA

business coach at the "Russian Standard Bank"

The paper deals with the relationship between multiple self-categorization and attitudes to 'outsiders' in individuals. It was initially assumed that the more social categories people use in self-categorization, the more negative their attitudes towards the representatives of ethnic outgroups are. However, this relationship turned out to be mediated by social beliefs: the more a person believes in the dangerous and competitive world, the stronger the correlation between the number of categories and the prejudices. In order to test this assumption, a study was carried out in which the subjects (N=91) filled out surveys aimed at capturing the complexity of their systems of social categories employed in self-categorization, their beliefs concerning the dangerous and competitive world, and their ethnic prejudices.

Keywords: *multiple self-categorization, dangerous world beliefs, competitive world beliefs, ethnic prejudices.*

Отношение учителей к ЕГЭ как показателю уровня подготовки выпускников и особенности контроля знаний учащихся

В.С. СОБКИН

*доктор психологических наук, профессор, академик РАО,
директор Института социологии образования РАО*

О.В. БЕЛОВА

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института социологии образования РАО*

В статье на основе анкетного опроса 2156 учителей рассматривается специфика их отношения к Единому государственному экзамену как инструменту итоговой аттестации, дается характеристика особенностей осуществления учителями различных способов контроля знаний учащихся. Своеобразие отношения учителей к ЕГЭ и организации контроля знаний учащихся анализируется относительно влияния различных социальных и профессиональных факторов: тип школы, в которой работает учитель, тип программы, по которой он преподаёт, уровень образования и квалификации, педагогический стаж, наличие опыта подготовки школьников к ЕГЭ.

Ключевые слова: *Единый государственный экзамен; итоговая аттестация; уровень подготовки ученика; цели контроля знаний учащихся; типы контролируемых заданий; барьеры, возникающие при контроле знаний учащихся.*

На протяжении последних лет большое внимание уделяется обсуждению тем, связанных с процессом модернизации школьного образования, в том числе вопросу, касающемуся использования Единого государственного экзамена (ЕГЭ). ЕГЭ затрагивает вопросы, связанные не только с целями, содержанием и формами организации образовательного процесса, но и вопросы устранения социального неравенства в доступе к получению высшего образования, чем и вызван интерес к данной проблематике.

В одной из наших работ были рассмотрены основные направления, в рамках

которых анализируются эффекты ЕГЭ. Среди них основные функции ЕГЭ, ЕГЭ и учебная деятельность, ЕГЭ как объективный измеритель качества школьного образования, ЕГЭ и финансирование образования, ЕГЭ и институциональные изменения в сфере образования, ЕГЭ и информационная безопасность [1]. Таким образом, в ходе обсуждения ЕГЭ затрагивается широкий круг вопросов (педагогических, культурологических, экономических и др.), выходящих за пределы понимания ЕГЭ лишь как метода итоговой аттестации школьников.

Добавим, что результаты сдачи ЕГЭ — важный индикатор социального

неравенства и качества школьного образования [3]. Так, например, успешность сдачи ЕГЭ существенно отличается среди учащихся различных типов школ. Еще одним примером различий в качестве школьного образования, фиксируемых с помощью ЕГЭ, могут служить результаты сдачи ЕГЭ учащимися из школ, расположенных в различных типах поселений (селах, малых, средних и крупных городах). Материалы исследования позволяют обозначить четкую тенденцию, проявляющуюся в успешности сдачи таких предметов, как информатика и английский язык, в зависимости от типа поселения: чем более крупным оказывается населенный пункт, тем выше баллы сдачи ЕГЭ по этим предметам. Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют как о наличии неравенства в доступе к качественному образованию, так и о социокультурных различиях в качестве образования в различных типах поселений.

Следует отметить, что для понимания позитивных и негативных аспектов ЕГЭ важное значение имеет анализ особенностей отношения к нему учителей общеобразовательных школ. Этому и посвящена настоящая статья. Основное внимание в ней мы уделим двум сюжетам: отношению к Единому государственному экзамену и особенности контроля знаний учащихся.

По мере изложения материалов мы будем обращаться к анализу особенностей профессиональной деятельности учителя в зависимости от социально-стратификационных факторов: тип школы, в которой работает учитель; тип программы, используемой в обучении; предмет, который преподает учитель; уро-

вень квалификации и стаж педагогической деятельности. Специальное внимание уделим сравнительному анализу ответов учителей, имеющих опыт подготовки учащихся к ЕГЭ, и тех, кто не ведет такой работы.

Статья основана на материалах социологического анкетного опроса, проведенного в 2012 году среди учителей школ двух российских городов — Омска и Тюмени. Всего в опросе приняли участие 2156 респондентов.

В целом данная работа продолжает цикл наших исследований по изучению учительства как социально-профессиональной группы [1; 2; 4; 5].

Отношение учителей к Единому государственному экзамену

С целью анализа отношения учителей к Единому государственному экзамену обратимся к двум сюжетам: оценка ЕГЭ как основного инструмента итоговой аттестации знаний учащихся и для вступительных экзаменов в вуз, и мнения учителей о соответствии оценки академической успешности учащихся оценкам, полученным по результатам сдачи ЕГЭ.

Материалы исследования показывают, что отрицательных оценок на ЕГЭ в два раза больше, чем положительных: 49,6 % против 24,6 %. Большая часть педагогов негативно относятся к ЕГЭ, поскольку данный вид *итоговой аттестации* менее объективно оценивает освоение учащимися школьной программы, чем традиционные выпускные экзамены, — 30,6 % ответивших на вопрос. Меньшую успешность ЕГЭ как инструмент для оценки знаний учащихся на

вступительных экзаменах в вуз (по сравнению с традиционной формой экзаменов) отмечают 19,0 % респондентов.

Дополнительный анализ материалов позволил обнаружить, что среди учителей, имеющих опыт подготовки учеников к ЕГЭ, более выражена положительная оценка данной формы экзамена, чем среди тех, кто не ведет такой работы: 31,0 по сравнению с 23,8 % ($p < .005$). Иными словами, включенность педагога в практическую работу по подготовке к Единому государственному экзамену способствует обнаружению таких его сторон и характеристик, которые влияют на формирование положительного к нему отношения. Наконец, следует обратить внимание, что четверть учителей нейтрально относятся к ЕГЭ — 23,8 %.

Сравнительный анализ ответов учителей с разным уровнем квалификации показывает, что если среди учителей с низким квалификационным разрядом выше доля тех, кто считает ЕГЭ не объективным инструментом аттестации старшеклассников на этапе окончания общеобразовательной школы, то среди их коллег с высоким разрядом более распространено ($p < .03$) мнение о необъек-

тивности данной формы экзамена для оценки знаний на вступительных экзаменах в вуз (рис. 1).

Важно обратить внимание и на различия в отношении к ЕГЭ как инструменту итоговой аттестации среди учителей, преподающих по разным типам программ. Показательно, что положительное отношение к ЕГЭ более выражено среди учителей, работающих по обычной программе, чем среди тех, кто сам разрабатывает программу обучения школьников: 25,4 и 15,3 % соответственно ($p < .03$).

Перейдем теперь ко второму сюжету опроса. Мы просили респондентов указать, соответствовала ли успешность сдачи учащимися ЕГЭ оценке педагогов. Как показывают полученные результаты, большинство учителей фиксируют, что не успевающие в учебной деятельности школьники оказались более успешными при сдаче ЕГЭ (57,0 %). Тот факт, что высокоуспевающие ученики получили по ЕГЭ более низкие баллы, отмечают 47,3 % педагогов.

Дальнейший анализ данных позволил зафиксировать значимые различия в мнениях учителей, преподающих различные предметные циклы (рис. 2).

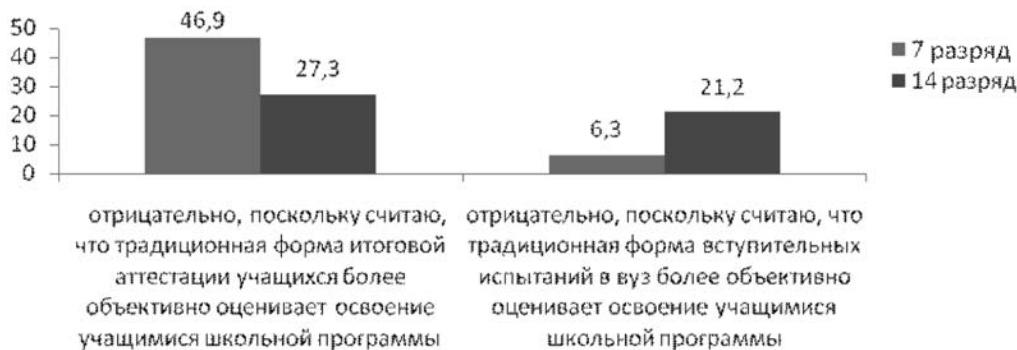

Рис. 1. Мотивировки учителей с разным квалификационным разрядом своего отрицательного отношения к ЕГЭ (%)

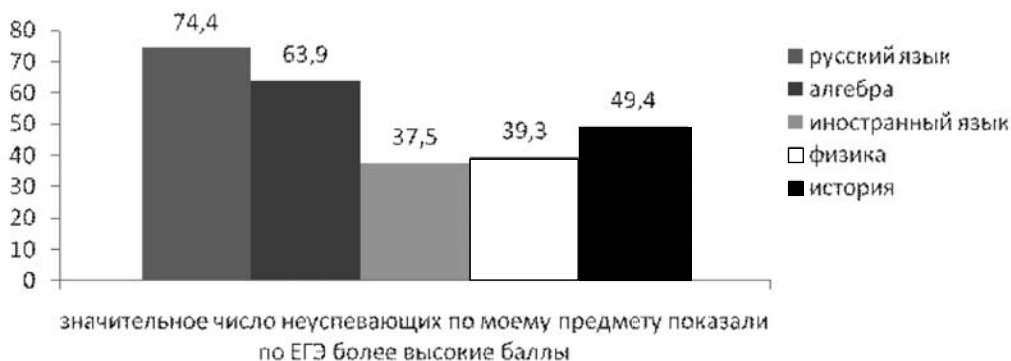

Рис. 2. Доля учителей, преподающих разные предметные циклы, считающих, что многие учащиеся с низкой успеваемостью получили более высокие баллы по ЕГЭ (%)

Как видно из рис. 2, учителя русско-го языка и алгебры, по сравнению с их коллегами других специализаций, более положительно оценивают успехи при сдаче ЕГЭ слабых, по их мнению, учащихся ($p < .03$). Вполне вероятно, что данные различия вызваны тем, что педагоги, чьи предметы обязательны для сдачи ЕГЭ, более тщательно занимаются подготовкой своих учеников к этому виду итоговой аттестации, уделяя особое внимание именно отстающим старшеклассникам.

Важно обратить внимание на зависимость успешности сдачи ЕГЭ отстающими учениками от стажа профессиональной деятельности педагога. Так, если среди учителей со стажем 9–18 лет 69,6 % отмечают более высокие баллы своих слабых учеников, полученные ими по ЕГЭ, то среди молодых педагогов со стажем 3–8 лет – 34,6 % ($p < .02$). Иными словами, учителя со средним стажем педагогической деятельности, в отличие от молодых педагогов, считают свои оценки более жесткими, чем тесты по ЕГЭ.

Контролирующий аспект педагогической деятельности учителя

Анализ особенностей контроля знаний учащихся будет проводиться относительно следующих трех основных аспектов: целевые ориентации учителей при осуществлении контроля; типы заданий, используемых для контроля знаний учащихся; препятствия, не позволяющие осуществлять эффективный контроль и мониторинг знаний школьников.

В ходе опроса учителям предлагалось отметить цели, которые они ставят перед собой при проведении контроля знаний учащихся. Анализ полученных данных показывает приоритетные целевые ориентации педагогов: желание «выявить проблемные зоны в понимании учебного материала» (65,8 %); «убедиться, что учащиеся усвоили пройденный ранее материал» (51,2 %). Помимо этого достаточно высока доля учителей, которые ориентированы при проведении контрольных работ на выявление способности учеников творчески использовать полученные знания –

39,5 %. Практически столько же (38,1 %) хотят определить умение учеников выстраивать логические связи между усвоенным материалом («проверить возможность учащихся к переносу полученных ранее знаний на новый материал»). И, наконец, важно отметить, что лишь каждый десятый педагог осуществляет формальный контроль знаний учащихся в связи с необходимостью соблюдать нормативы, предусмотренные правилами организации учебного процесса — 10,5 %.

На цели, преследуемые учителями при осуществлении контроля знаний учащихся, значимое влияние оказывает возрастная параллель, в которой они преподают (рис. 3).

Приведенные на рис. 3 данные показывают, что учителя начальных классов, в отличие от их коллег из основной и старшей школы, при проверке знаний учащихся меньшую значимость придают как усвоению пройденного материала, так и проверке творческих способностей ($p < .005$).

Различия в целевых ориентациях отчетливо проявились также и при сравнении ответов учителей, использующих в своей педагогической деятельности раз-

ные типы программ обучения. Так, педагоги, работающие по обычной программе, в отличие от их коллег, преподающих по собственной «авторской» программе, более ориентированы при проведении контроля знаний учащихся на «выявление проблемных зон в понимании учебного материала» ($p < .001$). В то же время среди учителей, использующих авторскую программу, более выражена целевая установка на развитие мышления учащихся — «проверить возможность учащихся к переносу полученных знаний на новый материал» ($p < .02$). Графически эти различия представлены на рис. 4.

Следует также обратить внимание на связь целевых установок учителя при проведении контроля знаний учащихся с такими социально-стратификационными характеристиками, как уровень квалификации и педагогический стаж работы. Педагоги с высоким квалификационным разрядом (12–14 разряд) существенно большую значимость придают развитию творческого мышления своих учеников, чем их коллеги с низким квалификационным разрядом (7–10 разряд): в первой группе учителей вариант ответа «проверить способность учащихся творчески использовать полученные знания» выбирают 43,2 %, во вто-

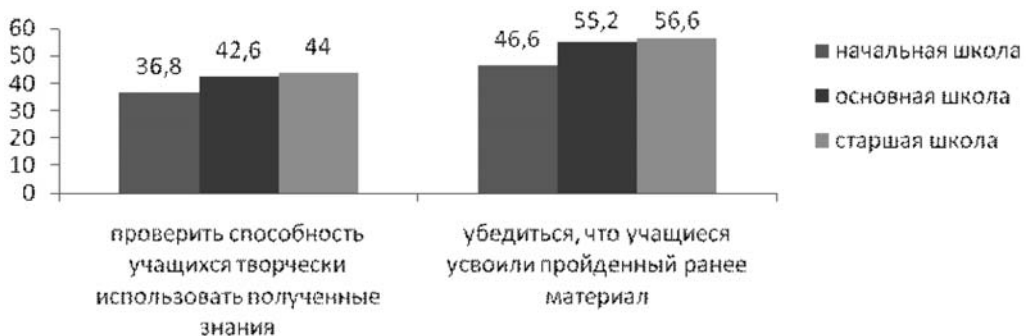

Рис. 3. Различия в целевых ориентациях контроля знаний учащихся среди учителей, преподающих в разных возрастных параллелях (%)

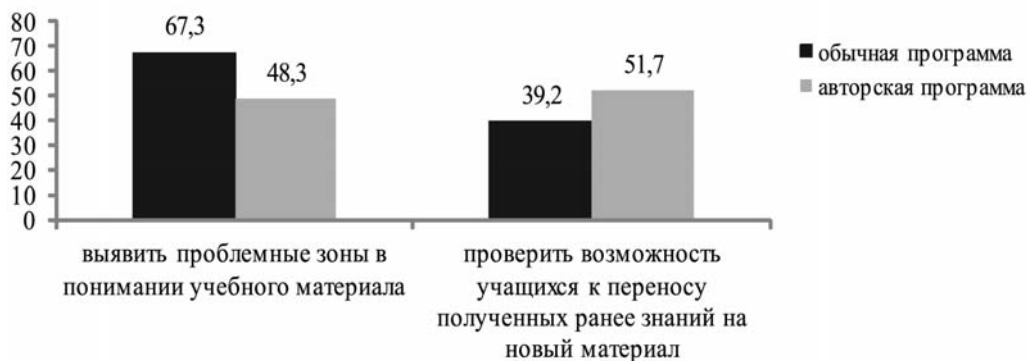

Рис. 4. Целевые ориентации учителей, преподающих по разным типам программ, при проведении контроля знаний (%)

рой – 23,4 % ($p < .00001$). Что же касается стажа педагогической деятельности, здесь было обнаружено его влияние относительно такой целевой характеристики контроля, как выявление способности учащихся выстраивать связи между изучаемым материалом. Так, для учителей, проработавших в школе более 24 лет, оказывается важнее, чем для педагогов с меньшим стажем работы, «проверить умение учащихся переносить полученные ранее знания на новый материал»: если среди них данную цель отмечают 41,9 %, то среди педагогов со стажем менее трех лет – 33,3 % ($p < .03$). Таким образом, с повышением уровня профессионализма учителя (более высокий разряд и стаж) осуществление ситуативного контроля знаний учащихся теряет свою значимость и повышается ориентация на развитие их способностей и личностного потенциала.

Перейдем теперь к анализу типов заданий, используемых учителями для проверки знаний своих учеников (табл. 1).

Как показывают данные табл. 1, чаще всего учителя используют собственный информационный банк контрольных заданий, подобранных ими из методических пособий. Не менее распространено

применение для контроля знаний учащихся «заданий из ЕГЭ». Важно подчеркнуть, что значительная часть учителей (каждый третий) разрабатывают собственные задания. Практически такое же число педагогов пользуется «стандартными заданиями из основного учебника по программе». Наименее же распространено для контроля знаний школьников применение «заданий повышенной сложности, в том числе из олимпиад» и «заданий из других учебников».

Таблица 1
Распределение ответов учителей на вопрос «Чем Вы чаще всего пользуетесь при контроле знаний учащихся?» (%)

Варианты ответов	Общее
Собственным информационным банком контрольных заданий из методических пособий	49,0
Заданиями из ЕГЭ	44,6
Заданиями, которые разрабатываю сам(а)	37,7
Стандартными заданиями из основного учебника по программе	36,2
Заданиями повышенной сложности, в том числе из олимпиад	28,4
Заданиями из других учебников	20,7

Полученные материалы показывают, что педагоги, работающие в специализированных школах (гимназии и школы с углубленным изучением отдельных предметов), менее ориентированы на применение «стандартных заданий из основного учебника по программе», чем их коллеги из общеобразовательных школ (23,8 % и 37,4 % соответственно, $p < .02$).

Следует отметить, что большим проявлением творческой активности при проверке знаний учащихся отличаются и педагоги, которые используют авторскую программу обучения. Так, если среди учителей, разрабатывающих собственную программу преподавания, 54,2 % сами составляют задания для контроля знаний учеников, то среди их коллег, преподающих по обычной программе, 38,8 % ($p < .02$).

В ходе опроса учителям, разрабатывающим собственные задания для обучения, мы задавали специальный вопрос об основных причинах проявления ими подобной творческой активности. Общее распределение ответов этой группы учителей представлено в табл. 2.

Как видно из табл. 2, цели, касающиеся желаний контроля усвоения полученных знаний, оценки развития у учащихся творческих способностей и выявления сформированности у них представлений о применении полученных знаний в современной жизни, наиболее важны для учителей при разработке собственных заданий, используемых в процессе обучения. Достаточно высока и доля педагогов, ориентирующихся на совершенствование полученных учениками навыков. Четверть учителей в качестве основной цели при составлении собственных заданий указывают на возможность развивать у учащихся различные психические процессы (воображение, память внимание и др.). Важно

отметить, что высокая значимость данной целевой установки отличает учителей общеобразовательных школ от тех, кто работает в специализированных школах (гимназиях и школах с углубленным изучением отдельных предметов). Так, если среди них стремление развивать психические процессы у своих учеников отмечают 23,1 %, то среди педагогов из специализированных школ – 16,6 % ($p < .04$).

Следует обратить внимание на различия в целевых установках учителей, преподающих разные предметные циклы. Так, значимые различия были выявлены в связи с вариантом ответа «формирование у учащихся представлений о применении полученных знаний в жизни». Показательно, что среди учителей, преподающих предметы математического и естественнонаучного циклов (алгебра, геометрия, информатика, химия, география), доля тех, кто отметил данный вариант ответа, значимо выше доли педагогов, специализирующихся на предметах гумани-

Таблица 2
Распределение ответов учителей, разрабатывающих собственные задания для обучения школьников, на вопрос, какие цели они при этом преследуют (%)

Варианты ответов	Общее
Контроль усвоения материала	47,9
Формирование у учащихся представления о применении полученных знаний в современной жизни	46,7
Развитие у учащихся творческих способностей	42,4
Совершенствование полученных навыков	37,4
Развитие у учащихся психических процессов (воображения, памяти, внимания, мышления, эмоций и др.)	22,6

Таблица 3

Влияние уровня профессионализма учителя на значимость для него целей при разработке собственных заданий для контроля знаний учащихся (%)

Варианты ответов	Стаж работы менее трех лет	Стаж работы 19–23 года	Стаж работы более 24 лет	Квалификационный разряд 7–10	Квалификационный разряд 12–14
Развитие у учащихся творческих способностей	30,3	39,7	49,3	29,1	45,7
Формирование у учащихся представления о применении полученных знаний в современной жизни	35,2	43,8	50,6	33,1	48,5

тарного цикла (русский язык, литература, иностранный язык и история): 53,9 % и 44,9 % соответственно ($p < .02$).

Весьма характерно проявляется влияние и профессионального уровня учителей на приоритетные для них целевые ориентиры при разработке собственных заданий, используемых в процессе обучения школьников. В этой связи обратимся к ответам учителей с разным педагогическим стажем и уровнем квалификации (табл. 3).

Как видно из табл. 3, чем выше уровень профессионализма педагога (как по стажу работы в школе, так и по квалификационному разряду), тем более выражена ориентация на развитие личностного потенциала ученика, а именно его творческих способностей и возможности использовать полученные в школе знания в своей жизни ($p < .002$).

Завершая статью, обратимся к анализу трудностей у учителей в связи с проверкой знаний учащихся. Нас будет интересовать, с одной стороны, мнение учителей о качестве и достаточности заданий и методик, существующих для мониторинга знаний школьников, а с другой — возможность имеющихся ресурсов как для оценки каждого ученика в отдельности, так и

школьного класса в целом. Полученные результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Распределение ответов учителей на вопрос о трудностях, возникающих у них при контроле и мониторинге знаний (%)

Варианты ответов	Общее
Не хватает методик развития творческих способностей учащихся	31,7
Недостаточная ранжированность заданий по уровню сложности приводит к нарушению объективности результатов	18,8
Не удастся проследить динамику индивидуальной успешности учащегося	17,1
Сложность усредненного оценивания знаний для формирования групповых показателей	17,0
Отсутствие методики контроля прочного усвоения знаний	14,1
Отсутствие адекватных заданий, фиксирующих определенные теоретические понятия	9,4
У меня не возникает проблем при контроле и мониторинге знаний	24,9

Как видно из табл. 4, основным барьером является недостаточность методик, позволяющих оценить развитие творческих способностей учащихся, — данный вариант ответа фиксирует каждый третий респондент. Практически каждый пятый педагог в качестве существенного препятствия отмечает сложность объективной оценки результатов учеников в связи с недостаточной ранжированностью заданий по уровню сложности. Не менее существенными трудностями при проверке знаний оказываются невозможность проследить динамику индивидуальной успешности учащегося и сложность усредненного оценивания знаний для формирования групповых показателей. В каждом седьмом случае учителя фиксируют отсутствие методик, позволяющих контролировать прочность усвоения учебного материала. По мнению каждого десятого, барьером при контроле и мониторинге знаний учащихся оказывается нехватка адекватных заданий, в которые были бы включены определенные теоретические понятия. И, наконец, следует отметить, что четверть респондентов

вообще не сталкиваются с какими-либо проблемами при контроле и мониторинге знаний учащихся. Иными словами, они удовлетворены как качеством существующей методической базы для проверки знаний учащихся, так и возможностями формирования оценок индивидуальной и групповой успешности школьников.

Особый интерес представляет выявление значимости тех или иных трудностей при контроле знаний, которые возникают среди учителей, преподающих в разных возрастных параллелях (рис. 5).

Как видно из рис. 5, учителя основной и старшей школы существенно чаще, чем их коллеги, преподающие в начальных классах, фиксируют возникновение различных проблем, связанных с проверкой знаний ($p < .008$). При этом среди основных трудностей отмечается как недостаточность методической базы, так и сложность оценивания учебных результатов учащихся.

Существенные различия были выявлены также при сопоставлении ответов учителей, преподающих разные предметы (рис. 6).

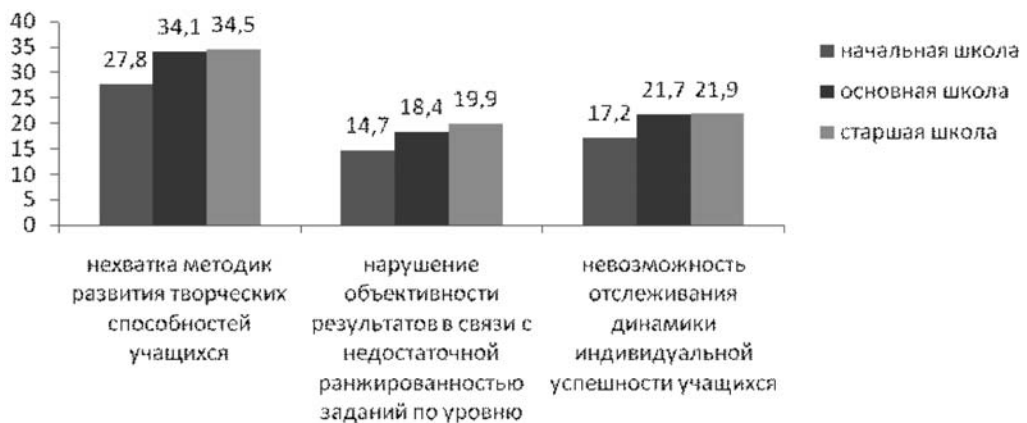

Рис. 5. Мнения учителей, преподающих в разных возрастных параллелях, о трудностях при контроле и мониторинге знаний учащихся (%)

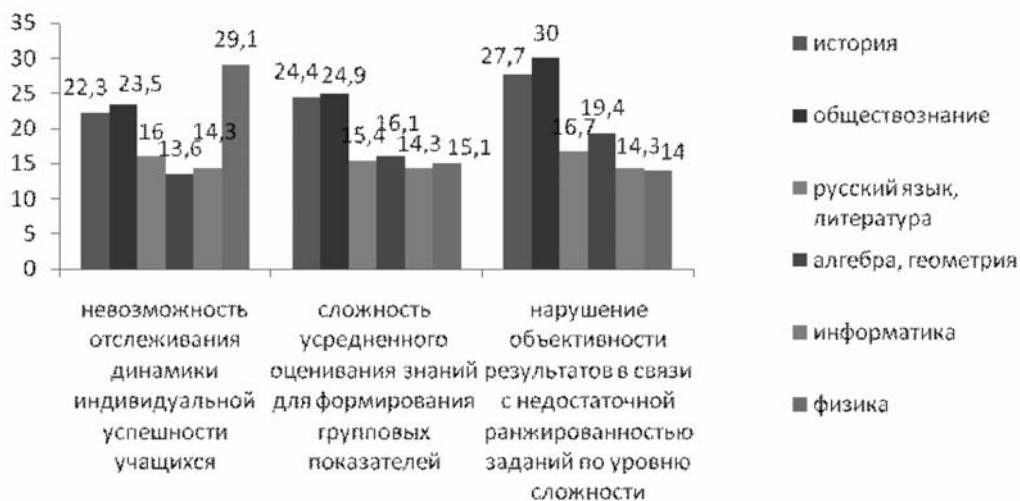

Рис. 6. Распределение ответов учителей, преподающих различные предметные циклы, на вопрос о трудностях при контроле и мониторинге знаний учащихся (%)

Данные, представленные на рис. 6, показывают, что наибольшие трудности при проверке знаний учеников возникают у учителей истории и обществознания. При этом существенные проблемы у этих педагогов, в отличие от других учителей-предметников, связаны с оценением учебной успеваемости как отдельных учащихся, так и школьного класса в целом. Кроме того, учителя истории и обществознания чаще своих коллег фиксируют нарушение объективности результатов из-за недостаточной ранжированности заданий по уровню сложности (различия в ответах значимы на уровне $p < .03$). Добавим также, что сложности с отслеживанием динамики индивидуальной успешности учащихся явно выражены и среди учителей физики ($p < .02$).

Необходимо отметить и различия в ответах относительно значимости такой трудности, как «нехватка методик развития творческих способностей учащихся».

Так, среди учителей географии и биологии доля отмечающих данный вариант ответа выше и составляет 41,8 и 41,0 % соответственно, тогда как среди учителей русского языка и литературы – 32,5 %, среди учителей иностранного языка – 30,2, среди учителей истории – 33,6, среди учителей алгебры и геометрии – 32,6 % ($p < .03$). Таким образом, учителя, преподающие географию и биологию, считают необходимым более активно внедрять методики, позволяющие оценивать развитие творческих способностей учащихся в своих предметах.

Выводы

Основные результаты, касающиеся рассмотренных нами сюжетов.

1) Отношение большинства учителей к Единому государственному экзамену носит негативный характер. В первую очередь, это связано с тем, что данный

вид итоговой аттестации уступает по своей объективности традиционной форме выпускных экзаменов. Большая критичность к данному экзамену обнаруживается среди учителей, не сталкивавшихся на практике с его особенностями (т. е. не вел подготовку учеников к его сдаче), а также среди тех, кто применяет собственную авторскую программу при обучении школьников. Большинство учителей фиксируют более высокие положительные результаты по ЕГЭ именно неуспевающих школьников. При этом подобное мнение наиболее выражено среди педагогов, преподающих обязательные для сдачи ЕГЭ предметы.

2) Основная цель учителей при проведении контроля знаний школьников заключается в оценке освоения ими учебного материала и в обнаружении проблемных зон в его понимании. На наш взгляд, данный результат фиксирует заинтересованность учителей в улучшении образовательных результатов, что, безусловно, является позитивной характеристикой их педагогической деятельности. Важно обратить внимание на

специфику целевых ориентаций при проведении контроля знаний среди учителей с разным уровнем профессионализма: чем выше квалификационный разряд и стаж работы в школе, тем большее значение для педагога имеет развитие способностей школьника и его личностного потенциала. В процессе контроля знаний учащихся учителя в основном используют два типа заданий: составленный ими банк контрольных заданий, предложенных в методических пособиях, и задания из ЕГЭ.

Как показали полученные материалы, многие учителя (четверть опрошенных) фиксируют отсутствие у них проблем при контроле и мониторинге знаний. Те же, кто сталкивается с трудностями, чаще всего обращают внимание на недостаточность методик, позволяющих оценить развитие творческих способностей учащихся. Наиболее актуальной данная проблема оказывается для учителей основной и старшей школ, а также тех, кто преподает предметы естественнонаучного цикла (география и биология).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собкин В.С.* Отношение учителей к Единому государственному экзамену (по материалам социологического исследования) // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XIII. Вып. XXIII. М., 2009.
2. *Собкин В.С., Адамчук Д.В.* Мониторинг социальных последствий информатизации: что изменилось в школе за три года? М., 2008.
3. *Собкин В.С., Адамчук Д.В., Коломиец Ю.О., Лиханов И.В., Иванова А.И.* ЕГЭ-2009 в контексте социологического исследования // Образовательная политика. 2010. № 3 (41).
4. *Собкин В.С., Писарский П.С., Коломиец Ю.О.* Учительство как социально-профессиональная группа. М., 1996.
5. *Собкин В.С., Равлюк С.В.* Учитель об образовании: опыт социологического исследования профессиональной позиции // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XV / Под ред. В.С. Собкина. М., 2004.

Teachers' Attitude towards Unified State Exam as Indicator of Student Performance and Features of Student Knowledge Assessment

V.S. SOBKIN

Doctor in Psychology, professor, member of the Russian Academy of Education (RAE), director of the Institute of Sociology of Education RAE

O.V. BELOVA

PhD in Psychology, senior researcher at the Institute of Sociology of Education, Russian Academy of Education

The paper draws upon the outcomes of a survey of 2156 teachers to explore the specifics of teachers' attitude to the Unified State Exam (USE) as a tool for measuring academic performance in students, and gives an overall view of how teachers use various knowledge assessment techniques. Moreover, the specifics of the teachers' attitude to USE and to the assessment of knowledge in students is analyzed in the context of the influence of various social and professional factors, such as: type of school at which the teacher works, type of teaching program, the teacher's education and qualification, years in profession, and whether or not the teacher has experience in preparing students for the Unified State Exam.

Keywords: *Unified State Exam, graduation examination, student preparation level, aims of student knowledge assessment, types of assessment tasks, difficulties in student knowledge assessment.*

REFERENCES

1. Sobkin V.S. Otnoshenie uchitelej k Edinomomu Gosudarstvennomu Jekzamenu (po materialam sociologicheskogo issledovanija) // Sociologija obrazovanija. Trudy po sociologii obrazovanija. T. XIII. Vyp. XXIII. M., 2009.
2. Sobkin V.S., Adamchuk D.V. Monitoring social'nyh posledstvij informatizacii: chto izmenilos' v shkole za tri goda? M., 2008.
3. Sobkin V.S., Adamchuk D.V., Kolomic Ju.O., Lihanov I.V., Ivanova A.I. EGJe-2009 v kontekste sociologicheskogo issledovanija // Obrazovatel'naja politika. 2010. № 3 (41).
4. Sobkin V.S., Pisarskij P.S., Kolomic Ju.O. Uchitel'stvo kak social'no-professional'naja gruppa. M., 1996.
5. Sobkin V.S., Ravljuk S.V. Uchitel' ob obrazovanii: opyt sociologicheskogo issledovanija professional'noj pozicii // Sociologija obrazovanija. Trudy po sociologii obrazovanija. T. IX. Vyp. XV / Pod red. V.S. Sobkina. M., 2004.

Социально-психологические факторы регуляции профессионального здоровья летчиков

М.Е. ЗЕЛЕНОВА

*кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН*

В статье представлены результаты психологического обследования летчиков. Рассмотрены взаимосвязи показателей здоровья с социально-демографическими и личностными особенностями летных специалистов. Выявлено, что в наибольшей степени признаки психической напряженности, утомления и стресса связаны с характеристиками, значимыми для процесса социального взаимодействия и регуляции поведения человека, такими как «общительность», «эмоциональная лабильность», «открытость», «застенчивость», «уравновешенность», «невротичность», «жизнестойкость». Показано, что для сохранения работоспособности и психоэмоционального благополучия большое значение имеет удовлетворенность летчиков профессиональной деятельностью и ее результатами. Установлено, что высококлассные специалисты, имеющие семью, успешнее справляются с воздействием негативных рабочих и бытовых стресс-факторов.

Ключевые слова: профессиональное здоровье, психологические ресурсы, негативные психические состояния, стресс, утомление, социально-демографические характеристики, личностные особенности.

Диагностика и прогнозирование профессиональной пригодности и надежности летного состава по-прежнему остается одним из актуальных направлений современных исследований в области психологии. Обеспечение безопасности полетов и качество выполнения трудовых задач в последнее время связывают не только с характеристиками авиационной техники, уровнем квалификации, теоретической и практической подготовки авиационного специалиста, но и с особенностями его психического и личностного статуса, ролью индивидуально-психологических характеристик летчика в совершении ошибочных действий, приводящих к трагическим последствиям.

В качестве причины авиационных инцидентов все чаще называется «человеческий фактор», который по оценкам экспертов составляет от 60 до 80 % в общей статистике происшествий. Как показывают последние исследования [3; 20; 21 и др.], проведенные на основе анализа причин ошибочных действий летчиков, сама «концепция человеческого фактора» становится все более многокомпонентной и многоуровневой. «Человеческий фактор» рассматривается как результат взаимодействия целого ряда социальных систем — воспитания, обучения, отбора и т. д., где важную роль играют личностные характеристики пилота [13]. Кроме того, среди факторов, влия-

ющих на функциональную надежность профессионала, выделяют как внутренние (производственные) стрессоры, так и внешние, воздействующие на человека за пределами рабочей среды. То есть в роли стрессогенных факторов, влияющих на эффективность профессиональной деятельности, все чаще рассматриваются обстоятельства и негативные события, происходящие в жизни человека и его окружения [10]. В этой связи диагностика профессионального здоровья летчиков в ходе клинико-психологической экспертизы летного состава требует дальнейшего совершенствования, включая разработку новых психологических методов, направленных на выявление разных форм личностной дезадаптации и нарушения психоэмоционального равновесия субъектов труда.

Особенности летного труда и профессиональное здоровье летчиков

Профессиональная деятельность летчика характеризуется сложностью, большой степенью опасности, а кроме того, высокими требованиями к состоянию психического и физического здоровья летного специалиста. Исследователи отмечают, что между профессиональной успешностью, состоянием здоровья и дисквалификацией пилотов имеется тесная причинно-следственная связь, а характеристики функционального состояния и здоровья служат непосредственными критериями уровня пригодности летных специалистов. Установлено, что летчики, имеющие диагнозы (например, остеохондроз, разную степень ожирения или тугоухости, перенесшие язву желудка или 12-перстной кишки и т. д.), допускают

больше ошибочных действий, особенно при переучивании и освоении новой техники, у них большее число летных происшествий, они гораздо чаще испытывают затруднения при выполнении сложных задач. Отмечается также, что за последние годы просматривается ряд таких негативных явлений, как наличие устойчивой тенденции к снижению профессионального долголетия, расширение нозологии болезней, послуживших причиной дисквалификации, «омоложение» различных форм заболеваний, увеличение числа несчастных случаев, вызванных симптомами сниженной работоспособности экипажей, выполняющих полет [5; 18 и др.].

Согласно данным статистического анализа, в списке основных заболеваний летного состава наибольший удельный вес составляют болезни сердечно-сосудистой системы, далее следуют болезни органов пищеварения и неврологические расстройства. Среди функциональных заболеваний нервной системы наиболее частой причиной дисквалификации являются неврозы. Как показали исследования, в 50 % случаев они возникают как следствие авиакатастроф, аварийных ситуаций, затруднений, возникающих в связи с необходимостью переучивания и освоения новой авиационной техники. Часто неврозы возникают у летчиков в возрасте до 30 лет и, как отмечают специалисты, клиническая картина заболевания в этой возрастной группе характеризуется быстрой обратимостью процесса при устранении причин их возникновения. Характерно, что развитие нервно-психических отклонений приводит к дисквалификации на 2–2,5 года раньше, чем наличие соматических заболеваний, а 80 % летного состава, несмотря на имеющиеся нарушения в

состоянии здоровья, продолжают свою профессиональную деятельность [12].

Нарушения профессионального здоровья летчиков проявляются также в формировании негативных психических состояний, возникновении признаков психического дистресса и развитии доклинических форм функциональных расстройств.

Причиной снижения надежности и профессиональной пригодности летчиков очень часто выступает утомление. Отмечается, что в 10 % летных происшествий оно является либо основным, либо сопутствующим фактором. Установлено, что при хроническом утомлении и переутомлении происходит снижение точности и увеличение времени решения поставленных задач. В ряде случаев, особенно при переутомлении, могут возникнуть грубые ошибки при выполнении ранее освоенных действий и даже отказы в работе. Отмечается увеличение общего количества движений с использованием механических частей и приборов управления, рост нескоординированных действий, замедление реакций, искажение речевой связи, нарушение восприятия информации, появляется общая скованность и напряженность [1; 3; 19 и др.].

Другим негативным психическим состоянием, развивающимся под влиянием чрезвычайных условий и ситуаций профессиональной деятельности, является стресс.

Проблема профессионального стресса в летной деятельности имеет свою специфику, которая определяется экстремальными факторами рабочей обстановки и проявляется в характерных реакциях на их воздействие. Стресс у пилотов часто выражается либо в скованности, заторможенности, которые сопро-

вождаются замедлением или пропуском действий, либо в резком повышении возбудимости, приводящим к импульсивным, беспорядочным движениям. В результате наблюдается чрезмерная фиксация на одних приборах и отсутствие контроля за другой необходимой информацией. Иногда может возникнуть состояние полного оцепенения (ступор). Отмечены случаи, когда пилоты полностью прекращали управление или покидали самолет при небольших и неопасных нарушениях в работе двигателя или при ложном срабатывании сигнализации. В любом случае стресс приводит к серьезным ошибкам в действиях экипажа, а летчики, предрасположенные к развитию «трудных» психических состояний, являются недостаточно пригодными к летной работе [6; 7; 23; 25 и др.].

Большое значение для безопасности полетов имеют социально-психологические переменные, определяемые как «внеорганизационные факторы» (значимые события и обстоятельства, происходящие в жизни человека и его окружения), воздействие которых может оказать сильное влияние на психофизиологическое равновесие специалиста, его эффективность и надежность. Изучались зависимость летных происшествий, возникновение ошибочных действий в полете от особенностей личности пилотов и неблагоприятного влияния различных жизненных событий. Было показано, что у пилотов, в анамнезе которых имели место летные происшествия, часто присутствовали психотравмирующие обстоятельства, связанные с конфликтами в семье, на работе, имелись проблемы в межличностных отношениях и т. п. У них часто наблюдались негативные реакции на неблагоприятные жизненные события, выра-

жающиеся в неадекватном отношении к окружающим, излишней чувствительности к критическим замечаниям, высокомерию, выраженном агрессивном поведении. То есть факторы бытового стресса в ряде случаев сказывались на уровне работоспособности летчиков и сопровождалась снижением их профессиональной надежности. Однако исследователи обращают внимание на то, что прямая связь между бытовым стрессом и надежностью не всегда присутствует, а характер этой зависимости не является линейным и определяется, прежде всего, индивидуально-психологическими особенностями пилотов [3; 22; 29 и др.].

Таким образом, полученный разными исследователями эмпирический материал позволяет глубже взглянуть на проблему взаимосвязи профессионального здоровья и профессиональной надежности летных специалистов. Все большее распространение получает признание тот факт, что профессиональное здоровье является не только медицинской, но и психологической проблемой. Именно поэтому социально-психологические и личностные переменные активно изучаются в связи с ростом психосоматических заболеваний, с успешностью выполнения трудовых задач, исследованием профессиональной пригодности и функциональной надежности представителей летного состава.

**Социально-психологические
характеристики как ресурс
профессиональной надежности
и здоровья летчиков**

Вопрос о роли личностного фактора в возникновении таких форм нарушения

психологического здоровья, как стресс и проявления синдромов утомления и сниженной работоспособности, в настоящее время по-прежнему остается недостаточно исследованным. Роль внутренних (как «глубинных», так и «поверхностных») резервов индивида в купировании неблагоприятных функциональных состояний субъекта труда, по мнению многих авторов [2; 24; 28 и др.], нуждается в дополнительном эмпирическом и теоретическом изучении. В этой связи все большую практическую значимость приобретают исследования, выполненные на основе положений ресурсного подхода. Негативные функциональные состояния с позиций данного подхода рассматриваются в виде ресурсной модели, которая включает соматические, физиологические, психические особенности индивида, профессиональные навыки, особенности социальной поддержки и т. д. Изменения или нарушения функциональных состояний являются следствием реальной или воображаемой потери части этих ресурсов [24; 28; 30 и др.].

С позиций ресурсного подхода резервы организма и психики человека рассматриваются в качестве одного из основных факторов, противодействующих развитию состояний перенапряжения, утомления и стресса. Они характеризуют физические и психологические возможности индивида, мобилизация которых обеспечивает актуализацию способов поведения по предотвращению или купированию неблагоприятных проявлений. В качестве одной из групп таких ресурсов могут выступать индивидуально-личностные особенности субъекта труда, в частности, особенности профессиональной мотивации, уровень жизнестойкости, способы преодоления стрес-

совых ситуаций и т. д. Именно они в значительной степени зависят от самого человека, поддаются определенной коррекции и могут быть использованы для сохранения здоровья и повышения качества труда [2; 8; 9 и др.].

Изучение личностных характеристик в связи с проблемами трудовой деятельности, выявление роли личностных и социальных факторов в обеспечении надежности и эффективности работы специалистов экстремальных профессий имеет давнюю историю. В этой области накоплен значительный экспериментальный материал.

Так, Х. Херман и П. Машке показали, что по результатам контрольных полетов и опыту летной работы можно прогнозировать успешность работы пилотов коммерческих авиалиний с точностью 73,8 %. Однако если помимо этого использовать еще и личностные переменные, точность прогнозов повышается до 79,3 % [26].

При изучении взаимосвязи между личностными характеристиками учащихся летной школы, полученными с помощью Личностного опросника Айзенка (EPI), и успешностью обучения было выявлено, что неудовлетворительные оценки имеют 60 % нейротичных интровертов, 37 % нейротичных экстравертов, 32 % стабильных экстравертов и лишь 14 % стабильных интровертов. То есть было установлено, что по сравнению с экстравертами курсанты-интроверты лучше усваивают различные летные дисциплины и практические занятия. Аналогичные результаты были получены на выборке военных пилотов США, а также при обследовании английских летчиков. Было показано, что существуют устойчивые отрицательные

корреляции между нейротизмом и успешностью обучения пилотов [27; 31].

В работе М.А. Котика и А.М. Емельянова дан широкий обзор исследований роли личностных черт, познавательных процессов, психических свойств и состояний в формировании предрасположенности к нарушениям профессиональной надежности. Наиболее значимыми для профессии летчика выступили такие черты личности, как эмоциональная устойчивость, склонность к фрустрации, твердость убеждений, уверенность в себе. Эти качества сочетаются с жизненной активностью, открытым характером, выраженной мотивацией на достижение цели. Значимой является корреляционная связь между уровнем летной квалификации и «опорой на чутье» (особенностями интуитивного мышления). Обнаружено также, что для летчиков высших категорий характерен более высокий уровень личностной тревожности, который одновременно сочетается с высоким индексом, характеризующим стремление к достижению цели, и уверенностью в успешности при решении профессиональных задач [15].

Изучение профессиональной пригодности пилотов, а также профессионалов-водителей, проводящих за рулем многие часы, показало, что по личностным чертам можно с большой вероятностью прогнозировать негативные последствия выполнения трудовых задач. Так, при сопоставлении личностных факторов с индивидуальным риском несчастных случаев (количеством совершенных в прошлом аварий и степенью их тяжести) было обнаружено, что решающую роль играют такие характеристики, как доминантность, неосторожность, эмоциональная сензитивность и агрессивность.

Кроме того, были выявлены значимые корреляции между высокой аварийностью, экстраверсией и нейротизмом. В целом считается, что около 10 % дисперсии при возникновении несчастных случаев обусловлено именно личностными переменными. Наиболее информативными при этом являются личностные характеристики, вошедшие в состав двух ортогональных факторов. Первый фактор включает «экстраверсию», «стремление к острым ощущениям», поведение типа «А», второй — «нейротизм», «тревожность», «эмоциональную нестабильность» [20].

Согласно данным Дж. Салгадо, многочисленные исследования, выполненные с применением теста «Большой пятерки», позволяют сделать вывод, что «добросовестность» и «эмоциональная стабильность» относятся к числу наиболее важных факторов, которые следует учитывать при прогнозировании качества выполнения работы специалистов самых разных профессиональных групп [32].

Изучался также ряд личностных особенностей, которые располагают к неадекватному и хаотичному поведению в экстремальных условиях. К ним относятся эмоциональная неустойчивость, неадекватный оптимизм, сниженное чувство тревоги в связи с тенденцией к ненормативному социальному поведению, постоянное стремление к действию в сочетании с высокой тревожностью [3; 8 и др.].

Таким образом, эмпирические данные ясно показывают, что личностные характеристики связаны с широким спектром параметров профессионально-релевантного поведения. Анализ литературных источников позволяет говорить о возможности применения методов исследования личности при изучении при-

чин летных происшествий и предпосылок к ошибочным действиям, а также использовать личностное тестирование с целью подбора летных специалистов. Имеющийся опыт использования комплекса личностных методов в ходе проведения клинико-психологического обследования летного состава в целях врачебно-летной экспертизы также свидетельствует о целесообразности дальнейшей работы в этом направлении [4].

С целью дальнейшего совершенствования врачебно-летной экспертизы, направленной на диагностику профессионального здоровья летчиков, под руководством В.А. Бодрова было проведено эмпирическое исследование взаимосвязи неблагоприятных психических состояний, особенностей социально-демографического статуса, профессиональных и индивидуально-личностных свойств летных специалистов. Исследование проходило на базе филиала № 3 ФГУ «ЦВКГ им. А.А. Вишневского МО РФ». В качестве участников исследования выступили 72 военных летчика, проходивших плановое медицинское обследование (средний возраст — 33 года).

Методы исследования и способ обработки эмпирических данных

Был разработан психодиагностический комплекс, в состав которого были включены известные психологические методики, которые можно разделить на три группы. В первую группу вошли беседа и анализ документов, позволяющие получить основные социально-демографические и профессиональные характеристики, особенности медицинского статуса, а также зафиксировать важные мо-

менты биографии летчиков. Вторую группу составили методики, направленные на диагностику симптомов негативных психических состояний (утомления, сниженной работоспособности и стресса). К третьей группе относятся опросники, направленные на выявление различных аспектов удовлетворенности работой и особенностей профессиональной мотивации, а также позволяющие выявить некоторые индивидуально-лич-

ностные характеристики обследованных летчиков (уровень субъективного контроля, уровень жизнестойкости, способы преодоления трудных ситуаций, структура ценностей и т. д.). Полный перечень методик представлен в табл. 1.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием стандартного пакета программ *PASW Statistics 17 для Windows*. В зависимости от типа измерительных шкал при оценке до-

Таблица 1

Методики, включенные в состав психодиагностического комплекса

<p>1. Характеристики социально-демографического, медицинского и профессионального статуса летчиков</p>	<p>1. Индивидуальная медицинская карта обследуемого. 2. Характеристики командиров. 3. Структурированная биографическая анкета «Общие сведения».</p>
<p>2. Текущие состояния (оценка психического статуса летчиков)</p>	<p>«Шкала психологического стресса» (PSM-25) Л. Лемура, Р. Тесье, Л. Филлиона в адаптации Н.Е.Водопьяновой; «Шкала стрессогенности событий» Т.Х. Холмса, Р.Х. Райх; – Опросник «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) А.Б. Леоновой, С.Б. Величковской; – Опросник «Степень хронического утомления» (СХУ) А.Б. Леоновой, И.В. Шишкиной; «Многофакторный личностный опросник» (FPI) в адаптации Т.И. Ронгинской, А.А. Крылова.</p>
<p>3. Индивидуально- личностные особенности летчиков (личностный статус и особенности профессиональной мотивации)</p>	<p>Анкета «Удовлетворенность работой» В.А. Бодрова; «Шкала личностной тревожности» (ЛТ) Ч. Спилберга—Ю. Ханина; «Тест жизнестойкости» С. Мадди; – Методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) в адаптации Н.В. Водопьяновой; – «Методика диагностики уровня субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера; Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ) Е.В. Харитоновой, Б.А. Ясько; «Методика исследования базисных убеждений личности» (ИБУЛ) Р. Янофф-Бульман в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой; «Методика исследования самоотношения» (МИС) С.Р. Пантилеева; Методика «Изучение ценностей личности» Ш. Шварца</p>

стоверности различий применялись T -критерий Стьюдента, U -критерий Манна-Уитни. Сравнение нескольких независимых выборок по уровню выраженности переменной осуществлялось с помощью H -критерия Краскела-Уоллеса и критерия Джонкира-Терпстра. Для оценки взаимосвязей между переменными использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования

1. Проявление стресса у летчиков в зависимости от особенностей социального, профессионального и личностного статуса

Одним из психологических критериев профессионального здоровья летных специалистов в нашем исследовании выступил уровень стресса. Были использованы две методики. Влияние внешних стресс-факторов и общий уровень стрессонаполненности жизни выявлялось с помощью шкалы Холмса-Райх. Особенности субъективного переживания стресса и наличие симптомов психической напряженности фиксировались с помощью опросника PSM-25. При обработке данных использовался корреляционный анализ, а также сравнительный анализ групп, сформированных в зависимости от выраженности стресса и в соответствии с критериальными нормами (низкий – высокий уровень стресса), выделенными авторами опросников.

Следует отметить, что анализ полной матрицы интеркорреляций показал: все методики, фиксирующие наличие негативной симптоматики, положительно связаны между собой. Этот результат

указывает на непротиворечивость и высокую внутреннюю согласованность полученных данных и является подтверждением их надежности.

Было выявлено, что суммарный показатель социальной адаптированности и уровня стресса шкалы Холмса-Райх статистически достоверно взаимосвязан с таким субсиндромом хронического утомления, как «снижение мотивации и изменения в сфере общения», а также со шкалами FPI «невротичность» и «общительность». То есть воздействие внешних стресс-факторов в большей степени отражается на индивидах, имеющих высокую степень невротичности и менее общительных. При этом рост количества стрессогенных событий в жизни летчиков часто сопровождается ослаблением профессиональной мотивации и удовлетворенности работой. Анализ взаимосвязей общего индекса Холмса-Райх с субшкалами опросника SACS (стратегии преодоления стрессовых ситуаций) также показал, что чем больше летчики в трудных ситуациях ориентированы на «поиск социальной поддержки», тем в меньшей степени у них развиваются симптомы стресса и меньше вероятность развития соматических заболеваний. Как было показано разными авторами, при обследовании индивидов, переживших экстремальный стресс, коммуникативные характеристики играют важную роль в успешности преодоления его негативных проявлений. Например, было установлено, что ветераны войны, считающие себя «общительными», лучше справляются с отрицательными последствиями военного стресса, чем менее «общительные» участники боевых действий [11].

Проведение сравнительного статистического анализа подтвердило, что большая стрессонаполненность жизни

летчиков сопровождается более высокими значениями признаков хронического утомления ($p \leq 0,05$). При этом уровень стресса достоверно ниже у летчиков, характеризующихся по шкалам FPI, как более «общительные», «эмоционально стабильные» и «открытые», стремящихся к доверительно-откровенному взаимодействию. Было показано, что летчики с низким уровнем стресса статистически значимо чаще прибегают к «социальной поддержке» как способу преодоления негативных ситуаций (шкала SACS), у них ниже значения субшкалы МИС «самопривязанность» и выше такой показатель самооценки, как «отраженное самоотношение», который характеризует степень открытости и доверия индивида по отношению к другим людям. Кроме того, выявлено, что группы различаются по величине компонента жизнестойкости «принятие риска», отражающего установку индивида на активное взаимодействие с миром и взгляд на жизнь в качестве приобретения нового жизненного опыта, включая негативный. Данный показатель жизнестойкости значимо выше в группе с низким уровнем стресса. Что касается ценностно-мотивационной сферы, то летчики, имеющие низкие значения индекса шкалы Холмса-Райх, более ориентированы на ценности «традиции», «доброта», «универсализм» и «достижения».

Анализ взаимосвязей второго показателя стресса — интегрального индекса психической напряженности шкалы PSM-25 — показал следующее. Было выявлено, что уровень переживания стресса у летчиков напрямую коррелирует с показателями многофакторного личностного опросника FPI. Наибольшая степень взаимосвязи наблюдается между

интегральным индексом PSM-25 и такими шкалами FPI, как «невротичность», «эмоциональная лабильность», «застенчивость» и «открытость» ($p \leq 0,001$). Более низкие взаимозависимости интегральный индекс PSM-25 имеет со шкалами «агрессивность», «депрессивность» и «раздражительность» ($p \leq 0,05$). Важно отметить, что сильная взаимосвязь уровня стресса с такими личностными характеристиками, как «открытость» и «застенчивость», за которыми скрываются повышенная тревожность, скованность и неуверенность, может быть рассмотрена как индикатор высокой предрасположенности к развитию состояний эмоциональной нестабильности и реагированию на трудные жизненные ситуации по типу нарастания признаков невротического расстройства.

Корреляционный анализ показал также, что выраженность симптомов стресса находится в обратной связи с суммарным показателем удовлетворенности работой, а также составляющими, характеризующими уровень профессиональной востребованности и особенности Я-концепции. Было выявлено, что чем выше уровень стресса, тем ниже такие показатели шкал опросника ПВЛ, как «уровень реализации профессионального потенциала», «оценка результатов профессиональной деятельности», «принадлежность к профессиональному сообществу», а также ниже самооценка «уровня профессиональной компетентности», «профессионального авторитета» и «ожидания позитивного отношения со стороны коллег». Что касается общей самооценки, полученной по шкале МИС, то уровень стресса выше у летчиков, имеющих высокую степень «внутренней конфликтности». Данный аспект

самоотношения является одним из важных индикаторов внутреннего неблагополучия, отражает постоянное присутствие отрицательных эмоций, неудовлетворенность собой и наличие у индивида чувства собственной «малоценности» в значимых для него ситуациях. Высоким баллам по шкалам «саморуководство» и «отраженное самоотношение», наоборот, соответствуют низкие значения суммарного индекса опросника PSM-25. То есть летчики, уверенные в своей способности управлять событиями своей жизни и считающие, что окружающие относятся к ним с симпатией, реже отмечают у себя симптомы стресса.

Рассмотрение интеркорреляций между PSM-25 и уровнем субъективного контроля (субшкалы опросника УСК) показало, что общий уровень субъективного контроля, а также шкалы теста УСК, характеризующие интернальность в области достижений, в области производственных отношений, в области неудач и в области здоровья, находятся в обратной связи с величиной суммарного индекса шкалы PSM-25. То есть летчики, имеющие высокий уровень интернальности и считающие, что большинство важных событий в жизни является результатом их собственных действий, чувствующие ответственность за свою жизнь в целом и уверенные в возможности ее контролировать, имеют более низкие показатели стресса.

Было также обнаружено, что чем меньше значения индекса PSM-25, тем выше значения таких субшкал методики исследования базисных убеждений Янофф-Бульман, как «убеждение в доброжелательности-враждебности окружающего мира», «убеждение о возможности контролировать происходящие события», «убеж-

дение о ценности и значимости собственного Я» и «убеждение в собственной удачливости и везучести». То есть полученные результаты свидетельствуют, что чем выше уровень стресса, тем менее позитивна картина мира у обследованных летчиков. Что касается индивидуально-личностных характеристик, отражающих общую стрессоустойчивость индивида («жизнестойкость»), а также его способность справляться с трудными ситуациями (стратегии преодоления стресса), то были обнаружены следующие взаимосвязи. Показано, что чем выше уровень стресса, тем ниже значения общего и отдельных индексов теста жизнестойкости Мадди, кроме того что конструктивные стратегии преодоления стресса («асертивные действия», «вступление в социальный контакт» и «поиск социальной поддержки») находятся с индексом PSM-25 в обратной связи, а менее конструктивные («избегание», «асоциальные действия», «агрессивные действия») — в прямой. Не выявлено значимых корреляций между количеством негативных симптомов стресса по шкале PSM-25 и значениями шкал методики «Изучение ценностей личности» Ш. Шварца.

Анализ взаимосвязей показателей социально-демографического и профессионального статуса с уровнем стресса позволил получить лишь незначительные положительные корреляции (на уровне статистически выраженной тенденции) с такими характеристиками, как возраст, семейное положение и число детей у обследованных летчиков.

Сравнение групп летчиков, имеющих высокий и низкий уровень стресса по шкале PSM-25 в целом, подтвердило статистическую значимость полученных интеркорреляций. Было выявлено, что летчики с высокими значениями сум-

марного индекса стресса имеют и достоверно более высокие показатели утомления. В данной группе выше личностная тревожность и значения таких шкал методики FPI, как «невротичность», «спонтанная агрессивность», «раздражительность», «уравновешенность», «эмоциональная лабильность» и «застенчивость». У летчиков из группы с высоким уровнем стресса в большей степени выражены такие стратегии преодоления трудных ситуаций, как «избегание», «непрямые действия» и «агрессивные действия», относящиеся к категории неконструктивных способов защиты. Группы различаются по уровню интернальности — «общему индексу УСК» и по таким шкалам опросника, как «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач» и «интернальность в производственных отношениях». Наши результаты согласуются с фактами, полученными некоторыми другими исследователями, показавшими значимость такой личностной характеристики, как «интернальный локус контроля» для успешного купирования симптомов стресса [33].

Результаты сравнения групп летчиков с низким и высоким уровнем стресса показали, что уровень жизнестойкости (суммарный показатель и значения всех субшкал по тесту Мадди) выше в группе с низкими значениями общего индекса PSM-25. То есть летчики, активно участвующие в происходящем вокруг («вовлеченность»), считающие, что должны контролировать события своей жизни («контроль»), и имеющие установку на активное преодоление трудностей («принятие риска»), в меньшей степени отмечают у себя признаки стресса. Результаты сравнительного анализа пока-

зали также, что для летчиков, имеющих более высокие значения психической напряженности и стресса, характерны более низкие показатели удовлетворенности различными аспектами своей работы и более низкие значения показателей уровня профессиональной востребованности и профессиональной самооценки. Так как Я-концепция является одним из внутренних механизмов, участвующих в регуляции психологических последствий негативных жизненных ситуаций, то полученные результаты свидетельствуют о важной роли позитивной Я-концепции как фактора, способствующего сохранению и поддержанию внутреннего благополучия и профессионального здоровья летных специалистов.

Сравнение групп в зависимости от выраженности стресса показало также, что его уровень выше в группе летчиков старшего возраста и имеющих семью. Можно предположить, что полученный факт связан с положением, сложившимся на данный момент в армии, когда престиж профессии резко упал, а многие военные летчики находятся в ситуации неопределенности относительно своего будущего и испытывают значительные материальные и жилищные трудности [14; 21 и др.].

Таким образом, применение «Шкалы психологического стресса» (PSM-25) и «Шкалы стрессогенности событий» Холмса-Райх для диагностики уровня стресса позволило обнаружить значимые взаимосвязи между наличием негативной симптоматики и индивидуально-личностными особенностями летных специалистов. Показано, что личностные свойства (по сравнению с характеристиками профессионального и социально-демографического статуса) в наибольшей степени связаны с переживани-

ем стресса. То есть при оценке профессионального здоровья летчиков в процессе клинко-диагностической экспертизы индивидуально-личностные характеристики могут рассматриваться в качестве значимых предикторов развития негативных психических состояний.

2. Утомление как фактор профессионального здоровья летчиков

Важным признаком нарушения профессионального здоровья летчиков является наличие у них симптомов утомления и сниженной работоспособности. Как отмечают многие исследователи, по причине рабочих перегрузок у летных специалистов часто развивается синдром хронического утомления и переутомления. Данный синдром имеет сложную этиологию и является гетерогенным расстройством, сопровождаемым психофизиологическими нарушениями. Основными клиническими симптомами проявления синдрома хронического утомления в настоящее время принято считать наличие слабости, снижение активности и общей способности к продолжению деятельности, чувство усталости, голово-

кружения, нарушения сна, раздражительность, расстройства памяти и внимания. Выраженность функциональных реакций, свидетельствующих о развитии утомления, зависит как от условий и особенностей летной работы (сложность выполняемого задания, интенсивность и длительность воздействия факторов полета, условия в кабине самолета и др.), так и от психологического состояния летчика, уровня его мотивации, профессиональной подготовленности, индивидуально-психологических и личностных особенностей [2; 17 и др.].

В проведенном обследовании летных специалистов состояние хронического утомления диагностировалось с помощью методики «Степень хронического утомления» (СХУ) Леоновой-Шишкиной. Оценка состояния сниженной работоспособности производилась с помощью опросника «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) Леоновой-Величковской.

Частота встречаемости и распределение отдельных показателей хронического утомления и сниженной работоспособности представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Распределение летчиков по степени выраженности субсиндромов хронического утомления (СХУ), %

Шкалы СХУ	Степень хронического утомления				
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я
Суммарный индекс утомления (ИХРУ)	94,2	2,9	1,45	0	1,45
Симптомы физиологического дискомфорта	61,0	31,88	4,34	0	0
Снижение общего самочувствия и когнитивный дискомфорт	61,1	33,33	2,9	0	0
Нарушения эмоционально-аффективной сферы	70,8	23,19	2,9	0	0
Снижение мотивации и изменения в сфере социального общения	52,8	42,02	2,9	0	0

1-я — отдельные признаки утомления; 2-я — начальная степень утомления; 3-я — выраженная степень утомления; 4-я — сильная степень утомления; 5-я — астенический синдром.

Таблица 3
**Распределение летчиков по степени
 выраженности субсиндромов
 сниженной работоспособности
 (ДОРС), %**

Индексы	Степень снижения состояния работоспособности			
	низкая	умеренная	выраженная	высокая
Утомления	56,52	43,48	0	0
Монотонии	53,62	46,38	0	0
Пресыщения	81,16	17,39	1,45	0
Стресса	53,6	46,4	0	0

Как видно из табл. 2 и 3, основная масса летчиков отмечает у себя лишь незначительные проявления симптомов хронического утомления и низкую или умеренную степень снижения работоспособности. Полученный результат вполне закономерен, так как были обследованы вполне здоровые летчики, проходящие процедуру врачебно-лётной экспертизы с целью подтверждения профессиональной пригодности. Тем не менее, «умеренная» степень сниженной работоспособности по шкалам ДОРС «монотония» и «стресс» наблюдается у 46,4 % летных специалистов, а по шкале «утомление» — у 43,5 %. Важно отметить, что согласно полученным данным, состояние хронического утомления у летчиков проявляется, прежде всего, в снижении уровня профессиональной мотивации и нарушениях в сфере общения с коллегами.

Дальнейшая статистическая обработка данных включала проведение корреляционного анализа основных показателей методик СХУ и ДОРС с характеристиками социально-демографического и профессионального статуса, а также личностными особенностями летных специалистов, и сравнительный анализ групп

летчиков с разной степенью проявления признаков утомления и сниженной работоспособности ($p \leq 0,05$).

Анализ полученной матрицы интеркорреляций показал, что общий уровень хронического утомления, а также его признаки «физический дискомфорт» и «сниженное самочувствие» положительно коррелируют с такими характеристиками профессионального статуса, как «стаж работы», «классность» и «налет часов». То есть несмотря на то, что в целом у обследованных летчиков отмечается довольно низкий уровень хронического утомления, было зафиксировано нарастание его симптомов в зависимости от продолжительности профессиональной деятельности (стажа), а также от объема и сложности профессиональной нагрузки (налет часов и классность). Было также показано, что уровень хронического утомления выше у летчиков более старшего возраста и летчиков, имеющих детей. Не выявлено значимых корреляций между состоянием соматического здоровья (наличием медицинских диагнозов) и показателями утомления.

Что касается личностных характеристик, то сравнение групп в зависимости от величины общего индекса ИХРУ показало следующее.

Летчики, имеющие больше признаков хронического утомления, характеризуются по шкалам теста FPI как менее «уравновешенные», менее «эмоционально стабильные», но более «невротичные», «депрессивные» и «застенчивые». У них выше показатель личностной тревожности и показатель психической напряженности и стресса по шкале PSM-25. Они чаще прибегают к «избеганию» и «агрессии» в трудных ситуациях, а также гораздо реже используют

конструктивные способы преодоления стрессовых ситуаций.

Выявлено, кроме того, что признаки утомления статистически реже встречаются у летчиков, показавших более высокие значения по тесту жизнестойкости. Согласно данным С. Мадди, «жизнестойкие убеждения» не только способствуют преодолению трудных ситуаций, но и являются фактором профилактики нарушения работоспособности и развития соматических и психических заболеваний в условиях повышенной напряженности и стресса, являясь своего рода «иммунитетом» к различным психическим перегрузкам. Им установлено, что жизнестойкость тесно связана с эффективностью деятельности специалистов разных профессий, включая работу в условиях монотонии, например, конвейерную сборку. Результаты нашего исследования согласуются с выводами, полученными С. Мадди и его последователями [16].

Сравнительный анализ показал также, что группы с разным уровнем хронического утомления статистически достоверно различаются по выраженности показателя «общей интернальности», а также по величине субшкал методики УСК «интернальность в области производственных отношений», «интернальность в области достижений» и «интернальность в области неудач». Показано, что симптомы хронического утомления в большей степени присущи летчикам, склонным принимать на себя ответственность за свои действия и совершаемые ошибки, а также переживающих чувство ответственности за организацию и результаты своей работы.

Степень хронического утомления находится в обратной связи с показателями самоотношения (шкалы МИС) и та-

кой характеристикой личности, диагностируемой по тесту ИБУЛ, как «значимость образа Я» (или убежденность индивида в том, что он достойный и хороший человек). Данный факт свидетельствует о более высокой самооценке и позитивной направленности составляющих Я-концепции обследованных индивидов из группы с низким уровнем утомления.

Выявлено, что рост значений хронического утомления тесно связан со снижением удовлетворенности различными аспектами трудовой деятельности (суммарный индекс анкеты В.А. Бодрова) и низкими значениями составляющих профессиональной самооценки и профессиональной востребованности (субшкалы опросника ПВЛ Харитоновой-Ясько). Наиболее дифференцирующей характеристикой в данном случае выступил такой показатель, как «принадлежность к профессиональному обществу». Высокие оценки по данной шкале свидетельствуют о положительном отношении индивида к себе как специалисту, переживание ценности своей профессии и результатов своего труда, о характере профессиональной идентификации.

Рассмотрение взаимосвязей показателей профессионального статуса обследованных летчиков с проявлениями сниженной работоспособности позволило установить, что высококлассные летчики лучше сохраняют состояние работоспособности, у них в меньшей степени развиваются симптомы «пресыщения» и «утомления», диагностируемые с помощью опросника ДОРС. Коэффициенты корреляций между шкалами ДОРС и наличием соматических заболеваний оказались незначимыми.

В число личностных характеристик, наиболее связанных с уровнем работоспособности, вошли такие шкалы опросника FPI, как «застенчивость», «открытость», «эмоциональная стабильность» и «невротичность», а также показатель личностной тревожности шкалы Спилбергер-Ханина. Кроме того, группы с низкой и умеренной степенью работоспособности хорошо дифференцируются по преобладанию таких защитных способов поведения, как «избегание» и «импульсивные действия». Характеристики работоспособности также выше у «жизнестойких» летчиков, имеющих позитивный образ Я и убежденных в «доброжелательности» и «контролируемости» окружающего мира (субшкалы ИБУЛ). Шкалы методики ДОРС оказались сильно связаны со всеми составляющими профессиональной востребованности и профессиональной самооценки, а также суммарным индексом анкеты «Удовлетворенность работой».

Значимые взаимосвязи уровня работоспособности и характеристик интернальности малочисленны. Показано, что такие субшкалы методики ДОРС, как «монотония» и «стресс», менее выражены у летчиков, имеющих интернальный локус контроля в «области неудач» и в «области достижений». Не обнаружено статистически значимых межгрупповых различий симптомов сниженной работоспособности с показателями ценностно-мотивационной сферы, полученными с помощью методики Ш. Шварца «Изучение ценностей личности». Взаимосвязи между различными симптомами опросника ДОРС и социально-демографическими характеристиками обследованных летчиков также оказались незначимыми.

Выводы

Анализ материалов эмпирического исследования позволил получить следующие результаты и прийти к следующим выводам.

1. Установлено, что медицинский статус обследованных летчиков находится в обратной связи с возрастом, стажем работы, количеством детей и таким показателем общей и годовой загруженности пилотов, как «налет часов». Чем выше перечисленные характеристики, тем ниже уровень здоровья летных специалистов. Кроме того, обнаружено, что чем ниже показатели соматического здоровья, тем выше «невротичность», «эмоциональная нестабильность», «личностная тревожность», а также «импульсивность» поведения в стрессовых ситуациях. Сравнение групп в зависимости от числа имеющихся диагнозов выявило, что уровень соматического здоровья выше у летчиков, имеющих более высокие значения «жизнестойкости» по шкале теста С. Мадди «контроль» и шкале теста Дж. Роттера «интернальность в области неудач». Получено также, что в группе более благополучных по медицинским показателям летных специалистов значимо выше основные составляющие профессиональной самооценки и профессиональной востребованности.

2. Выявлено, что риск развития соматических заболеваний выше у летных специалистов с высоким уровнем «невротичности», подверженных астенизации и психосоматическим нарушениям при стрессе, менее общительных, закрытых и не склонных обращаться за социальной поддержкой и помощью. Установлено, что чем больше стрессонаполненность жизни, тем меньше удовлетво-

ренность работой и ниже уровень профессиональной мотивации. Показано также, что вероятность заболеть больше у летчиков с высоким показателем рабочей нагрузки «налет часов» и не имеющих семьи.

3. Выявлены многочисленные связи показателей негативных психических состояний с индивидуально-личностными особенностями летчиков. Обнаружено, что в наибольшей степени уровень функциональной напряженности, утомления и стресса коррелирует с личностными характеристиками, имеющими первостепенное значение для социального взаимодействия и регуляции поведения человека. К ним относятся такие свойства личности, как «уравновешенность», «общительность», «застенчивость», «открытость», «невротичность» и «эмоциональная лабильность», измеряемые по шкалам многофакторного личностного опросника FPI, а также индекс личностной тревожности, полученный по шкале Спилбергера-Ханина. Кроме того, уровень утомления и стресса тесно связан с таким системообразующим свойством личности, как «жизнестойкость», и некоторыми базисными убеждениями индивида («убеждение о контролируемости мира», «убеждение о доброжелательности-

враждебности окружающего мира» и «убеждение о ценности и значимости собственного Я»). Было показано, что характер представлений индивида о своей профессии, возможностях карьерного и личностного роста, а также оценка профессионального окружения, профессиональных ситуаций и отношение к работе тесно связаны с проявлением негативной симптоматики. В наименьшей степени симптомы неблагоприятных психических состояний оказались связаны со структурой ценностно-мотивационных ориентаций, определяемой с помощью опросника Ш. Шварца для изучения ценностей личности.

Полученные результаты хорошо согласуются и во многом развивают некоторые положения и выводы, сделанные отечественными и зарубежными исследователями, изучающими проблему психологического тестирования с целью прогнозирования профессионально-релевантного поведения. Статистический анализ данных позволяет также говорить об определенной степени диагностической и прогностической ценности методик, вошедших в психодиагностический комплекс, и целесообразности их применения в целях врачебно-лётной экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баканов А.С. Формирование структуры профессиональных знаний в процессе взаимодействия человека с интеллектуальной системой // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2011. № 3—1.
2. Бодров В.А. Профессиональное утомление: фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2009.
3. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М., 2001.
4. Бодров В.А., Зеленова М.Е., Лекалов А.А., Сиваш О.Н., Таяновский В.Ю. Исследование профессионального здоровья летчиков в процессе клинко-психологической экспертизы // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4. М., 2012.

5. Бугров С.А., Лапаев Э.В., Пономаренко В.А., Ступаков Г.П. Проблема профессионального здоровья в аэрокосмической медицине // Военно-медицинский журнал. 1993. № 1.
6. Горбов Ф.Д., Чайнова Л.Д. О трудных состояниях, возникающих в задачах сложного различения при лимитированной деятельности // Вопросы психологии. 1960. № 6.
7. Гримак Л.П., Пономаренко В.А. Психические состояния летчиков и формы их проявления в полете // Военно-медицинский журнал. 1971. № 5.
8. Дикая Л.Г. Социально-психологические и личностные аспекты саморегуляции функционального состояния человека // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4. М., 2012.
9. Зеленова М.Е. Индивидуальный стиль саморегуляции как внутренний ресурс стрессоустойчивости субъектов трудовой деятельности // Социальная психология и общество. 2013. № 1.
10. Зеленова М.Е. Проблема профессионального здоровья летчиков и ее экспериментальное изучение // Сборник научных трудов SWorld. Вып. 1. Т. 12. Одесса, 2012.
11. Зеленова М.Е. Функциональная надежность и структура ценностей специалистов, переживших военный стресс // Сборник научных трудов SWorld. Вып. 4. Т. 14. Одесса, 2011.
12. Йоселиани К.К. Клинико-психологические исследования в практике врачебно-лётной экспертизы: Автореф. дисс. ... д-ра мед. наук. М., 1975.
13. Козлов В.В. Учение о «человеческом факторе»: история создания и практика применения // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2. М., 2011.
14. Кондратьев М.Ю., Мешков И.А. Социально-психологические особенности субъективного отношения представителей различных категорий современной отечественной молодежи к российской армии // Социальная психология и общество. 2012. № 2.
15. Котик М.А., Емельянов А.М. Природа ошибок человека-оператора. М., 1993.
16. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М., 2006.
17. Медведев В.И., Алдашева А.А. Усталость как психическое состояние // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности. М., 2008.
18. Пономаренко В.А., Завалова Н.Д. Авиационная психология. М., 1992.
19. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М., 2003.
20. Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. СПб., 2001.
21. Человеческий фактор в авиации (беседа за круглым столом) // Проблемы психологии и эргономики. 2002. № 5.
22. Alkov R.A., Borowsky M.S. A questionnaire study of psychological background factor in us Naval aircraft accidents // Aviat., Space and Environ. Med. 1980. Vol. 51. № 3.
23. Beaty G. The human factor in aircraft accident. London, 1996.
24. Freedy J.R., Hobfoll S.E. Stress inoculation for reduction of burnout: A conservation of resources approach // Anxiety. Stress and Coping. 1994. Vol. 6.
25. Green R.F. Stress and accidents // Aviat., Space and Environ. Med. 1985. Vol. 56. № 7.

26. *Horman H.J., Maschke P.* On the relation between personality and job performance of airline pilots // *International Journal of Aviation Psychology*. 1996. № 6.
27. *Jessup G. and Jessup H.* Validity of Eysenck's Personality Inventory in pilot selection // *Occupational Psychology*. 1971. № 45.
28. *Kahneman D.* *Attention and Effort*. Englewood Cliffs. N.J., 1973.
29. *McCarron P.M., Haakoson N.H.* Recent life change measurement in Canadian Forces pilots // *Aviat., Space and Environ. Med.* 1982. Vol. 53. № 1.
30. *Norman D.A., Bobrov D.J.* On Data-limited and resource-limited processes // *Cognition Psychology*. 1975. Vol. 7.
31. *Reinhardt R.* The outstanding jet pilot. // *American Journal of Psychiatry*. 1970. № 127.
32. *Salgado J.* The five-factor model of personality and job performance in the European Community // *Journal of Applied Psychology*. 1997. № 82.
33. *Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society/* editors, Bessel A. van der Kolk, Alexander C. McFarlane, Lars Weisaeth. N.Y., 1996.

Social Psychological Factors of Professional Health Regulation in Pilots

M.E. ZELENОВА

PhD in Psychology, research fellow at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science

The paper presents results of psychological evaluation of pilots. It reviews the connections between health, sociodemographic characteristics and personality traits of the subjects. As it was revealed, signs of mental strain, fatigue and stress strongly correlate with the characteristics referring to the social interaction process and behavior regulation in the individual, such as 'sociability', 'emotional lability', 'openness', 'shyness', 'balance', 'neuroticism', and 'hardiness'. The study showed that the pilots' satisfaction with the professional activity and its outcomes plays an important role in maintaining their work efficiency and psychological well-being. The results of the study proved that those pilots who had families were more successful in coping with negative stress factors in their workplace as well as in everyday life.

Keywords: professional health, mental resources, negative mental states, stress, fatigue, sociodemographic characteristics, personality traits.

REFERENCES

1. Bakanov A.S. Formirovanie struktury professional'nyh znaniy v processe vzaimodejstviya cheloveka s intellektual'noj sistemoy // Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i jergonomiki. 2011. № 3—1.
2. Bodrov V.A. Professional'noe utomlenie: fundamental'nye i prikladnye problemy. M., 2009.
3. Bodrov V.A. Psihologija professional'noj prigodnosti. M., 2001.
4. Bodrov V.A., Zelenova M.E., Lekalov A.A., Sivash O.N., Tajanovskij V.Ju. Issledovanie professional'nogo zdorov'ja letchikov v processe kliniko-psihologicheskoy jekspertizy // Aktual'nye problemy psihologii truda, inzhenernoj psihologii i jergonomiki. Vyp. 4. M., 2012.
5. Bugrov S.A., Lapaev Je.V., Ponomarenko V.A., Stupakov G.P. Problema professional'nogo zdorov'ja v ajerokosmicheskoy medicine // Voенno-medicinskij zhurnal. 1993. № 1.
6. Gorbov F.D., Chajnova L.D. O trudnyh sostojanijah, vznikajushhijh v zadachah slozhnogo razlichenija pri limitirovannoj dejatel'nosti // Voprosy psihologii. 1960. № 6.
7. Grimak L.P., Ponomarenko V.A. Psihicheskie sostojanija letchikov i formy ih projavlenija v polete. // Voенno-medicinskij zhurnal. 1971. № 5.
8. Dikaja L.G. Social'no-psihologicheskie i lichnostnye aspekty samoreguljaciei funkcional'nogo sostojanija cheloveka // Aktual'nye problemy psihologii truda, inzhenernoj psihologii i jergonomiki. Vyp. 4. M., 2012.
9. Zelenova M.E. Individual'nyj stil' samoreguljaciei kak vnutrennij resurs stressoustojchivosti sub#ektov trudovoj dejatel'nosti // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2013. № 1.

10. *Zelenova M.E.* Problema professional'nogo zdorov'ja letchikov i ee jeksperimental'noe izuchenie // Sbornik nauchnyh trudov SWorld. Vyp. 1. T. 12. Odessa, 2012.
11. *Zelenova M.E.* Funkcional'naja nadezhnost' i struktura cennostej specialistov, perezhivshih voennyj stress // Sbornik nauchnyh trudov SWorld. Vyp. 4. T. 14. Odessa, 2011.
12. *Ioseliani K.K.* Kliniko-psihologicheskie issledovanija v praktike vrachebno-letnoj jekspertizy: Avtoref. diss. ... d-ra med. nauk. M., 1975.
13. *Kozlov V.V.* Uchenie o "chelovecheskom faktore": istorija sozdanija i praktika primenenija // Aktual'nye problemy psihologii ruda, inzhenernoj psihologii i jergonomiki. Vyp. 2. M., 2011.
14. *Kondrat'ev M.Ju., Meshkov I.A.* Social'no-psihologicheskie osobennosti sub'ektivnogo otnoshenija predstavitelej razlichnyh kategorij sovremennoj otechestvennoj molodezhi k rossijskoj armii // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2012. № 2.
15. *Kotik M.A., Emel'janov A.M.* Priroda oshibok cheloveka-operatora. M., 1993.
16. *Leont'ev D.A., Rasskazova E. I.* Test zhiznestojkosti. M., 2006.
17. *Medvedev V.I., Aldasheva A.A.* Uсталost' kak psihicheskoe sostojanie // Problemy fundamental'noj i prikladnoj psihologii professional'noj dejatel'nosti. M., 2008.
18. *Ponomarenko V.A., Zavalova N.D.* Aviacionnaja psihologija. M., 1992.
19. *Strelkov Ju.K.* Inzhenernaja i professional'naja psihologija. M., 2003.
20. *Fernhem A., Hejvoen P.* Lichnost' i social'noe povedenie. SPb., 2001.
21. Chelovecheskij faktor v aviacii (beseda za kruglym stolom) // Problemy psihologii i jergonomiki. 2002. № 5.
22. *Alkov R.A., Borowsky M.S.* A questionnaire study of psychological background factor in us Naval aircraft accidents // Aviat., Space and Environ. Med. 1980. Vol. 51. № 3.
23. *Beaty G.* The human factor in aircraft accident. London, 1996.
24. *Freedly J.R., Hobfolll S.E.* Stress inoculation for reduction of burnout: A conservation of resources approach // Anxiety. Stress and Coping. 1994. Vol. 6.
25. *Green R.F.* Stress and accidents // Aviat.,Space and Environ. Med. 1985. Vol. 56. № 7.
26. *Horman H.J., Maschke P.* On the relation between personality and job performance of airline pilots // International Journal of Aviation Psychology. 1996. № 6.
27. *Jessup G. and Jessup H.* Validity of Eysenck's Personality Inventory in pilot selection // Occupational Psychology. 1971. № 45.
28. *Kahneman D.* Attention and Effort. Englewood Cliffs. N.J., 1973.
29. *McCarron P.M., Haakoson N.H.* Recent life change measurement in Canadian Forces pilots // Aviat., Space and Environ. Med. 1982. Vol. 53. № 1.
30. *Norman D.A., Bobrov D.J.* On Data-limited and resource-limited processes // Cognition Psychology. 1975. Vol. 7.
31. *Reinhardt R.* The outstanding jet pilot. // American Journal of Psychiatry. 1970. № 127.
32. *Salgado J.* The five-factor model of personality and job performance in the European Community // Journal of Applied Psychology. 1997. № 82.
33. Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society/ editors, Bessel A. van der Kolk, Alexander C. McFarlane, Lars Weisaeth. N.Y., 1996.

Семейная идентичность женщин, принявших решение о прерывании беременности

Н.В. ЛУКЪЯНЧЕНКО

кандидат психологических наук, докторант Сибирского государственного технологического университета

В статье определяется актуальность изучения семейной идентичности женщин в контексте проблемы психологической детерминации решения о прерывании беременности. Излагаются и обсуждаются данные проведенного на базе женской консультации исследования, в котором приняли участие женщины, состоящие в официальном браке и в устойчивом сожителе. Выделяются общие и специфические особенности структурного, эмоционально-оценочного и когнитивного аспектов их семейной идентичности.

Ключевые слова: решение о прерывании беременности, официальный брак, устойчивое сожителе, семейная идентичность, структурный, эмоционально-оценочный и когнитивный аспекты семейной идентичности.

Введение

Регулирование рождаемости в наши дни является объектом внимания государства и общественности. Оно включает в себя не только широкий спектр вопросов материальной поддержки, стимулирования мотивации деторождения, охраны здоровья матери и ребёнка. В современном обществе необходимым условием индивидуальной свободы выбора жизненного пути женщины полагается возможность ограничения естественного потенциала деторождения.

Аналитики указывают, что на протяжении нескольких десятилетий проблема регулирования рождаемости в России решалась в условиях ограниченного использования современных методов контрацепции и широкой доступности искусственных абортов. В результате сложившаяся национальная модель планирования семьи включает в качестве

существенного компонента применение искусственного прерывания беременности как метода регулирования рождаемости [8].

В 2011 году согласно официальным данным проведено 989 375 абортов. Однако по экспертным оценкам реальное их число в 5–8 раз больше и достигает 5–8 млн. в год (см.: [3]).

Вопрос о праве женщины на прерывание беременности давно потерял в нашей стране свою дискуссионность. Вместе с тем трудно не согласиться, что реализация этого права сопряжена далеко не с торжеством ощущения свободы, а с рисками травматизации разного уровня: физической, психологической, духовной. Зачастую травматизация приобретает характер невозвратимой потери. В первую очередь, это касается самих женщин. Но если расширить ракурс рассмотрения проблемы, можно констатировать последствия искусственных пре-

рываний беременности и в более широком плане. Так, например, психологи системного направления в семейной психологии включают аборт в фактологию истории семьи и рассматривают их значение для всей семейной системы. Соответствующая аналитическая практика показывает, что последствия таких ситуаций сказываются на системе отношений семейного мобилия текущего поколения и реализуются в эмоциональных проекциях в отношениях представителей последующих поколений. Значение этого влияния несёт на себе семантику жертвенности и вины [4]. В масштабах общества широкое распространение абортов рассматривается как существенный фактор, осложняющий решение демографических проблем [3].

В настоящее время проблематика прерывания беременности всё в большей степени фокусируется на его психологических аспектах. Показатель этого — медицинские учреждения привлекают практических психологов для помощи женщинам, взявшим на себя ответственность пресечь естественный процесс развития новой жизни. Активизируются психологические исследования как последствий искусственного прерывания беременности, так и факторов, к нему приводящих [14]. В данном контексте, например, рассматривается, какие материальные и социальные обстоятельства влияют на принятие женщиной такого решения, насколько велика роль внешнего давления, и т. п.

Вместе с тем вполне обоснованно звучит идея, что понимание мотивов, которыми руководствуются женщины, разработка адекватных пропедевтических и помогающих технологий требуют изучения их как субъектов собственного виде-

ния семейной ситуации и себя в ней [1]. С психологической точки зрения вопрос о прерывании беременности недостаточно анализировать как локальный изолированный сюжет в череде перипетий женской жизни. Этот, на первый взгляд, «обыденный сюжет» — часть целостного способа женского и человеческого самосо осуществления, включённый в функционирование семьи в целом. Поэтому, на наш взгляд, правомерно вопрос о психологических аспектах прерывания беременности рассматривать в контексте проблематики семейной идентичности женщин [5; 10].

Говоря о том, что вопросы деторождения напрямую связаны с вопросами семейного жизнеустройства, следует также учитывать, что форма этого семейного жизнеустройства перестала ограничиваться рамками официального брака. Исследователи фиксируют, что в российском обществе увеличивается число мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак, снижается рождаемость, растёт число разводов, широко распространены сексуальные контакты вне семьи [2]. Отмечается значительный рост числа семей, существующих вне официального брака. Так, по официальным данным, в 2003 году в России доля незарегистрированных браков составляла 16,7%. Большая их часть приходится на возрастные периоды, традиционно рассматриваемые как оптимальные для деторождения. Брак без официальной регистрации отношений предпочли более трети молодых людей в возрасте до 25 лет и примерно пятая часть людей в возрасте 26—35 лет (см.: [9]).

В соответствии с вышесказанным мы провели исследование семейной идентичности принявших решение о преры-

вании беременности женщин, состоящих в официальном и незарегистрированном («сожитительство») браке, длительность которого у наших респонденток составляет не менее одного года.

Семейная идентичность понимается нами как субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, эмоционально-оценочном и когнитивном аспектах. Являясь особой формой личностно-групповой идентичности, она обеспечивает механизмы регуляции позиционирования и самопроявления индивидов в качестве членов семьи [5].

Программа эмпирического исследования

Гипотеза исследования определялась нами в трёх составляющих.

1) Опираясь на выявленные в социально-психологических исследованиях идентичности закономерности [6; 12 и др.], мы предположили, что включённые в семейную идентичность образ семьи и образ себя как члена семьи у женщин, принявших решение о прерывании беременности, имеют положительный характер.

2) Вместе с тем целью исследования являлось выявление не только общеоценочного характера семейной идентичности, но и её качественных характеристик. Мы предположили, что можно выделить общие для женщин, принявших решение о прерывании беременности, характеристики семейной идентичности, в своей внутренней логике обеспечивающие её положительный характер и одновременно создающие основу субъективной возможности и обоснованности такого решения.

3) Поскольку семьи, основанные на официально зарегистрированных брачных отношениях, и семьи, основой которых является не зарегистрированное долговременное сожитительство, являются разными с социально-психологической точки зрения группами, мы предположили, что семейная идентичность женщин из этих разных типов семейных союзов наряду с общими будет иметь специфические для каждого типа характеристики семейной идентичности.

В исследовании приняли участие 20 женщин, проходящих в женской консультации обследование, связанное с решением о прерывании беременности: 10 женщин, состоящих в официальном браке, и 10 женщин, состоящих в устойчивом сожительстве. Все участницы исследования уже имели одного или больше детей, возраст респонденток 25–40 лет.

Составляющие семейной идентичности выявлялись посредством следующего диагностического комплекса.

1) Структурный аспект семейной идентичности: проективная рисуночная методика «Семейная социограмма» в описании Э.Г. Эйдемиллера и И.М. Никольской [13] (для выявления особенностей субъективных образов семейной структуры в реальном и идеальном вариантах);

2) эмоционально-оценочный аспект семейной идентичности: «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М. Эткинда [7] (для выявления уровня эмоциональной значимости семейных объектов);

3) когнитивный аспект семейной идентичности: «Репертуарные решетки» Дж. Келли [11] (для выявления содержания смысловых категорий, используемых при характеристике семьи и себя как члена семьи).

Все перечисленные методики — идеографические. В отличие от узко селективной диагностической избирательности стандартизованных методик данный тип инструментария даёт возможность получить психодиагностический материал, объёмный по многоаспектности и глубине проникновения в сущность психологического феномена. Вместе с тем эти методики позволяют фиксировать определённые характеристики, выделять специфичные для обследуемой группы тенденции и включать полученные данные в математическую обработку. Идеографический характер методик, с одной стороны, делает затруднительным массовое обследование, с другой стороны, в определенной мере компенсирует небольшой объём выборки.

Результаты и их обсуждение

Структурный аспект семейной идентичности

В символическом изображении реальной семьи («Семейная социограмма») почти все респондентки определили её состав как нуклеарный, то есть двухпоколенный, включающий супругов и детей. Только две респондентки (одна — состоящая в официальном браке, и одна, состоящая в устойчивом сожительстве), определили состав семьи как расширенный, включающий множество родственников. Общее для всех респонденток обеих групп — дистанция межличностных отношений между членами семьи, в их восприятии характеризуется как отдалённая. Другая характеристика, проявившаяся в рисунках респонденток обеих групп, — достаточно высокая социальная значимость как семьи, так и её членов.

Рисунки принявших решение о прерывании беременности женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, имеют ярко выраженную особенность, специфическую именно для этой группы женщин и ранее не встречаемую в других проведённых нами исследованиях семейной идентичности. Эта особенность состоит в практическом отсутствии границ семьи. Определилось два варианта: либо члены семьи изображены за пределами круга, обозначающего семейные границы, либо этот круг обозначает ребёнка, а супруги (каждый по отдельности) к нему пририсовываются на значительном отдалении друг от друга. Во всех социограммах таких женщин ребёнок фигурирует как самый значимый член семьи и своего рода её интегратор.

Идеальный образ семьи у женщин, состоящих в официальном браке, мало чем отличается от реального. Это свидетельствует, что респондентки не видят возможностей изменения характеристик своего семейного жизнеустройства, ориентированы на граничащую с ригидностью стабильность семейной ситуации.

Идеальный образ семьи у женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, также не отличается от реального ни по составу, ни по дистанции в отношениях между членами семьи. Женщины, определяющие ребёнка как центрального персонажа всех семейных отношений, практически не изменили и структурную конфигурацию семьи. Определившие же место членов семьи за пределами её границ в реальном образе в идеальном варианте включили их в пространство внутрисемейных границ.

Таким образом, данные методики «Семейная социограмма» позволяют говорить, что принявшие решение о преры-

вании беременности участницы исследования имеют ригидный образ семьи, практически не представляют возможностей изменения основных характеристик семейных отношений. Женщины, состоящие в устойчивом сожительстве, лучший вариант семейных отношений усматривают только в определении семейных границ, что, по всей вероятности, связывается ими с официальной регистрацией брака, без изменения существенных характеристик самих отношений.

Эмоционально-оценочный аспект семейной идентичности

Методика ЦТО позволяет определить эмоциональную значимость оцениваемого объекта, которая может быть отнесена к одному из четырёх уровней: желаемый, актуальный, незначимый, отвергаемый. При анализе рассматривалась значимость для участниц исследования членов семьи, включая саму респондентку. Соответствующие данные отражены в табл. 1 и 2.

Как видим из табл. 1 и 2, в обеих группах собственная эмоциональная значимость для участниц исследования высока, соответствует в большинстве случаев самому благоприятному уровню «желаемый», что свидетельствует о привилегиро-

ванности собственной персоны в пространстве субъективных эмоциональных оценок. Такая оценка не является чем-то необычным. Это нормативный, характерный для множества респондентов разных выборок в проведённых нами исследованиях вариант эмоциональной «самозначимости». Но в оценках значимости супруга представительницы двух анализируемых групп существенным образом расходятся. У большей части женщин, состоящих в официальном браке, оценки мужей относятся к благоприятным уровням значимости («желаемый» и «актуальный»), а в группе респонденток, состоящих в устойчивом сожительстве, сложилась противоположная картина. Здесь оценки в большей своей части соответствуют неблагоприятным уровням значимости («незначимый» и «отвергаемый»). Вместе с тем женщины этой группы чаще дают оценки высокой эмоциональной значимости для ребёнка, чем женщины из семей с официальными брачными отношениями.

По показателям методики ЦТО была также проведена процедура выявления достоверных различий с использованием *U*-критерия Манна-Уитни, которая подтвердила вышеописанные различительные тенденции. Были выявлены достоверные различия: в сравнении с женщи-

Таблица 1

Распределение состоящих в официальном браке женщин по эмоциональной значимости для них членов семьи, %

Члены семьи	Уровни эмоциональной значимости			
	желаемый	актуальный	незначимый	отвергаемый
Я	80	10	10	0
Супруг	50	20	20	10
Ребёнок	30	40	20	10

Таблица 2

Распределение состоящих в незарегистрированном браке женщин по эмоциональной значимости для них членов семьи, %

Члены семьи	Уровни эмоциональной значимости			
	желаемый	актуальный	незначимый	отвергаемый
Я	80	10	10	0
Супруг	10	20	50	20
Ребёнок	60	20	10	10

нами, состоящими в незарегистрированном браке, у женщин, состоящих в официальном браке, выше оценки эмоциональной значимости супруга ($p \leq 0,05$) и ниже эмоциональная значимость имеющегося в семье ребёнка ($p \leq 0,05$).

Когнитивный аспект семейной идентичности

Для выявления особенностей когнитивного аспекта семейной идентичности использовалась методика «Репертуарные

решётки». Респонденткам предлагалось два варианта: один — для оценки собственной семьи в соотношении с другими семейными и несемейными группами, а также с образом идеальной и типичной семьи, в другом — для оценки себя в соотношении с другими членами семьи, а также с идеальным и типичным образом женщины в семье. Процентное соотношение конструкторов, которые использовали респондентки в данных диагностических процедурах, представлено в табл. 3.

Таблица 3

Частота использования разных конструкторов при оценке семьи и себя как члена семьи, %

Характеристики конструкторов	Конструкторы	Частота использования конструкторов респондентками			
		Оценка в официальном браке		Оценка в устойчивом сожительстве	
		семьи	себя	семьи	себя
Семейно-структурные	Наличие семьи, принадлежность к семье	3	9	4	14
	Полнота и ролевой состав семьи	6	9	6	5
	Иерархия	2	1	1	6
Отношений	Когнитивные (взаимопонимание)	5	2	2	1
	Эмоциональные (любовь)	14	11	5	13
	Поведенческие (забота)	2	14	5	8
	Коммуникативные (открытость)	8	12	9	8
	Сплочённость	33	-	11	-
Эмоционального состояния	Позитивность	12	4	8	8
	Уравновешенность	0	4	1	0
Социальные (социальный статус)	Социальное превосходство	8	8	2	3
	Социальная нормативность	4	3	22	12
Инструментальные (эффективность в разных видах деятельности)	Инструментальное превосходство	1	5	2	0
	Инструментальная нормативность	1	6	7	7
	воля	0	1	1	3
Морально-нравственные	Ответственность	0	6	0	8
	Доброта	1	9	4	4

Полученные данные рассматривались в трех аспектах: анализ частотности использования конструкторов в сравнительной характеристике семьи; анализ частотности использования конструкторов в характеристике себя, анализ соотношения частотности использования определённых конструкторов в характеристике семьи и себя.

Как видно из табл. 3, важное место в характеристиках семьи занимает конструктор, положительный полюс которого формулируется как «сплочённость». В группе респонденток, состоящих в официальном браке, данный конструктор самый используемый. Это может означать, что семья воспринимается ими как группа, достаточно интегрированная с выраженными центростремительными силами, объединяющими её членов. Часто, проводя оценивание своей семьи, респондентки давали ей положительные характеристики эмоционального плана: представленность в отношениях любовного компонента и позитивность эмоционального настроения. В оценивании семьи значимое место также занимало соотношение с социальной нормой, т. е. как семья выглядит в сравнении с неким общим уровнем. Женщины, состоящие в официальном браке, давали характеристики, свидетельствующие, что их семья превосходит большинство других, является лучшей. Такое оценивание не является чем-то необычным, так как соответствует общим закономерностям, установленным в социальной психологии для разного рода групповых идентичностей [6; 12].

Женщинам, состоящим в устойчивом сожительстве, давать такие высокие оценки «социальному лицу» своей семьи сложнее. Поэтому их стремление выстроить положительную групповую идентичность выразилось в том, что они характеризовали свои

семьи как соответствующие обычной жизненной норме («не хуже других», «нормальная»). Этот аспект оценки семьи для них оказался самым важным, о чём свидетельствует частота его использования. Существенным в оценке собственной семьи для них оказалось и соответствие нормативной эффективности в деятельности.

Представительницы обеих групп довольно часто давали своим семьям такую оценку, как коммуникативная открытость, общительность.

На основе вышесказанного можно оформить обобщённые портретные образы семьи в трактовке респонденток двух групп. Для женщин, состоящих в официальном браке, их семьи представляются как сплочённые, наполненные любовью, общением и позитивными эмоциями, имеющие весьма положительное социальное лицо. Для женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, самое важное в портрете семьи — то, что она не хуже других, «нормальная», при этом ей могут быть присущи и такие важные качества, как сплочённость и открытость общения.

При анализе совокупности конструкторов, которые женщины использовали при оценке себя, обращает внимание то, что респондентки обеих групп применяли здесь характеристику «ответственность», совершенно отсутствовавшую в характеристиках семьи. Часто оценка себя формулируется в определителях заботы, причём чаще, чем при оценке семьи, а в случае официального брака — контрастно чаще. В группе женщин, состоящих в официальном браке, это самая часто употребляемая в отношении себя характеристика, в то время как при оценке семьи она задействована в минимальной степени. Тот же контраст находим в частоте использования респондентками данной группы таких качеств,

как доброта и эффективность деятельности. В характеристиках подчёркивается «умелость» разного рода, в то время как семья с точки зрения эффективности деятельности не характеризуется. Женщины этой группы также часто приписывают себе такое качество, как общительность. Интересно, что «любовь», хотя и используется ими при характеристике себя, но реже, чем в характеристиках семьи.

Если собрать на основании описанных данных «автопортрет» женщин, состоящих в официальном браке и при этом принявших решение о прерывании беременности, получим образ члена семьи, отличающегося ответственностью, добротой и открытостью в общении, несущего на себе функцию заботы, которая реализуется, по-видимому, в компетентном осуществлении необходимых действий.

В группе же женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, присутствие в оценке себя характеристики «любовь» оказывается одним из самых часто употребляемых и контрастно более частым, чем в характеристике семьи. Две другие часто используемые характеристики — принадлежность к семье и социальная нормативность. Характеристика ответственности приписывается себе и никогда — семье. Себе приписываются характеристики эмоциональной позитивности, общительности и заботы. И довольно часто себя женщины данной группы характеризуют в контексте семейной иерархии, подчёркивая свое подчиненное положение в ней.

Обобщённый «автопортрет» респонденток, состоящих в устойчивом сожительстве, представляет собой образ женщины, соответствующей стандартам общества, ответственной, заботливой и открытой для общения, вкладывающей в семейные отношения свою любовь и при

этом занимающей скромную позицию в вертикали доминирования-подчинения.

При определённых различиях в характеристиках себя женщин из двух анализируемых групп можно говорить об объединяющем их аспекте. Как те так и другие видят себя «положительными» членами семьи с направленностью на поддержание и даже обеспечение качества семейных отношений. В оценке себя отсутствуют какие-либо упоминания о стремлении удовлетворить свои потребности, о хотя бы минимальном гедонизме, самореализации, собственной самостоятельной позиции, противостоянии или негативизме.

Заключение

Результаты исследования показали, что семейная идентичность женщин, принявших решение о прерывании беременности, имеет как общие, так и специфичные для женщин, состоящих в официальном браке, и женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, особенности.

Общим является ограничение структуры семьи нуклеарным составом, восприятие межличностных отношений членов семьи как несколько дистанцированных, ригидность образа семьи, отсутствие представления о возможности изменения отношений. При этом подчёркиваются положительность образа семьи с точки зрения социальной нормы.

Собственная эмоциональная значимость для самой себя в подавляющем большинстве случаев — высокая. Себя характеризуют как ответственных членов семьи с направленностью на поддержание качества отношений.

Отличительными особенностями являются следующие.

В группе женщин, состоящих в официальном браке, выше эмоциональная значимость супруга, в группе женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, выше значимость имеющегося в семье ребёнка. Ведущими характеристиками в образе семьи у женщин, состоящих в официальном браке, являются сплочённость и эмоциональный аспект отношений, в то время как для женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, ведущая характеристика — соответствие среднестатистической социальной норме.

Женщины, состоящие в устойчивом сожительстве, в большей мере характе-

ризуют себя с точки зрения чувственного насыщения отношений (любовь) и встроенности в вертикаль подчинения в семейной иерархии.

Данное исследование можно рассматривать как требующее дальнейших уточнений на более обширной выборке. Вместе с тем, его результаты позволяют говорить о продуктивности исследования семейной идентичности женщин, принявших решение о прерывании беременности, как в теоретическом, так и практическом аспектах (имея в виду перспективы разработки психологических технологий оптимизации жизнедеятельности современных семей).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адушкина К.В. Семейное самосознание женщины как индивидуальная психологическая реальность // Сборник тезисов 5-й международной научной конференции «Психология и жизнь: психологические проблемы современной семьи». Минск, 2011.
2. Василевский Ю.Л. Изменились ли ценности россиян в результате кризиса? // Журнал прикладной психологии. 2000. № 1.
3. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х частях / Сост. Е.Б. Мизулина и др. Ч. 1. М., 2013.
4. Лукьянченко Н.В. Некоторые аспекты семейного сценарного программирования: из опыта работы // Журнал практической психологии и психоанализа. 2012. № 1 URL: <http://psyjournal.ru>
5. Лукьянченко Н.В. Социально-психологическая сущность семейной идентичности // Мир человека: Научно-информационное издание. Красноярск, 2010. Вып. 1 (34).
6. Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. № 1.
7. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М., 1988.
8. Пултавская В. Влияние прерывания беременности на психику женщины. М., 2002.
9. Рощина Я.М., Рощина С.Ю. Брачный рынок в России: выбор партнёра и факторы успеха. Препринт WP4/2006/04/ М., 2006.
10. Филиппова Ю.В. Семейная идентичность и трансформация семейных ценностей в современной России // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001.
11. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.
12. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 2000.
13. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб., 2003.
14. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 2008.

Family Identity in Women Who Decided to Terminate Their Pregnancy

N.V. LUKYANCHENKO

PhD in Psychology, doctoral candidate at the Siberian State Technological University

The paper addresses the importance of studying family identity in women within the context of psychological determinations of their decisions concerning pregnancy termination. It provides and discusses the outcomes of a research carried out in women's health clinics, in which the participants were married women and women living with their long-term partners. The paper describes general and specific features of the structural, emotional/evaluative and cognitive aspects of the women's family identities.

Keywords: pregnancy termination decision-making; civil marriage; long-term partnership; family identity; emotional/evaluative and cognitive aspects of family identity.

REFERENCES

1. Adushkina K.V. Semejnoe samosoznanie zhenshhiny kak individual'naja psihologicheskaja real'nost' // Sbornik tezisov 5-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Psihologija i zhizn': psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i". Minsk, 2011.
2. Vasilevskij Ju.L. Izmenilis' li cennosti rossijan v rezul'tate krizisa? // Zhurnal prikladnoj psihologii. 2000. № 1.
3. Koncepcija gosudarstvennoj semejnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (obshhestvennyj proekt): v 3-h chastjah / Sost. E.B. Mizulina i dr. Ch. 1. M., 2013.
4. Luk'janchenko N.V. Nekotorye aspekty semejnogo scenarnogo programirovanija: iz opyta raboty // Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza. 2012. № 1 URL: <http://psyjournal.ru>
5. Luk'janchenko N.V. Social'no-psihologicheskaja sushhnost' semejnoj identichnosti // Mir cheloveka: Nauchno-informacionnoe izdanie. Krasnojarsk, 2010. Vyp. 1 (34).
6. Pavlenko V.N. Predstavlenija o sootnoshenii social'noj i lichnostnoj identichnosti v sovremennoj zapadnoj psihologii // Voprosy psihologii. 2000. № 1.
7. Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnosticheskie materialy. M., 1988.
8. Pultavskaja V. Vlijanie preryvanija beremennosti na psihiku zhenshhiny. M., 2002.
9. Roshhina Ja.M., Roshhin S.Ju. Brachnyj rynek v Rossii: vybor partnjora i faktory uspeha. Preprint WP4/2006/04/ M., 2006.
10. Filippova Ju.V. Semejnaja identichnost' i transformacija semejnyh cennostej v sovremennoj Rossii // Transformacija identifikacionnyh struktur v sovremennoj Rossii. M., 2001.
11. Fransella F., Bannister D. Novyj metod issledovanija lichnosti. M., 1987.
12. Shihirev P.N. Sovremennaja social'naja psihologija. M., 2000.
13. Jejdemiller Je.G., Dobrjakov I.V., Nikol'skaja I.M. Semejnyj diafnoz i semejnaja psihoterapija. SPb., 2003.
14. Jejdemiller Je.G., Justickis V. Psihologija i psihoterapija sem'i. Spb., 2008.

Ценности и атрибутивные процессы в социальном познании

М.А. ХАЧАТРЯН

преподаватель Института практической психологии личности «Генезис» при факультете психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

В статье излагаются результаты исследования, в рамках которого предполагалось наличие у человека массы разнородных ценностей. Были выдвинуты гипотезы: ценности влияют на направление атрибутивных процессов субъекта; ценностная конгруэнтность (мера совпадения ценностей и поведения) влияет на атрибутивные процессы субъекта. В исследовании использовался метод игрового моделирования экспериментальной ситуации. Гипотезы частично подтвердились, выявив разнородное влияние разнородных ценностей на атрибутивные процессы субъекта. Было сделано предположение о наличии мета-уровня, который осваивается субъектом наравне с содержанием ценностей.

Ключевые слова: ценности, социальный конструкционизм, атрибуции, социальное познание, ценностная конгруэнтность, экспериментальное исследование.

Введение

В рамках нашей работы мы исследуем систему ценностей человека и ее участие в процессах восприятия и оценки происходящих с ним событий. Мы разделяем социально-конструкционистский взгляд на идентичность человека и считаем, что ценности имеют конструктивное строение и происхождение: формируются прижизненно в процессе социального взаимодействия субъекта¹. Считается, что ценности влияют на отбор информации для анализа и ее последующую интерпретацию [2, с. 183–185]: так, если у субъекта в приоритете традиционалистские ценности, то он с большой вероятностью будет оценивать поведе-

ние окружающих и общественные события по шкале «консерватизм-либерализм» и принимать соответствующие решения. Однако проблема данного исследования фокусируется не что отбирает для анализа субъект в связи со своими ценностями, а как он это делает. В первую очередь, как будут меняться атрибутивные процессы в зависимости от того, какие ценности близки человеку.

Считается, что традиционное общество само вовлекало индивида в процесс социализации, в XIX–XX веках человеку приходилось прилагать дополнительные усилия, чтобы сделать сознательный выбор из массы возможных идентичностей [14]. Так, например, поликультуральность российского общества

¹ Мы описываем процесс социализации, так как формирование ценностей рассматривается в качестве составного компонента социализации. Эта позиция не нова и заявлена в ряде отечественных работ, например: [1; 12; 16].

создает сверхнасыщенное ценностное поле, в котором субъекту крайне сложно ориентироваться и определять свои предпочтения. Сейчас же путь становления человека осложняется еще и тем, что среда стала гораздо более влиятельной. Например, современные СМИ и маркетинговая политика различных коммерческих организаций в качестве результата собственной деятельности предполагают не просто информирование собственной аудитории, но ее четкую ангажированность [11]. Следовательно, субъект социализации сталкивается не только с повышенной содержательной плотностью социального контекста, но и с так называемыми «активными агентами» передачи этой информации². Если рассматривать развитие системы ценностей с точки зрения индивида, то принятие или отвержение той или иной ценностной альтернативы происходит под постоянным давлением извне. М. Фуко называл подобную ситуацию «политической», так как агенты влияния всегда страстны, а их соревнование, по сути, является борьбой за власть. Существует ряд работ, направленных на изучение, как человек справляется с такой ситуацией [14; 13]. Результаты, как правило, свидетельствуют о наличии множества противоречащих друг другу ценностей (например, консерватизм и открытость изменениям). Авторы, так или иначе, склоняются к интерпретации получаемых результатов как конфликт внутри ценностной сферы личности и предостерегают всевозможные негативные следствия (диффузная идентичность, эмоциональные расстройства и т. п.).

Противостоит подобным выводам взгляд К. Гергена, который сформулировал концепцию «насыщенного я» (saturated self) [20]. Если когнитивистские модели предлагают рассматривать личность в метафоре фильтрации и отбора, то социальный конструкционизм рассматривает человека как губку, впитывающую все предоставляемые средой варианты. Из всех вариантов развивается тот, который в большей мере соответствует социальному контексту [17]. Скажем, появление социальных сетей в интернете подкрепило развитие коммуникативной составляющей личности, и эта ориентация на общение продолжает быть довольно устойчивой на протяжении длительного периода времени, что, например, позволяет по-новому взглянуть на открытую Д.Б. Элькониным последовательность смены типов ведущей деятельности в процессе взросления: с межличностного на познавательный. По мнению К. Гергена, увеличение объема уникального содержания ведет к росту вариативности — чем больше человек «впитал», тем больше у него возможностей и тем к большему числу жизненных вызовов он готов. Можно сказать, что речь идет о возрастающей адаптивности. Подобная позиция свойственна множеству социальных конструкционистов и, по видимости, восходит к работам Г. Бэйтсона по «кибернетике второго порядка» [3]. Метафора «губки» достаточно продуктивна, однако и она не снимает ряд вопросов. Так, рост адаптивности приводит к единственному критерию отбора поведения — «прагматичности», что соответствует извечной проблеме многих постмодернистских

² Следуя этой логике, ряд авторов предлагают изменить традиционный термин «СМИ» на «СМК» — средства массовой коммуникации [6].

концепций, а именно, моральному релятивизму³. Мы не исследуем этический пласт, но когда говорим об атрибутивных процессах, о том, как человек оценивает свои поступки и проявления окружающих людей, достаточно сильно приближаемся к вопросам морали и нравственности. Скажем, как вы оцените свои действия, если однажды не уступите место пожилому человеку в общественном транспорте (в силу собственной усталости, например)? Это действие имеет вполне определенное значение в рамках доминирующей этики и приобретает дополнительный смысл при пересечении с личными контекстами. Индивидуальная оценка становится весьма трудноосуществимой в ситуации отсутствия ценностных приоритетов (точнее, их равноправном многообразии). Концептуальная проблема социально-конструкционистской метафоры заключается в неоднозначной связи между получаемым во взаимодействии с социумом содержанием и функционированием познавательной системы в целом. Сформированные семейные ценности могут диктовать характер отношения к старшим и даже конкретные формы поведения [21] (уступать место, обращаться на «вы» и т. п.), однако остается вопрос, влияют ли эти ценности на число ошибок атрибуции субъекта, оценку успеха-неудачи общения, удовлетворенность своим поведением и локус контроля при контактах со старшими и пр. *Функционирует ли сфера социального познания по неким универсальным законам либо она обладает спецификацией в*

зависимости от содержания отдельных элементов?

Итак, основная цель работы — изучить влияние разнородных ценностей на атрибутивные процессы субъекта как на один из ключевых компонентов социального познания.

Определение и операционализация понятий

Для решения поставленных задач мы конкретизировали свой интерес как в плане определения ценностей, так и в плане наблюдения процессов социального познания.

Ценности. Дж. Келли говорит о строении конструкторов по принципу бинарной оппозиции [8]. В связи с этим нам были интересны концепции, основанные на дихотомическом строении системы ценностей. Так, наиболее известная социально-психологическая концепция ценностей — теория Ш. Шварца — имплицитно содержит в себе две дихотомии: «самотрансценденция — самоутверждение», «сохранение — открытость новому». Эти дихотомии являются, по сути, полюсами двух осей — они образуют пространство, на котором локализируются различные ценности⁴. Именно эти полюса мы использовали для создания стимульного материала — ролевых инструкций для испытуемых. Каждая роль, которую играл человек, отражала один из ценностных полюсов.

Среди процессов социального познания мы выбрали приписывание успеха-не-

³ Решение этого вопроса не является целью данной работы, поэтому мы отсылаем читателя к ряду источников, в которых представлена научная дискуссия на эту тему [9; 22].

⁴ Подробнее о ценностных типах, выделяемых Ш. Шварцем, можно ознакомиться в соответствующих статьях (по: [2]). Наш выбор пал на теорию Ш. Шварца, так как нам интересно рассматривать получаемые результаты в контексте множества иных исследований.

удачи процессу взаимодействия, удовлетворенность результатом взаимодействия, атрибуцию причин результата взаимодействия (внешнюю или внутреннюю). Сочетание первых двух переменных соответствует принятому в социальной психологии определению эффективности процесса взаимодействия (совокупность продуктивности и удовлетворенности), атрибуция причин описывает локус контроля субъекта. Выбор переменных обосновывается тем, что получаемые результаты, с одной стороны, позволяют внести ясность в фундаментальную часть исследования, а с другой — попадают в кластер работ, богатых для сравнения: проблемы эффективности взаимодействия и локализация контроля весьма популярны у исследователей. В качестве *объекта оценки* была выбрана ситуация социального взаимодействия как наиболее близкая источнику зарождения ценностей. Это важно с методологической точки зрения, так как мы рассматриваем ценности как конструкты, образованные в процессе социализации. Если ценности сформировались в процессе взаимодействий с людьми, как они будут влиять на оценку подобных взаимодействий? Так, можно предположить, что ситуации конфликтов субъекта с окружающими участвовали в образовании его ценностей ориентации на себя (или Другого). Будут ли эти конструкты в дальнейшем определять оценку возникающих в жизни конфликтов?

Итак, ценности могут быть рассмотрены как конструкты определенного вида, формирующиеся в контексте соци-

ального взаимодействия субъекта. Теоретический анализ позволил выделить несколько этапов в формировании ценностей от исключительно когнитивных структур до конструктов — собственно ценностей. При этом если на первых этапах (которые соответствуют периодизации морального развития, данной в работах Л. Колберга) ценности не обладают побуждающими функциями и служат скорее средствами объяснения уже совершенных поступков, то проходя рефлексивную проверку в подростковом возрасте, они встраиваются в конструктивную систему более высокого порядка⁵ и оказывают влияние на процессы социального познания и принятия решений, затрагивают эмоциональную сферу.

Кроме того мы считаем важным ввести также понятие *ценностной конгруэнтности*. Под ценностной конгруэнтностью мы понимаем меру совпадения заявленных субъектом ценностей и его поведения⁶. Это в некоторой степени соответствует принятой в ряде психологических исследований дихотомии декларированных и реальных ценностей [5; 7], однако вряд ли можно согласиться с «нереальностью» или «ложностью» декларированных ценностей. Мы стремимся избежать такой оценочной коннотации. Заявление о своих ценностях — уже само по себе поведенческая единица (или, если следовать терминологии теории речевых актов Дж. Остина, потенциальный перформативный акт [10]), конструирующий определенную реальность. Так, заявляя в социальном контексте: «Для меня важно помогать близким», субъект

⁵ Наиболее близкая отечественной традиции аналогия: ценности переходят с уровня значений на уровень смыслов.

⁶ Здесь следует говорить не о поведении как таковом, а о его основаниях. Так, написание данной статьи может отвечать ценностям развития научного знания или же, скажем, личного развития автора.

уже попадает в мир, где его действия могут рассматриваться (им самим или его окружением) с точки зрения «помощи», «поддержки». Это высказывание осуществляется *успешным* речевым актом, если субъект в действительности реализует помощь, и *неуспешным* — в обратном случае. На наш взгляд, мера совпадения поведения и заявлений — ценностная конгруэнтность — эвристичная и перспективная категория с точки зрения анализа психической жизни современного человека, в частности, ее влияния на атрибутивные процессы субъекта. Ее величина, в частности, может быть интерпретирована как сила целевой детерминации личности.

Программа экспериментального исследования

В связи с проблематикой нашего исследования были выдвинуты следующие общетеоретические гипотезы.

1. Ценности влияют на направление атрибутивных процессов субъекта (приписывание причин внешним или внутренним факторам);

2. Ценностная конгруэнтность влияет на атрибутивные процессы субъекта (приписывание эффективности процессам социального взаимодействия).

Для проверки гипотез была разработана экспериментальная процедура с методическим приемом в своей основе: испытуемые должны были последовательно играть 4 роли и взаимодействовать, находясь в этих ролях с другими испы-

туемыми (диадически). Каждая роль задавала поведение, соответствующее одному из ценностных полюсов в соответствии с концепцией Ш. Шварца.

Процедура: испытуемые из группы объединяются в пары (по жеребьевке) и знакомятся со своими инструкциями⁷. Затем происходит диадическое ролевое взаимодействие и последующее индивидуальное заполнение типового опросника. По желанию испытуемые высказываются о достигнутых результатах в общегрупповом формате. Затем происходит смена пары и весь процесс повторяется (всего 4 раза). Время одного взаимодействия — 5 минут, на заполнение опросника отводится 2 минуты. В каждой ситуации испытуемый взаимодействует с новым собеседником — в процедуре используется принцип круговой ротации, минимальное число испытуемых в группе 8 человек. Наборы из четырех ролей распределяются между испытуемыми случайным образом (раздаются в неподписанных конвертах вместе с четырьмя экземплярами типового опросника). В результате процедуры все участники реализуют в своем поведении все 4 ценностных полюса, предлагаемых в концепции Ш. Шварца.

В качестве примера можно привести следующую экспериментальную ситуацию. Участники оказывались в ситуации двух друзей, нашедших потерянный кем-то кошелек. Роли задают им противоположные ценности: одному — собственного развития, другому — помощи окружающим. Их задача — договориться, что делать с кошельком.

⁷ Во всех ситуациях взаимодействия инструкции задают конфликт интересов, в основе которых лежат различные ценности. В силу ограниченного объема статьи мы вынесли стимульный материал на внешний онлайн-ресурс [18]. Там же представлены расширенные материалы исследования: опросники, сырые данные, незначимые корреляции, схемы и пр.

Выборка: 102 женщины в возрасте от 17 до 46 лет и 58 мужчин в возрасте от 17 лет до 31 года.

Теоретическая гипотеза 1: ценности влияют на направление атрибутивных процессов субъекта.

Экспериментальные гипотезы

- Ценности полюса «изменение» влияют на атрибуции успеха внутренним причинам, тогда как «сохранение» — внешним;

- ценности полюса «самоутверждение» влияют на атрибуции успеха внутренним причинам, тогда как «самоотдача» — внешним.

Экспериментальный план: для проверки каузальных гипотез была использована интраиндивидуальная экспериментальная схема. Разные уровни независимой переменной задавались за счет различных ролевых инструкций, которые последовательно получал каждый испытуемый.

Результаты проверки первой теоретической гипотезы

Для статистической проверки гипотезы проводится дифференцированное по ценностным полюсам рассмотрение ситуаций ролевого взаимодействия. В таблице 1 представлены результаты применения корреляционного анализа показателей воспринимаемой эффективности социального взаимодействия и каузальной атрибуции при различных ценностных позициях субъекта. Серым цветом показаны значимые корреляции (темно-серый $p < 0,01$, светло-серый $p < 0,05$). Очевидно, что связь между этими переменными неоднородна и меняется в зависимости от занимаемой ценностной позиции. В частности, можно отметить, что при ориентации на сохранение найдены статистические взаимосвязи для всех переменных, а при ориентации на самоутверждение, напротив, не обнаружено ни одной.

Таблица 1

Корреляционный анализ показателей каузальной атрибуции и оценки эффективности взаимодействия в аспекте различных ценностных позиций (выборочные данные)

Показатели каузальной атрибуции*		Оценка успешности взаимодействия	Удовлетворенность взаимодействием
При ориентации на самоутверждение	ρ Спирмена**	0,13	0,00
	p ***	0,19	0,99
При ориентации на самоотдачу	ρ Спирмена	0,197	0,13
	p	0,04	0,20
При ориентации на изменение	ρ Спирмена	0,309	0,233
	p	0,00	0,02
При ориентации на сохранение	ρ Спирмена	-0,314	-0,259
	p	0,00	0,01

* Рост показателя переменной «каузальная атрибуция» свидетельствует о переходе атрибуции причин с внешних на внутренние факторы. То есть минимальный показатель переменной «каузальная атрибуция» свидетельствует о выраженной экстернатальности, а максимальный — интернатальности.

** ρ Спирмена — коэффициент корреляции Спирмена.

*** p — двусторонняя значимость.

Интересны противоположные друг от друга зависимости, характеризующие процесс каузальной атрибуции и воспринимаемой эффективности социального взаимодействия. В ситуации ориентации субъекта на самоотдачу обнаружена слабая корреляция с воспринимаемой успешностью взаимодействия, что противоречит первоначальной гипотезе. В ситуациях, моделирующих ось «сохранение-изменение», обнаружены симметричные закономерности: при ориентации на изменение имеется *прямая* связь между воспринимаемой эффективностью (на инструментальном и экспрессивном уровнях) и каузальной атрибуцией результата взаимодействия, а при ориентации на сохранение — *обратная* (в обоих случаях корреляции обнаружены на уровне значимости $p < 0,01$). То есть при ориентации на изменение испытуемые склонны рассматривать себя как источник эффективности, а причины неудач видеть во внешних обстоятельствах. При ориентации на сохранение закономерность меняется на противоположную.

Обсуждение результатов

Было обнаружено разнородное влияние каждой из осей на атрибутивные процессы субъекта. Ценности оси «сохранение-изменение» более интегрированы в процесс социального познания, оказывают большее влияние на приписывание причин и эффективности. Возможно, это связано с различным происхождением и применением каждой из дихотомий: характеристики успешности ситуации более ассоциированы с новизной и риском, нежели с ориентацией на себя или Другого. При этом стоит отме-

тить, что ценности оси «самоотдача-самоутверждение» все же, несомненно, участвуют в процессе социального познания, будучи категориями-фильтрами, через которые субъект воспринимает процесс взаимодействия. Спишем отсутствие корреляций в ситуации «самоутверждение» на специфический аспект процесса социального познания.

Интерес вызывают и корреляции-антагонисты, выявленные в ситуациях, моделирующих поведение по оси «сохранение-изменение»: наблюдается перемещение локализации причин успеха извне вовнутрь в соответствии с переходом с ценности «сохранение» на ценность «изменение». Причины неуспеха перемещаются аналогичным образом изнутри вовне. Иными словами, испытуемые демонстрируют интернальность при успехе в позиции «изменение» и неудаче в позиции «сохранение». При противоположных исходах проявляется экстернальность. Таким образом, при ориентации на «изменение» субъект действует в соответствии с классической закономерностью: приписывает внутренним причинам успех, внешним — неудачу [2, с. 94]. Позиция «сохранение», напротив, заставляет брать на себя ответственность за неудачи — как правило, подобные атрибуции характерны для субъектов с низким статусом [там же, с. 95] или низкой самооценкой [19, с. 655]. При том что персонажи, представленные в стимульном материале, были уравнены в плане их возможностей, можно считать, что ценностный полюс «сохранение» ассоциируется с низким иерархическим положением субъекта до такой степени, что испытуемые даже проецируют это представление на игровую роль, изначально не содержащую подобных измерений. Человек, ориентированный на изменение, риск, воспринимается как более активный,

успешный и, возможно, высокостатусный. Направленность на сохранение производит обратное впечатление. Кажется, именно в этом успех многих политических и общественных деятелей, декларирующих всевозможные «сломы» традиций и «сдвиги» устоев.

Обобщая результаты первого этапа, можно сказать, что общая закономерность влияния ценностной конгруэнтности на атрибутивные процессы подтверждается частично: можно говорить о распределенном влиянии содержания реализуемого поведения и уровня ценностной конгруэнтности на атрибутивные процессы в ситуации межличностного взаимодействия. При этом ценности оси «сохранение-изменение» вносят больший вклад в процессы социального познания, нежели ценности оси «самоотдача-самоутверждение».

Теоретическая гипотеза 2: ценностная конгруэнтность влияет на атрибутивные процессы (восприятие эффективности социального взаимодействия).

Экспериментальные гипотезы

- Ценностная конгруэнтность оказывает прямое влияние на восприятие социального взаимодействия как успешного;
- ценностная конгруэнтность оказывает прямое влияние на удовлетворенность результатами социального взаимодействия.

Используемый *методический инструментарий*: ролевые ситуации.

Экспериментальный план: для проверки каузальных гипотез была использована интраиндивидуальная экспериментальная схема. Очевидно, часть ролевых инструкций соответствовала имеющимся у испытуемых ценностям, а часть — противоречила. Когда ценностная позиция, задавае-

мая инструкцией, и связанное с ней поведение совпадали с личностной позицией, наблюдалось проявление субъектом ценностной конгруэнтности. В противоположной ситуации можно говорить о ценностно-неконгруэнтном поведении. Так, задавались активный и пассивный уровни независимой переменной. Например, человек склонен подчеркивать важность сохранения традиций (полюс «сохранение»): в том случае когда ему приходилось отыгрывать консервативную роль, он проявлял ценностную конгруэнтность, а в роли, ориентированной на изменения, вел себя неконгруэнтно.

Результаты проверки второй теоретической гипотезы

Для проверки гипотезы была использована процедура сравнения средних, а именно t-критерий для независимых выборок. Сравнивались две группы испытуемых с высоким и низким уровнем ценностной конгруэнтности. Ниже приведены результаты процедуры сравнения средних по t-критерию Стьюдента (табл. 2).

Таблица 2
Сравнение средних показателей оценки эффективности взаимодействия в группах с высокой и низкой ценностной конгруэнтностью

Оценка эффективности взаимодействия	Разность средних	Значимость (2-сторонняя)
Успешность*	0,18	0,00
Удовлетворенность	0,51	0,00

* Здесь и ниже в случае успешности взаимодействия имеется в виду та же воспринимаемая успешность. Более короткая формулировка используется для более ёмкого представления данных.

В таблице 2 указаны разности средних показателей успешности и удовлетворенности взаимодействием для групп с высоким и низким уровнем конгруэнтности на уровне значимости $p < 0,01$ (то есть указаны только значимые различия). Полученные показатели свидетельствуют, что при близости ценностной позиции роли и личностных ценностей субъект склонен воспринимать взаимодействие как более продуктивное и благоприятное. При этом аффективная составляющая имеет больший удельный вес. Вместе эти два критерия свидетельствуют о значимо большей оценке эффективности социального взаимодействия при ценностно-конгруэнтном поведении, что подтверждает обе экспериментальные гипотезы.

Обсуждение результатов

Данный эксперимент описывает хрестоматийную ситуацию «человека не на своем месте»: ситуацию, в которой требования контекста противоречат личным убеждениям субъекта. Важно понимать, что речь здесь идет не о функциональном несоответствии (математик в роли поэта), а, скорее, о целевом (консерватор в роли революционера, Раневская вместо Лопухина). В первом случае возможен поиск компромиссных путей сочетания роли и личной направленности (как, например, это случилось в жизни Омара Хайяма), во второй ситуации решение найти гораздо сложнее. Поэтому вполне объяснима полученная закономерность: если человек не принимает на ценностном уровне того, что ему приходится выполнять, существенно меняется его восприятие ситуации (и, надо полагать, поведение).

Очевидно, что рост приписываемой эффективности может косвенно свидетельствовать о реально растущей успешности взаимодействий. Из этого можно сделать вывод о росте личной эффективности при совпадении имеющихся ценностей и реализуемого поведения. Логично предположить, что испытуемые прикладывают больше усилий для разрешения имеющегося конфликта, если в действительности верят в отстаиваемую позицию. Однако здесь существуют и дополнительные аргументы: с одной стороны, при столкновении двух противоположных мнений у участников взаимодействия активно появляются конкурентные стратегии поведения (по двухмерной модели конфликтного поведения Томаса-Килмена [4]). С другой стороны, еще эксперименты в русле теории поля К. Левина показали, что публичная защита убеждений, нейтральных и даже противоположных личным, является фактором принятия последних субъектом. В ракурсе этих закономерностей полученные данные довольно любопытны: теперь мы можем рассматривать ценностную конгруэнтность как некий стержневой показатель, предполагающий устойчивость индивида к внешним влияниям. Следует обратить также внимание, что удовлетворенность процессом взаимодействия в большей степени связана с ценностной конгруэнтностью, чем оценка успешности, что можно интерпретировать как относительную независимость, найдено ли решение проблемы, разрешен ли актуальный конфликт — ценностная конгруэнтность, очевидно, позволяет осмыслять любой полученный результат в конструктивном ключе.

Заключение

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что ценности как конструкты влияют не только на содержание деятельности субъекта, но и на форму взаимодействия с реальностью — как он оценивает происходящее с ним: ценности типа «изменение» задают интернальный характер положительных атрибуций. Интернальность связана с представлениями о себе или самооценочными конструктами, содержащими идеи о месте и роли субъекта в окружающей его социальной действительности. Следовательно, можно предположить, что ценности кроме направления могут содержать в себе и мета-сообщение о характере позиционирования их носителя (что можно рассматривать как средство реализации конкретной ценности). Однако наши данные показывают, что это свойственно не любым ценностным конструктам. Такие ценностные полюса, как «самоотдача» и «самоутверждение», которые сами по себе содержат указание на позицию субъекта, на мета-уровне не предписывают носителю какое-либо направление каузальных атрибуций. Можно предположить, что в первом случае указание на позиционирование является средством поддержания и реализации ценности, а во втором такие средства не требуются. Возможно также, что некое указание на позицию субъекта должно присутствовать в любом ценностном конструкте в явном или неявном виде.

Вне зависимости от предлагаемых интерпретаций можно заметить, что ценности не только конструируются в процессе социального познания, но и сами создают для себя «точки опоры» в про-

цессах социального познания, поддерживают собственное присутствие. Это же подтверждает и вторая часть нашего исследования: в случае совпадения ценностей и поведения (ценностной конгруэнтности) субъект оценивает ситуации социального взаимодействия как более эффективные, что может являться аналогом положительного подкрепления жизни в соответствии с предпочитаемыми ценностями.

Наше исследование позволяет предположить наличие некоего мета-уровня, на котором функционируют ценности, прежде всего, в отношении атрибутивных процессов социального познания. Мы также можем предположить влияние мета-сообщений на характер познавательных действий носителя ценностей. Однако гипотезы относительно их происхождения делать пока достаточно сложно. Мы можем вновь вспомнить о работах Г. Бейтсона по теме «двойного обучения»: возможно, стоит обратить внимание не только когда и какие ценности конструируются, но и как это происходит.

Полученные результаты открывают широкие перспективы для дальнейших исследований. Фундаментальное значение имеет изучение эффектов различных ценностей на процессы социального познания, а также механизмов этих влияний. В нашей работе мы предположили наличие некоего мета-уровня с информацией о статусном позиционировании индивида. Возможны и другие объяснения — например, связанные с доминирующими в обществе ценностями (скажем, принадлежность к большинству может влиять на статус). С другой стороны, исследование имеет и прикладное значение: современные

образовательные структуры редко заявляют формирование ценностей учащих-ся как свою цель, однако определенный объем ценностного содержания они все же передают (через изучаемые литературные произведения). Исходя из нашего исследования, следует обращать внимание не только на транслируемые содержания (например, ценность само-

развития и творчества), но и как происходит процесс обучения, какие взаимоотношения существуют в академических группах, выражена ли статусная иерархия и т. п. Разработка форм и структур обучения, которые бы соответствовали его содержанию, — пожалуй, наиболее интересующее нас практическое приложение настоящей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеевская Е.П.* Особенности ценностно-нормативной социализации в юношеском возрасте в ситуации социальной нестабильности // Ценностно-нормативные ориентации современного старшеклассника. Труды по социологии образования. М., 1993. Т. 1. Вып. 2.
2. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2004.
3. *Бейтсон Г.* Шаги в направлении экологии разума: избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М., 2005.
4. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. 2-е изд. СПб., 2008.
5. *Донцов А.И.* О ценностных отношениях личности // Сов. педагогика. 1974. № 5.
6. *Ерохин Д.О.* Некоторые особенности трансформации системы ценностей под воздействием средств массовой информации // ЧФ: Социальный психолог. 2010. № 2 (20).
7. *Зотова О.И., Бобнева М.И.* Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
8. *Келли Дж.А.* Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб., 2000.
9. *Микешина Л.А.* Философия науки. М., 2005.
10. *Остин Дж.Л.* Слово как действие. М., 1986.
11. *Райхельд Ф., Марки Р.* Искренняя лояльность. Ключ к завоеванию клиентов на всю жизнь. М., 2013.
12. *Реан А.А.* Психология подростка. СПб., 2006.
13. *Серый А.В.* Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов // Сибирская психология сегодня. Сборник научных трудов. Вып. 2. Кемерово, 2003.
14. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Социальная психология в современном мире. М., 2002.
15. *Суницова Я.С.* Согласование социальных и культурных ценностей индивида в поликультурной среде // Вестник Удмуртского университета. Серия «Психология и педагогика». Ижевск, 2004.
16. *Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М.* Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы (Методические аспекты) // Мир психологии. 1998. № 3.

17. Фридман Дж., Комбс Д. Конструирование иных реальностей. М., 2001.
18. Хачатрян М.А. Ценности и атрибутивные процессы в социальном познании. Материалы исследования. URL: <http://value-one.livejournal.com/841.html>
19. Хеккхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб., 2003.
20. Gergen K. The saturated self: Dilemmas of identity in contemporary life. N.Y., 1991.
21. Schwartz S.H. Basic values: How they motivate and inhibit prosocial behavior. Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature (221–241). Washington, 2009.
22. Schwartz S.H., Bardi A. Moral dialogue across cultures: An empirical perspective // Autonomy and order: A communitarian anthology. Lanham, 2000.
23. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 5.

Values and Attribution Processes in Social Cognition

M.A. KHACHATRYAN

*lecturer at the Institute of Practical Psychology of Personality "Genesis"
at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University*

The paper presents outcomes of a study which focused on the possible coexistence of a variety of diverse values in individuals. The following hypotheses were advanced: 1) values affect the course of attributive processes in the individual; 2) value congruence (the extent to which one's values and behavior coincide) affects attributive processes in the individual. A method of role-play simulation of experimental situations was used in the study. The outcomes of the study demonstrated that the initial hypotheses were partly correct, and revealed that the influence of different values on the individuals' attributive processes was not identical. It was suggested that a meta-level may exist which is acquired by the individual along with the contents of the values.

Keywords: *values, social constructionism, attributions, social cognition, value congruence, experimental research.*

REFERENCES

1. Avduevskaja E.P. Osobennosti cennostno-normativnoj socializacii v junosheskom vozraste v situacii social'noj nestabil'nosti // Cennostno-normativnye orientacii sovremennogo starsheklassnika. Trudy po sociologii obrazovanija. M., 1993. T. 1. Vyp. 2.
2. Andreeva G.M. Psihologija social'nogo poznanija. M., 2004.
3. Bejtsjon G. Shagi v napravlenii jekologii razuma: izbrannye stat'i po teorii jevoljucii i jepistemologii. M., 2005.
4. Grishina N.V. Psihologija konflikta. 2-e izd. SPb., 2008.
5. Doncov A.I. O cennostnyh otnoshenijah lichnosti // Sov. pedagogika. 1974. № 5.
6. Erohin D.O. Nekotorye osobennosti transformacii sistemy cennostej pod vozdejstviem sredstv massovoj informacii // ChF: Social'nyj psiholog. 2010. № 2 (20).
7. Zotova O.I., Bobneva M.I. Cennostnye orientacii i mehanizmy social'noj reguljaccii povedenija // Metodologicheskie problemy social'noj psihologii. M., 1975.
8. Kelli Dzh.A. Teorija lichnosti. Psihologija lichnostnyh konstruktov. SPb., 2000.
9. Mikeskina L.A. Filosofija nauki. M., 2005.
10. Ostin Dzh.L. Slovo kak dejstvie. M., 1986.
11. Rajhel'd F., Marki R. Iskrennjaja lojal'nost'. Kljuch k zavoevaniju klientov na vsju zhizn'. M., 2013.
12. Rean A.A. Psihologija podrostka. SPb., 2006.
13. Seryj A.V. Strukturno-soderzhatel'nye harakteristiki sistemy lichnostnyh smyslov // Sibirskaja psihologija segodnja. Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 2. Kemerovo, 2003.
14. Stefanenko T.G. Social'naja psihologija v kul'turno-istoricheskoy perspektive // Social'naja psihologija v sovremennom mire. M., 2002.

15. *Suncova Ja.S.* Soglasovanie social'nyh i kul'turnyh cennostej individa v polikul'turnoj srede // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija "Psihologija i pedagogika". Izhevsk, 2004.
16. *Tihomandrickaja O.A., Dubovskaja E.M.* Osobennosti social'nopsihologicheskogo izuchenija cennostej kak jelementov kognitivnoj i motivacionno-potrebnostnoj sfery (Metodicheskie aspekty) // Mir psihologii. 1998. № 3.
17. *Fridman Dzh., Kombs D.* Konstruirovanie inyh real'nostej. M., 2001.
18. *Hachatrjan M.A.* Cennosti i atributivnye processy v social'nom poznanii. Materialy issledovanija. URL: <http://value-one.livejournal.com/841.html>
19. *Hekhauzen H.* Motivacija i dejatel'nost'. SPb., 2003.
20. *Gergen K.* The saturated self: Dilemmas of identity in contemporary life. N.Y., 1991.
21. *Schwartz S.H.* Basic values: How they motivate and inhibit prosocial behavior. Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature (221–241). Washington, 2009.
22. *Schwartz S.H., Bardi A.* Moral dialogue across cultures: An empirical perspective. // *Autonomy and order: A communitarian anthology.* Lanham, 2000.
23. *Schwartz S.H., Bilsky W.* Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1990. Vol. 5.

Реконструкция смысла как метод исследования дискурса

П.К. ВЛАСОВ

кандидат психологических наук, директор Института прикладной психологии «Гуманитарный центр»

А.А. КИСЕЛЕВА

кандидат филологических наук, заместитель директора Института прикладной психологии «Гуманитарный центр»

В статье рассматривается вербальная реакция на объект как совокупный продукт культуры человека, включающей его ценности, знания, действия/инструменты. В ходе эмпирического исследования, используя метод реконструкции смысла, была реализована цель проанализировать отношение в обществе к социальной группе предпринимателей и определить модальность этого образа. Для решения задач исследования были применены метод неоконченных предложений и метод тема-рематического членения предложения. Показано, что большая часть высказанных суждений не соответствует реальности, что свидетельствует о стереотипном отношении общества к этой социальной группе. В большей части суждений представлен отрицательный образ предпринимателя, который, в отличие от положительного, основан на логически обоснованных умозаключениях и в понятийном плане оказывается особо дифференцирован. Более того, продемонстрировано, что отрицательный образ значительно в большей степени основан на ценностных убеждениях, чем положительный. Однозначно показано, что последовательное упорядочивание и классификация вербальных реакций позволяют реконструировать вербальный образ и смысл объекта для субъекта.

Ключевые слова: *вербальный образ, реконструкция смысла объекта, морфология, праксиология, аксиология объекта.*

Постановка проблемы

В. Хакер [9] считал, что основную функцию в процессе регуляции действий выполняют «системы оперативного отражения», которые представлены в памяти и определяют индивидуальный способ производственной деятельности. Системы оперативного отражения включают: антиципацию результата работы, знание условий работы (например, знание свойств сырья и функционирования машин), гипоте-

зы о преобразованиях (операциях), которые необходимы для перехода от фактического состояния к должному. В научной литературе известно понятие образа будущего действия как представления о ... В основном системы оперативного отражения выполняют когнитивную функцию формирования ожиданий и, таким образом, представляют собой поисковую модель, которая определяет действия.

Цепочка «сравнение — изменение — обратная связь» объясняет характер тру-

довой деятельности как взаимодействия человека и ситуации (рабочей среды). Ситуация порождает некие объективные задания, о которых человек формирует собственное субъективное представление в виде специфических систем оперативного отражения, в процессе воплощения которых он влияет на ситуацию, изменяя ее.

В. Хакер [там же] выделял три уровня регуляции: интеллектуальный, перцептивно-понятийный и сенсомоторный. Интеллектуальный уровень предшествует двум другим, на нем человек разрабатывает общий план выполнения задания. На перцептивно-понятийном регулирует отдельные действия, на сенсомоторном — процесс выполнения заданий.

Относительно качества деятельности наиболее важным изменением психической структуры В. Хакер [там же] считал интеллектуальное проникновение в суть структуры деятельности.

Психические процессы сенсационализации, автоматизации, вербализации и интеллектуальной обработки обуславливают качество деятельности. Так, увеличение вербализации проявляется в том, что условия и элементы деятельности, которые не имеют словесных эквивалентов (не вербализованы), в будущем выражены в словах и закреплены в особых понятиях.

Таким образом, субъективное представление в виде специфических систем оперативного отражения (назовем это *концептом*, или *образом будущего действия*) является предиктором результата деятельности. В связи с этим можно говорить о качестве концепта: его функциональности и продуктивности, возможности с его помощью описывать, объяс-

нять и прогнозировать изменения и преобразовывать реальность.

Концепт может иметь разную степень сформированности, это особенно ярко проявляется на стадии несформированного концепта, нового ценного концепта, например, замысла будущей деятельности. *Замысел* — это «ценностно-когнитивно-действенный» паттерн, который и инициирует организационную деятельность. Организационная деятельность на этапе замысла задает четыре основных компонента: потребности (требования физического и психического благополучия), ценности (то, что инициатор расценивает как хорошее или выгодное и начинает действовать, чтобы получить или удержать это), цели и намерения (ситуационно-специфическая форма ценностей, определенный объект или цель действия), эмоции (форма, при которой человек чувствует изменение значения ресурсов) [1].

В связи с этим особый интерес вызывает возможность проанализировать траекторию существования концепта, предусмотреть его референцию в деятельности. Таким образом, возникает вопрос, как можно изучать концепт деятельности.

Поскольку коммуникация (вербализация) — это способ формирования и осознания концепта деятельности (по В. Хакеру), то вербальное отражение концепта деятельности вполне показательно для описания, изучения концепта деятельности и прогнозирования её самой.

Вербальная реакция субъекта на объект отражает вербальный образ этого объекта, а именно, систему знаний субъекта (морфологию), отношение к объекту (аксиологию) и инструментальное отношение/действие (праксиологию) объ-

екта [7]. Такая вербальная реакция — это частичное или полное описание объекта. Фактически описание, которое строит человек, антропоцентрично, то есть несет в себе «след» субъективного отношения человека к объекту.

Обычно вербальные реакции (тексты) не рассматривают с таких позиций. Например, в лингвистике текст/смысл в основном линейен, то есть логически выводим из значения языковых единиц текста. В социологии значением объекта считают наиболее частотные реакции группы респондентов на объект, оно тоже линейно (только с позиции респондента). Мы же предлагаем рассматривать вербальную реакцию на объект как совокупный продукт культуры человека, включающей его ценности, знания, действия / инструменты. В такой реакции проявляется и замысел субъекта по отношению к объекту. Посредством своей вербальной реакции человек интерпретирует объект, как бы встраивает его в свой субъективный контекст. Человек создает свой индивидуальный дискурс объекта, в котором проявляется его индивидуальная конструкция социального мира. Посредством вербальной реакции человек конструирует социальный мир, включающий и данный объект.

С позиции системного подхода, вербальная реакция — это элемент взаимодействия человека и объекта, а смысл такой вербальной реакции — системный эффект, который складывается одновременно из особенностей объекта и особенностей субъекта. Таким образом, по вербальной реакции мы одновременно можем изучать и объект для определенной группы субъектов, и делать выводы о группе (ее системе ценностей, отношений, знаний, действий).

Таким образом, для анализа вербально-го отражения концепта деятельности нам необходима структура изоморфной деятельности, с одной стороны, и человек, с другой. Подобная структура отражает динамику этих отношений, а также позволяет прогнозировать деятельность.

За основу такой структуры мы взяли иерархическую модель описания деятельности Г.В. Суходольского. Она включает:

— *морфологию* деятельности, которую определяют строение деятельности, ее состав и структура;

— *аксиологию* деятельности, которую определяет анализ социальных и индивидуальных потребностей, ценностей и результатов деятельности и отражающие их оценки, мотивы и цели деятельности;

— *праксиологию* деятельности, которая отражается в анализе динамики и развития деятельности и

— *онтологический* аспект мира деятельности [6], который выражается в выделении отдельных видов деятельности по разнообразным их характеристикам.

Метод исследования

Мы предлагаем подход и метод комплексной реконструкции смысла. Совершая декомпозицию вербальной реакции субъекта, «раскладывая» ее на элементы, мы предлагаем последовательно выделить все субъективные элементы, «запечатленные» в вербальной реакции респондента, реконструировать смысл объекта и, соответственно, субъективный замысел, конструкцию субъективного социального мира, с помощью которого человек приписывает значение объекту.

Структура подхода заключается в следующем.

Морфология деятельности — это содержание деятельности, ее соотносительность с конкретной реальностью и включенными в нее объектами. Объекты включены в вербальное описание, выбраны человеком для направленной деятельности. Лингвистическим эквивалентом морфологии деятельности являются понятия, включенные в описание, их количество. Семантика понятий указывает на содержание деятельности и ее направленность. Количество понятий говорит о степени когнитивной сложности и дифференцированности и, соответственно, осознанности и доступности концепта и управляемости деятельности.

Для реконструкции всего концепта деятельности мы не можем воспользоваться одним методом, поскольку нам не удалось выявить его в литературе. Поэтому мы решили, что необходим комплекс методов, которые позволят реконструировать концепт деятельности.

Лингвистическим эквивалентом *аксиологии и ценностей*, участвующих в деятельности, является вес (частота) понятий и их эмоциональная оценка, то есть акценты в морфологии. Частотная и оценочная структуры формируют иерархическую структуру концепта деятельности и говорят о приоритетах и отношении человека к деятельности.

Праксиологию описания деятельности формирует объяснительный паттерн, раскрывающий, что стоит за данным описанием (причина выбора именно этих элементов деятельности в такой иерархической и оценочной структуре). Он раскрывает мотивы человека, которые приводят в действие концепт. Лингвистическим эквивалентом праксиоло-

гии могут быть явные и скрытые логико-смысловые связи понятий, включенных в описание. Они раскрывают интенциональную природу высказываний. Праксиология раскрывает основной движущий мотив, развитие и функционирование деятельности человека.

Ключевые понятия, формирующие описание, и их иерархия служат параметрическими критериями сравнения и позволяют сравнивать разные концепты или концепты разных людей между собой и изучать их. Это формирует *гносеологический уровень описания деятельности*.

Контекст, в котором становится возможным существование и возникновение такого концепта деятельности, выражает *онтологический уровень её описания*. Этот уровень не имеет прямых лингвистических эквивалентов, то есть тех, что имеют прямое отражение в тексте описания. Он отражается в базовых пресуппозициях, делающих возможным сам контекст описания деятельности. Это может быть выражено в архетипах, этнических стереотипах, объясняющих происхождение и существование концепта.

Методически это выглядит последовательностью следующих этапов реконструкции смысла.

- *Выбор содержательных реакций.* Необходимо отделить формальные вербальные реакции от *содержательных*, чтобы данные были непротиворечивыми и информативными. Формальные реакции не информативны, а выражают стереотипное эмоциональное отношение, к ним же относятся оценки и пожелания.
- *Реконструкция морфологии объекта.* Включает тематическую классификацию вербальных реакций с помощью метода тема-рематического членения

предложения [5]. В каждом высказывании мы выделяли *тему* (о чем говорится в предложении) и *рему* (что именно говорится об этом психологическом подлежащем). Применение метода основывалось на структуралистской традиции о дифференциальной организации знаков [8, с. 253–291]. Ремы высказывания противопоставлены темам благодаря синтаксической конструкции предложения. Темы в «нормальной» структуре предложения обычно занимают место подлежащего, а ремы — сказуемого. При изменении «нормальной» структуры предложения некий объект становится особенно заметным, то есть занимает позицию ремы. Результатом этого этапа является тематическая, она же морфологическая структура объекта.

- *Аксиологическая структура объекта*

— Включает *классификацию* вербальных реакций относительно их модальности внутри тематических групп на позитивные, негативные и нейтральные высказывания.

— Включает *частотную классификацию семантически близких рем.* Семантически близкие ремы объединяются в классы, определяется частота их встречаемости. Ремы с наибольшей частотой и позитивной оценкой отражают ценность элементов морфологии объектов. Результатом является реконструкция аксиологической структуры объекта.

- *Реконструкция праксиологии*

— *Позитивный и негативный образ.* Все выделенные элементы морфологии объекта с позитивной или негативной аксиологией (наиболее частотные ремы с позитивной или негативной оценкой) позволяют реконструировать целостный образ объекта. На этом этапе мы воспользовались методом нарративной се-

миотики (структурной семантики) [там же, с. 173]. Она подразумевает выделение поверхностной и глубинной структур на уровне синтаксиса. Поверхностная структура — это непосредственно мгновенно узнаваемые и легкодоступные формы текста, а глубинная структура — это фундаментальная система ценностей, встроенная в текст (состоит из норм, ценностей). Нарративная структура определяется основными ролями (актантами) и взаимосвязями и их движением по отношению друг к другу. Результатом является нарративный паттерн, или целостный образ объекта, показывающий элементы морфологии, их аксиологию и связи между ними.

— *Реконструкция интенций.* Включает реконструкцию социальных намерений, которые «приводят в движение» полученный образ. Вербальная реакция отражает и действенный компонент — намерения и интенции группы респондентов. На этом этапе используются методы функциональной прагматики (К. Бюлер, Ч. Моррис, Р. Карнап), основанные на теории действия (Дж. Остин). Основным инструментом на этом этапе — *лингвистический паттерн, реконструирующий цель, для которой инициатор предпринимает действие.* Для реконструкции интенции использовался вопрос: «Какие потребности удовлетворяет и какие ожидания имеет группа при взаимодействии с этим объектом?». Положительный образ отражает удовлетворенные ожидания/интенции, а негативный — фрустрированные, неудовлетворенные ожидания/интенции.

- *Реконструкция гносеологии*

Смысловые шкалы и тезаурус описания объекта. Включает сопоставление негативного, позитивного и нейтрально-

го образов. Они содержат общие элементы морфологии, являются «сквозными», то есть образуют базовые шкалы описания объекта. На основе таких понятий мы можем восстановить полную шкалу, если предложим их антонимы. В результате получили шкалы, по которым группа респондентов «измеряет» объект, проявляя к нему то или иное отношение. Собственно, полученные обобщенные шкалы, реконструированные интенции и синтезированный образ можно считать окончанием процедуры.

Участники исследования

Мы хотим проиллюстрировать это на примере эмпирического исследования значения образа *социальной группы предпринимателей*, проведенного методом случайной выборки из 5000 респондентов в 1995–1998 году в Украине, которое обнаружило выраженную многоплановость значения категории «предприниматель» [2]. В выборке респондентов пропорционально представлены основные социальные и половозрастные группы.

Цель исследования

Мы хотели определить тезаурус понятий, описывающих отношения к социальной группе предпринимателей, а также хотели синтезировать включенные в описание понятия в общий образ, то есть определить связи, отношения между ними и модальность образа.

Объективная сложность исследования заключалась в том, что образ не имеет непосредственного выражения и

скрыт от прямого наблюдения. Для того чтобы его исследовать, необходимо было его эксплицировать.

Кроме того, новые социальные группы и институты еще находятся на стадии формирования, а значит, отношение к ним и их образ еще до конца не сложились и не имеют четко выраженного и закрепленного в социальном окружении выражения. Эти ограничения нам необходимо было учитывать при планировании и проведении исследования.

Концепция исследования была построена на том, что отношение к социально-экономическому пространству складывается на основе **образа** мира и является синтезом собственных, уже имеющихся знаний о мире и изменений в окружающем пространстве. Мы учитывали склонность субъекта воспринимать объект целиком и назвали это **целостностью** образа. Образ имеет вербальное выражение, существует в виде высказываний, суждений, оценок и имеет понятийное насыщение. Меру разнообразия понятий, описывающих образ, мы назвали его **дифференцированностью**.

Понятия в образе находятся в определенной связи между собой (причинность, следствие, род-вид, часть-целое, атрибуция), что было названо **связностью** образа. Сложившийся образ социальных групп в той или иной мере соответствует действительности, то есть обладает **адекватностью, реальностью**. Образ имеет эмоционально-оценочную составляющую, то есть **модальность**: положительную, отрицательную и нейтральную. В этом случае проявляется негативное, позитивное или нейтральное отношение к социальной группе.

Поэтому для сбора данных мы использовали метод неоконченных пред-

ложений, так как он позволял участникам обследования свободно высказывать свои суждения независимо от того, что социальная группа предпринимателей была для них новым и незнакомым явлением. Для обработки суждений мы воспользовались методом реконструкции смысла, представленным выше.

Для опроса же мы воспользовались методом интервьюирования респондентов. Участников обследования просили продолжить предложение: «Что Вы можете сказать о ...?». Ответы интервьюированных фиксировались дословно.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Полученные в результате суждения мы проанализировали относительно критерия реальности и обнаружили, что большинство из них (73 %) не было связано с реальным поведением компании на рынке: «Я не знаю, чем она занимается, знаю, что выманивает деньги у доверчивых граждан», «Это просто перекачка денег», «Фирмы открываются для того, чтобы нажиться за счет людей, и не надеются работать вечно, поэтому существуют за счет обмана», «Нужны нормальные законы, будут нормальные компании». Это свидетельствует, с одной стороны, о недостаточной информированности участников обследования, а с другой — об их активности в высказывании суждений. Наличие суждений при отсутствии информации свидетельствует, что они стереотипны и нереальны. Следовательно, сложившийся образ «предпринимателей» также нереален и выражает стереотипное отношение к этой социальной группе. Поскольку сложив-

шийся образ нереален, то и включенные в него понятия могут быть нерепрезентативными для описания данной социальной группы.

Мы также проанализировали модальность суждений и в результате получили:

- что 25 % суждений содержат положительную оценку, например: «Думаю, что компания богатая, если бы она выпустила акции, можно было бы их брать», «Наверное, у компании есть деньги, значит — работают хорошо», «Главное работать для людей, если она работает для них, значит хорошо»;

- 60 % суждений имеют отрицательную оценку, как, например: «Могут обанкротиться в любой момент», «Шарлатаны, которые врут и воруют», «Пытаются, как и все компании, делать деньги из воздуха»;

- 9 % суждений имеют нейтральный характер: «Отношусь терпимо к любым формам деятельности», «Ничего не имею против, пусть процветает, но без меня», «С ними не взаимодействовал, отношение спокойное»;

- 6 % суждений не содержат никакого отношения в связи с отсутствием информации.

То есть стереотипные суждения фиксируют в основном негативное отношение социального окружения к рассматриваемой группе.

После этого мы выбрали наиболее частотные суждения и получили положительную и отрицательную лингвистическую атрибуцию социальной группы «предприниматели». Был выделен тезаурус, описывающий образ этой социальной группы, и определили, что включенные в стереотипы понятия располагаются в зависимости от модальности на полюсах следующих шкал (таблица):

Таблица
**Шкалы понятий, формирующих
 стереотипный образ
 «предпринимателей»**

Бесцельность	Наличие цели
Простота	Сложность
Ориентация на круг	Ориентация на социальную общность
Нестабильность	Стабильность
Отсутствие мощи	Финансовая мощь
Нечестность	Честность
Недоступность	Доступность
Отсутствие размаха	Размах
Закрытость	Открытость
Неискренность	Искренность
Неумение вести дела	Умение вести дела
Недолговечность	Долговечность

Следовательно, в настоящий момент образ социальной группы предпринимателей дифференцирован относительно данных понятийных шкал, с помощью которых социальное окружение описывает, структурирует и оценивает проявления этой социальной группы.

Поскольку нас интересовали не только понятия, но и структура и связи между ними, а также целостный образ, мы синтезировали их и построили образ группы, пользующейся положительным и отрицательным отношениями у социального окружения.

В настоящий момент существует следующий положительный образ.

Рачительный и рациональный хозяин, который умеет правильно распорядиться финансами, делает вклады в базовые отрасли промышленности, производство. Работает с размахом и мощью. Его деятельность направлена на пользу государству и людей. Она открыта, честна, доступна; во взаимодействии с ним могут вступить все. Именно поэтому организация надежна и долговечна.

Отрицательный образ. *Организация занимается неперестижным и простым делом типа перепродажи (коммерческая деятельность), «перемывания» денег (финансовая деятельность). Поскольку она проста и нерациональна, у нее нет размаха, и если есть успех, то только за счет обмана, жульничества, шарлатанства, обдуривания остальных. Такая компания не нацелена на присоединение окружающих, поэтому она недоступна, замкнута и обособлена, органично не включена в то, что происходит в обществе и в целом ему чужеродна. Поскольку проста, без размаха, на себя у нее ограничен финансовый ресурс. То есть ненадежна, недолговечна, временна, и все равно в конце концов разорится. Такая компания практически ничего не может сделать для окружающих, а если всё же делает, то лишь в целях саморекламы или чтобы легче было обмануть людей и и скрыть свои подлинные интересы.*

Важно отметить, что отрицательный образ более насыщен и дифференцирован, по сравнению с положительным. Следовательно, социальное окружение готово воспринимать проявления данной группы скорее негативно, чем позитивно. Сейчас в экономической культуре положительное отношение закрепилось к такой форме предпринимательства, как *ремесла*, которые являются прототипом производства, а отрицательное отношение — к *ростовщичество* и *торговле*. К тому же, отрицательный образ в значительно большей степени основан на ценностных убеждениях, чем положительный. Поэтому отрицательный образ предпринимателей и предпринимательских организаций значительно консервативней. В этом случае опять становится очевидна причинная роль ценностей,

которая проявляется в действиях через убеждения — ценности отрицательного образа значительно быстрее, чем положительного, активизируют действия по отношению к предпринимателям и их организациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власов П.К.* Психология замысла организации. Харьков, 2004.
2. *Власов П.К., Ганчук В.С.* Организационно-психологическое исследование интеграции в организации // Вестник Харьковского государственного университета. Серия «Психология». 1997. Вып. 395.
3. *Власов П.К., Маничев С.А., Суходольский Г.В.* Организационная психология. СПб.; Харьков, 2008.
4. *Геберт Д., Фон Розенитиль Л.* Организационная психология. Харьков, 2006.
5. *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
6. *Суходольский Г.В.* Введение в математико-психологическую теорию деятельности. СПб., 1994.
7. *Суходольский Г.В.* Введение в математико-психологическую теорию деятельности. СПб., 1998.
8. *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009.
9. *Hacker W.* Arbeitspsychologie. Psychische Regulation von Arbeitstaetigkeiten. Bern, 1986.

Meaning Reconstruction as Discourse Research Method

P.K. VLASOV

*PhD in Psychology, head of the Institute of Applied Psychology
"Humanitarian Centre"*

A.A. KISELEVA

*PhD in Philology, deputy head of the Institute of Applied Psychology
"Humanitarian Centre"*

The paper focuses on a person's verbal reaction to an object as a combined cultural product of the individual that involves his/her values, knowledge and actions/tools. The empirical research was aimed at analyzing the attitudes that exist in Russian society towards the social group of businesspersons, and to explore the modality of this image. For these purposes, a method of meaning reconstruction was employed in the form of unfinished sentences and topic-focus articulation. The research outcomes show that the majority of judgments made by the subjects were by no means based on reality, thus proving the stereotypical character of individuals' attitudes towards the social group of businesspersons. These judgments mostly represent a negative image of the businessperson based, in contrast to the positive one, on logical reasoning and particularly differentiated in terms of concepts. Furthermore, this negative image proved to be much more rooted in personal values than the positive one. The paper clearly demonstrates that consistent regulation and classification of verbal reactions allow for the reconstruction of the verbal image and of the meaning of the object for the subject.

Keywords: *verbal image, reconstruction of meaning of object, morphology, praxeology, axiology of object.*

REFERENCES

1. Vlasov P.K. Psihologija zamysla organizacii. Har'kov, 2004.
2. Vlasov P.K., Ganchuk V.S. Organizacionno-psihologicheskoe issledovanie integracii v organizacii // Vestnik Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Psihologija". 1997. Vyp. 395.
3. Vlasov P.K., Manichev S.A., Suhodol'skij G.V. Organizacionnaja psihologija. SPb.; Har'kov, 2008.
4. Gebert D., Fon Rozenshtil' L. Organizacionnaja psihologija. Har'kov, 2006.
5. Matezius V. O tak nazываемom aktual'nom chlenenii predlozhenija // Prazhskij lingvisticheskij kruzhok. M., 1967.
6. Suhodol'skij G.V. Vvedenie v matematiko-psihologicheskiju teoriju dejatel'nosti. SPb., 1994.
7. Suhodol'skij G.V. Vvedenie v matematiko-psihologicheskiju teoriju dejatel'nosti. SPb., 1998.
8. Ticher S., Mejer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza teksta i diskursa. Har'kov, 2009.
9. Hacker W. Arbeitspsychologie. Psychische Regulation von Arbeitstaetigkeiten. Bern, 1986.

Развитие подростков с рискованным поведением в семье

Н.Л. ПУЗЫРЕВИЧ

*кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии
Белорусского государственного педагогического университета
имени Максима Танка*

В статье рассматриваются психологические характеристики жизнедеятельности современных подростков с рискованным поведением. Анализируются результаты групповой работы по восстановлению функциональной непрерывности во взаимодействии подростков с родителями. Разработаны психологические рекомендации для родителей по дифференциации конструктивного и неконструктивного рискованного поведения современных подростков и выбору эффективной стратегии взаимодействия с ними.

Ключевые слова: *рискованное поведение современных подростков, конструктивное рискованное поведение, неконструктивное рискованное поведение, функциональная непрерывность.*

Процесс формирования личности имеет свою возрастную специфику, которая изучается представителями различных научных подходов. Однако общеизвестно представление об уникальности подросткового возраста, о трудностях и противоречиях, сопровождающих переход подростка во взрослую жизнь. Специфика этого периода в развитии личности заключается в том, что влияние общественных институтов и социальных групп, направленное на процесс социализации подростка, сталкивается с его непреодолимым стремлением к индивидуализации, подчеркиванию своей уникальности и неповторимости. Впервые подросток заявляет о себе как о личности с чувством собственного достоинства, специфическим кругом предпочтений и своим представлением о нормах и ценностях общества. Такая специфика поведения определяет ряд проблем, возникающих на данном возрастном этапе и от способа решения которых зависит

благополучие дальнейшего развития личности.

В специальной литературе при составлении психологического портрета подростка используются характеристики: нестабильная, противоречивая в поступках и эмоциональных проявлениях личность, склонная к ролевому экспериментированию, риску и самоутверждению, с ярко выраженными реакциями эмансипации и формирующимся «чувством взрослости» [1]. Подросток входит в новую реальность и, соответственно, в новую систему отношений. Все так же, как и на предыдущих этапах развития, подросток живет в обществе, практически ничего не поменялось в его ближайшем окружении. Однако он смотрит на тот же мир по-другому, так, как будто бы окружающая его действительность создана заново. И в ней, в этой действительности, — родители, упрекающие в нерациональности поступков и действий, и учителя, критикующие за ненад-

лежащее отношение к учебному процессу [3]. Очевидно, что источником значительного количества проблем, возникающих в подростковом возрасте, является заочное превращение подростков в проблемных, трудновоспитуемых детей на уровне общественного сознания. Учителя перестраивают стиль взаимодействия с демократического на авторитарный, а родители читают специализированную литературу о стратегиях общения с подростком, психологически настраивают себя на проблемы, которые, по их мнению, обязательно появятся, как только ребенок достигнет возрастной границы от 11 до 15 лет. Они анализируют, где в прошлом допустили ошибки при воспитании ребенка, что могло привести к формированию его негативизма и избеганию доверительного общения с ними, хотя следовало бы постараться понять значение подросткового возраста в логике дальнейшего развития ребенка, осознать возможности данного возрастного этапа и сориентироваться не на прошлые достижения, а на перспективы.

В связи с такими переменами во взаимоотношениях с учителями и родителями наиболее значимым для подростка становится общение со сверстниками, безоговорочно понимающими и принимающими его. Однако свою принадлежность к группе и уровень своих возможностей еще предстоит доказать. Одним из способов реализации подростком своих возможностей, презентации своего «Я» в группе сверстников выступает рискованное поведение.

Мы можем говорить о рискованном поведении современных подростков, если: их поведение характеризуется неопределенностью последствий, отсутствием гарантированного результата; под-

ростки «преодолевают себя», выходят за пределы собственных возможностей или выбирают стратегию поведения, отличающуюся от общепринятых стандартов и стереотипов; подростки осуществляют действия и поступки, связанные с опасностью для жизни, «экспериментируют» со своими собственными возможностями или осуществляют спонтанную деятельность без предварительного планирования и осмысления ее содержания; поступки и действия подростков характеризуются импульсивностью и эмоциональной неустойчивостью [4].

Теоретический анализ литературы свидетельствует о значительном влиянии на рискованное поведение подростков семейных факторов — наличия (отсутствия) ощущения принадлежности подростка к стабильной семье и социальной системе и наличия (отсутствия) структурных деформаций семьи. Следовательно, показателем взаимопонимания подростков с рискованным поведением и их родителей как «значимых других» для подростков является степень выраженности функциональной непрерывности.

Функциональная непрерывность — это разнообразные роли, в которых человек выступает в жизни и которые длятся много лет, создавая определенную ритуальность, стабильность и чувство того, что «сегодня предсказывает завтра» [2].

В нашем исследовании принимали участие 11 подростков с рискованным поведением и их родители [4]. Для определения степени выраженности у них функциональной непрерывности и выявления аспектов, которые нуждаются в психологической проработке, первоначально была проведена диагностика, направленная на изучение их представле-

ний друг о друге: проективная методика «Рисунок семьи», методика «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (Е. Шафер), «Опросник родительских установок» (методика PARI), анкета для родителей «Знаете ли Вы подростковую психологию?». Полученные результаты показали, что, по мнению подростков, в воспитательном воздействии их родителей доминируют стратегии эмоционального отвержения, психологического контроля и скрытого контроля. Однако родители подростков с рискованным поведением не признают свою директивность, несмотря на то, что, как свидетельствуют результаты методики PARI, их отношение к семейной роли характеризуется стремлением к установлению родительского сверхавторитета, а отношение к своему ребенку — чрезмерной заботой и вмешательством в его мир. Кроме того, установлено, что 36,4 % (4 родительских пары), говоря о подростках, опираются на «ошибочные» теоретические представления о подростковом возрасте, 45,5 % (5 родительских пар) руководствуются обыденным здравым смыслом и только 18,1 % (2 родительских пары) одновременно ориентируются и на специализированную литературу, содержащую достоверную информацию о подростках, и на результаты наблюдений за поведением своего ребенка, проявлением его индивидуальных особенностей.

Принимая во внимание вышеизложенное, групповая работа вначале была направлена на формирование у подростков с рискованным поведением и их родителей адекватных представлений друг о друге посредством их участия в дискуссии «Грамота общения» и выполнения арт-терапевтической техники «Ано-

нимный список претензий». Респонденты были распределены на два круга: во внутреннем размещались подростки с рискованным поведением, а во внешнем — их родители, причем так, чтобы подростки с рискованным поведением и их родители находились друг напротив друга. Затем было организовано индивидуальное осмысление и последующее обсуждение респондентами (в процессе взаимодействия в парах, а затем в группе) трудностей и противоречий, препятствующих взаимопониманию подростков с рискованным поведением и их родителей.

На следующем этапе групповой работы осуществлялось стимулирование ответственного отношения подростков с рискованным поведением к собственным поступкам и решениям, к принятию на себя «роли Взрослого» (поскольку целесообразно было уменьшить свойственное подросткам рассогласование между реально осуществляемой позицией ребенка и воображаемой взрослостью), а также стимулирование родителей к принятию на себя «роли Родителей Подростка» (учитывая необходимость повышения их информированности о психологических особенностях, преимуществах и недостатках подросткового возраста). Респонденты выполняли упражнение «Поставь себя на место другого», предполагающее взаимный обмен подростками с рискованным поведением и их родителями ролями (родители выполняли роль «Подростка», а подростки с рискованным поведением — роль «Родителей Подростка») с целью сближения, улучшения понимания и принятия позиции противоположной стороны. Затем была организована ролевая игра «Я тебя

знаю, я тебя понимаю», предполагающая анализ подростками с рискованным поведением и их родителями стратегий поведения в заранее разработанных психологических ситуациях, главными героями которых выступали подростки и их родители.

Заключительным этапом работы стало проведение семинара для родителей на тему «Как установить конструктивные отношения с подростками?», предполагающего обсуждение родителями в парах, а затем в группе стратегий взаимодействия с детьми подросткового возраста. Совместно с родителями были выделены и проанализированы психологические характеристики конструктивного и неконструктивного рискованного поведения современных подростков.

Следовательно, мы можем говорить о **конструктивном рискованном поведении** подростков, когда оно не снижает качества их повседневной жизни, не оказывает разрушительного воздействия на их здоровье, является средством адаптации к динамике современной жизни, способствует приобретению жизненного опыта, синонимично самопознанию и познанию окружающего мира, способствует самореализации, расширяет имеющийся потенциал, осуществляется только после осмысления его целесообразности и принятия на себя ответственности за его последствия, синонимично социальному экспериментированию, обеспечивает принятие себя и своего тела, способствует формированию собственной позиции по отношению к жизни, основано на открытости собственному опыту, чувствительности к самому себе и согласуется с физическими возможностями, не противоречит социально значимым ценностям. Посредством конструктив-

ного рискованного поведения реализуется способность подростков нестандартно мыслить, творчески подходить к решению возникающих проблем, открывается мир собственных чувств и переживаний, обостряется чувство реальности происходящего. В то же время, мы можем говорить о **неконструктивном рискованном поведении подростков**, когда оно представляет угрозу для их здоровья и жизни, препятствует осуществлению жизненных планов, открытию своего истинного «Я», значительно превосходит уровень их физических возможностей, синонимично социальному протесту, героической смерти во имя высоких идеалов, используется для повышения престижа в глазах сверстников с целью вызвать к себе уважение или восхищение своими действиями. Подростки рассматривают неконструктивное рискованное поведение как смелый вызов, мужественное решение, позволяющее достичь желаемого любой ценой, и с его помощью стремятся к поиску и переживанию неизведанных, «острых ощущений», что может привести к многочисленным травмам, иногда не совместимым с жизнью.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что можно сколько угодно говорить о сложностях и противоречиях подросткового возраста, однако такие противоречия сопровождают развитие личности на протяжении всего жизненного пути, а подростковый возраст отличается лишь потенциалом, который обретает личность по его окончании, и возможностью «вчерашнего» ребенка стать «завтрашним» взрослым. Подростку необходимы поддержка и понимание, так как не пройдя через систему возрастных противоречий, не разви-

вая свою индивидуальность, ребенок не сможет сформироваться как самостоятельная личность.

Поскольку риск выступает психологической характеристикой подросткового возраста и является одним из приоритетов современного общества, в групповой работе с подростками с рискованным поведением и их родителями, обсуждаемой в данной статье, осуществлена попытка представить конструктивный риск, стимулирующий самопознание, самоутверждение и самореализацию личности. Результатом групповой работы, направленной на восстановление функциональной непрерывности во взаимодействии подростков с рискованным поведением и их родителей, стало признание не только сложностей, противоречий, но и возможностей подросткового возраста. В данном контексте родителям подростков с рискованным поведением можно предложить следующие рекомендации.

1. Будьте открыты для нового опыта, так как трудно понять, кто больше «живет в реальности»: ваш ребенок, следующий модным тенденциям прогресса, или вы, пробуящие его «замедлять». Чем более профессионально вы будете выглядеть в глазах собственного ребенка, говоря о рискованном поведении, тем больше у вас шансов добиться его доверия и предотвратить негативные последствия его рискованных действий и поступков.

2. Создайте возможности для творческой деятельности подростка, выходящей за рамки рискованного поведения. Побуждайте его к осмыслению совершаемых рискованных поступков, соблюдению допустимой меры риска.

3. Детство — это совсем не синоним безответственности. Начните больше доверять и меньше требовать, контролировать подростка, поскольку даже при тотальном контроле поведения невозможно научиться контролировать мысли развивающейся личности.

4. Создайте такую атмосферу в семье, чтобы подростки не искали безоценочной любви, внимания, сочувствия в воображаемой реальности.

5. Помните, рискуют не только ваши дети, рискуете и вы. Только для подростков рискованное поведение — это психологическая особенность возраста, а в вашем случае риск связан с вопросом сохранения или утраты авторитета, с проверкой на прочность, гибкость и динамичность системы ваших воспитательных воздействий. Ваши дети повзрослели, соответственно, им нужно другое общение, другой уровень отношений.

6. В ситуации когда рискованное поведение синонимично понятию «конструктивное рискованное поведение», оно является возрастной нормой подросткового возраста, которую желательно учитывать, а не преодолевать. Реализация рискованного поведения в данном контексте приведет к формированию гибкости поведения, развитию творческого потенциала, позитивной индивидуализации и самоутверждению подростков. В ситуации когда рискованное поведение синонимично понятию «неконструктивное рискованное поведение», стоит смягчать проявление его негативных тенденций не только через информирование подростков о мере допустимого риска, но и через формирование у них мотивации к самоконтролю и ответственности за осуществляемую активность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грецов А.Г. Практическая психология для подростков и родителей. СПб., 2008.
2. Лаад М., Хадоми Э. Как справиться с кризисом или бедствием (Шаг за шагом): Теория, практика и способы вмешательства. URL: <http://www.silkhighway.org/ru/stepGuide.aspx>.
3. Панзарин С. Ваш подросток от 11 до 14: о том, что творится у него внутри и почему он такой снаружи. Екатеринбург; М., 2008.
4. Пузыревич Н.Л. Социальные представления о рискованном поведении у современных подростков: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Минск, 2012.
5. Собкин В.С., Буреломова А.С., Смылова М.М. Представления современного российского подростка о значимых личностных качествах // Социальная психология и общество. 2011. № 1.

Features of Development in Adolescents with Risky Behavior

N.L. PUZYREVICH

*PhD in Psychology, associate professor of the Chair of Applied Psychology,
Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University*

The paper focuses on certain psychological aspects in the lives of today's adolescents with risky behavior. It presents an analysis of the group work aimed at reestablishing functional continuity in the cooperation between the adolescents and their parents. The paper also provides some psychological recommendation for the parents on how to distinguish constructive risky behavior from non-constructive one in today's adolescents and how to choose the most effective strategies in the communication with them.

Keywords: *risky behavior in modern adolescents, constructive risky behavior, non-constructive risky behavior, functional continuity.*

REFERENCES

1. Grecov A.G. Prakticheskaja psihologija dlja podrostkov i roditelej. SPb., 2008.
2. Laad M., Hadomi Je. Kak spravit'sja s krizisom ili bedstviem (Shag za shagom): Teorija, praktika i sposoby vmeshatel'stva. URL: <http://www.silkhighway.org/ru/stepGuide.aspx>.
3. Panzarin S. Vash podrostok ot 11 do 14: o tom, chto tvoritsja u nego vnutri i pochemu on takoj snaruzhi. Ekaterinburg; M., 2008.
4. Puzyrevich N.L. Social'nye predstavlenija o riskovannom povedenii u sovremennyh podrostkov: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Minsk, 2012.
5. Sobkin V.S., Burelomova A.S., Smylova M.M. Predstavlenija sovremennogo rossijskogo podrostka o znachimyh lichnostnyh kachestvah // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2011. № 1.

Изучение специфики отношения различных категорий учащейся молодежи к экологическим проблемам: апробированная программа учебной дисциплины для бакалавриата, специалитета и магистратуры

Н.В. КОЧЕТКОВ

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета

В представленном материале предлагается к рассмотрению программа дисциплины, призванная устранить пробелы в области экологоцентрического образования. Программа состоит из семи разделов, в которых последовательно разбираются вопросы, касающиеся психологии отношений; экологических проблем в психологии; построения эмпирического исследования в этой области; отношения к экологическим проблемам; а также ключевые компоненты отношения, определяющими его интенсивность; интенсивность отношения в различных сферах-приоритетах экологической политики России.

Ключевые слова: экологическая психология, отношение к экологическим проблемам, учащаяся молодежь, перцептивно-аффективный компонент отношения, когнитивный компонент отношения, практический компонент отношения, поступочный компонент отношения.

Начиная со второй половины XX века, темы, касающиеся экологического кризиса, набирали популярность, в результате чего были созданы крупнейшие природоохранные организации, созданы крупные экологические программы, затрагивающие глобальные социально-экономические процессы, приняты соответствующие законодательные акты. Подобные изменения затронули сферы образования и науки, в частности, психологию — по темам, связанным с экологической психологией, были защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. На фоне этого кажется несколько странным отсутствие опубликованных программ для высших форм образования — бакалавриата, специалите-

та, магистратуры. Программы, подобные этой, должны помочь решить проблему необходимой экологизации образования, коррекции экологического образования и просвещения.

Программа дисциплины «Психология отношений учащейся молодежи к экологическим проблемам»

Специальность 03.03.01 — Психология.

1. Автор и составитель программы: кандидат психологических наук, доцент факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета Н.В. Кочетков.

Общее количество часов по дисциплине — 90.

2. Место дисциплины в учебном плане

Базовыми для данной дисциплины являются общая психология, зоопсихология и сравнительная психология, социальная психология, психология личности, психология развития и возрастная психология, психодиагностика.

Цели дисциплины «Психология отношений учащейся молодежи к экологическим проблемам»:

- сформировать у студентов научно обоснованное представление о специфике восприятия учащейся молодежью экологических проблем;
- научить студентов дифференцировать при анализе экологического сознания акцентировку восприятия на эмоциональной, познавательной, поступочной или практической направленности реальной активности молодежи в отношении экологических проблем;
- сориентировать студентов на критическо-научное использование традиционно применяемого методического инструментария для исследования особенностей экологического сознания личности.

Студент, изучивший дисциплину, должен:

- уметь анализировать психологическую сущность экологического сознания и соотносить характеризующие его основные параметры социально-психологического характера;
- уметь в аналитическом плане различать акцентировку личностно-смысловой направленности индивида в отношении экологических проблем;

- владеть навыками и умениями адекватной психологической диагностики личностной направленности применительно к экологическим проблемам;

- владеть навыками психолого-коррекционной работы и психологического сопровождения в сфере взаимоотношений «человек-природа»;

- профессионально ориентироваться в возрастных особенностях проявлений экологического сознания и эко-активности различных групп детей, подростков, юношества и молодежи.

3. Аннотация дисциплины

В курсе дисциплины рассматривается целый ряд проблем, связанных с экологическим сознанием и поведенческой активностью учащейся молодежи применительно к современным экологическим проблемам широкого социума.

В первую очередь, студенты получают определенную «знаниевую» основу, касающуюся того, каким образом именно в этом ракурсе рассмотрения представит общепсихологическая категория «отношение». В этом плане тематика данной части учебной дисциплины напрямую связана с такими курсами, как общая психология, социальная психология, психология общения, социальная психология личности и т. д.

Кроме того, в рамках данного курса студентам предоставляется возможность ознакомиться с принципиально важными закономерностями и зависимостями, раскрывающими психологическую сущность процессов восприятия и оценки принципиально значимых экологических проблем личностями, находящимися на разных этапах онтогенетического

развития и, прежде всего, на этапе отчетливого личностного самоопределения (эпоха юности и эпоха молодости).

В рамках настоящего учебного курса слушателям предоставляется возможность на научно выверенной основе ознакомиться с результатами как теоретических (в том числе не только собственно психологических, но и философских, и социологических), так и собственно экспериментальных и эмпирических исследований, касающихся проблематики особенностей восприятия и познания в сфере взаимодействия «человек-природа».

Самоценным достоинством предлагаемого курса является то, что в его рамках предложен определенный алгоритм организации научно-исследовательской работы в рамках заявленной проблема-

тики: предлагается к рассмотрению на конкретном примере схема планирования и организации эмпирического исследования, а также методический инструментарий, который может быть эффективно модернизирован при смене гипотетического блока работы, но в рамках того же предметного поля изучения.

Принципиально значимо и то, что предлагаемый список основной и дополнительной литературы позволяет, с одной стороны, проследить историю разработки заявленной проблематики, с другой — опереться на реальные современные эмпирические исследования, учитывающие качественное повышение значимости рассматриваемых вопросов в условиях принципиально меняющегося современного мира.

4. Тематический план и расчет часов по видам занятий учебной дисциплины «Психология отношений учащейся молодежи к экологическим проблемам»

Номера и наименования тем	Количество часов по очной форме					Количество часов по очно-заочной форме				
	Всего	Лекции	Семинары	М.-класс	Самостоят.	Всего	Лекции	Семинары	М.-класс	Самостоят.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Категория «отношение» и ракурс ее рассмотрения применительно к вопросу субъективного отношения личности к экологическим проблемам	10	2	2		6	8	2			6
2. Экологические проблемы в смежных с психологией отраслях знания (философский и социологический ракурс рассмотрения)	9	1	2		6	8	2			6
3. Экологические проблемы в психологических исследованиях	9	1	2		6	8	2			6
4. Программа эмпирического исследования особенностей субъективного отношения учащейся молодежи к экологическим проблемам	9	1	2		6	8	2			6
5. Уровень эрудиции и интенсивность субъективного отношения к экологическим проблемам учащейся молодежи	19	1	2		16	20	2			18

Номера и наименования тем	Количество часов по очной форме					Количество часов по очно-заочной форме				
	Всего	Лекции	Семинары	М.-класс	Самостоят.	Всего	Лекции	Семинары	М.-класс	Самостоят.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
6. Базово-определяющие компоненты субъективного отношения к экологическим проблемам учащейся молодежи различных категорий	19	1	2		16	20	2			18
7. Основные приоритеты экологической политики как призма «отношенческой активности» учащейся молодежи в сфере экологических проблем	15	1	2		12	18	2			16
Всего	90	8	14		68	90	14			76

5. Текущий контроль успеваемости

Проверка по ходу лекций понимания студентами наиболее значимых позиций по теме — ответы на вопросы лектора; проверка знаний на семинарских занятиях очных студентов — наряду с устными ответами допускаются письменные экспресс-ответы на заранее подготовленные письменные вопросы лектора; проверка знаний в ходе самостоятельных работ; написание реферата по выбранной теме; проверочное тестирование знаний; зачет.

6. Содержание дисциплины

Тема 1. Категория «отношение» и ракурс ее рассмотрения применительно к вопросу субъективного отношения личности к экологическим проблемам

Основные психологические дефиниции категории «отношение». Соотношение понятий «отношение» в обыденном сознании и в психологической науке. Особенности субъективного отношения личности к различным сферам окружаю-

щего мира. Отношение как самоценный предмет психологического исследования. Учение об «экзопсихике» А.Ф. Лазурского, учение «о соотносительной деятельности» В.М. Бехтерева, «отношенческая концепция» М.Я. Басова, «концепция отношений» В.Н. Мясищева, трехфакторная модель «значимого другого» А.В. Петровского. Концептуальная модель С.Д. Дерябы и В.А. Ясвина о системе интегральных параметров субъективного отношения личности к экологическим проблемам.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Проанализируйте и соотнесите известные Вам дефиниции понятия «отношение».

2. Попытайтесь пересмотреть известные Вам классификации отношений, учитывая такой вектор, как «отношение к природе» и «отношение к экологическим проблемам».

3. Обозначьте качественные точки роста интереса к проблематике экологического сознания, отношения к природе и экологическим проблемам в логике истории разработки этого круга вопросов.

4. Охарактеризуйте позицию А.Ф. Лазурского применительно к проблематике экологической психологии.

5. Конспективно отметьте основные положения «концепции отношений» В.Н. Мясищева.

6. Попытайтесь в содержательном плане проанализировать содержательную взаимосвязь трехфакторной модели «значимого другого» А.В. Петровского и концептуальную модель системы параметров субъективного отношения к природным объектам С.Д. Дерябы и В.А. Ясвина.

Рекомендованная литература

Основная литература: 5, 7, 13

Дополнительная литература: 12, 25, 28, 29, 34, 37, 38.

Тема 2. Экологические проблемы в смежных с психологией отраслях знания (философский и социологический ракурс рассмотрения)

Психологический анализ соотношения социального, экономического и духовного кризисов современного человека. Бессознательный экологический вандализм. Консервационизм. Биоцентризм. Экологизм. Концепция права, морали, этики в экологическом сознании. Экологические проблемы в обществе и социально-экономические процессы как проблема социологической науки. Социально-экологический мониторинг. Влияние социолого-демографического фактора на уровень экологического сознания.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Попытайтесь осуществить содержательное соотнесение принятых в философско-социологической литературе представлений о социальном, экономическом, духовном кризисах, которые переживает современная личность.

2. Как Вы можете охарактеризовать такую позицию личности, как бессознательный экологический вандализм?

3. Является ли консервационизм характерным примером эгоцентрического мировоззрения?

4. Охарактеризуйте соотнесенность локальных, региональных и глобальных экологических проблем и конфликтов.

5. Что Вы можете рассказать об особенностях и результатах наиболее известных мониторинговых исследований по проблемам общественного мнения в области экологических проблем?

Рекомендованная литература

Основная литература: 1, 4, 8, 9, 11

Дополнительная литература: 31, 35, 39.

Тема 3. Экологические проблемы в психологических исследованиях

Аксиологический подход к экологическим проблемам: широкое и узкое понимание. Принцип реализации аксиологического подхода по А.А. Калмыкову. Эктоморфный, мезоморфный и эндоморфный типы экологического сознания. Ориентация экологического сознания на группу и общество: реалистичность, рациональность, экспрессивность. Два основных типа экологического сознания — антропоцентрический и эгоцентрический. Нравственно-культурологическое отношение к экологическим проблемам: человек, природа — «или, и».

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Каковы основные задачи, которые могут быть поставлены в логике экологической психологии в рамках аксиологического подхода?

2. Охарактеризуйте специфику именно в психологическом плане такой сфе-

ры эколого-социальной психологии, как экологическое сознание.

3. Попробуйте психологически охарактеризовать промежуточные позиции в континууме «антропоцентрическое-экоцентрическое» экосознание.

4. Осуществите содержательно-сопоставительный анализ позиций А.И. Валитовой и Ю.А. Барклянского применительно к их взглядам о необходимости охраны окружающей среды в сочетании с экономическими интересами широкого социума.

5. Постарайтесь историко-психологически обосновать или опровергнуть следующую позицию «раздельное видение человека и природы — во многом результат процесса формирования субъективного отношения к экологическим проблемам еще в детстве».

Рекомендованная литература

Основная литература: 5, 8, 9, 11, 12, 13

Дополнительная литература: 4, 9, 10, 15, 17, 21.

Тема 4. Программа эмпирического исследования особенностей субъективного отношения учащейся молодежи к экологическим проблемам

Соотнесенность цели, объекта, предмета эмпирического исследования. Специфические особенности определения гипотетического блока исследования в сфере экологической психологии. Сочетание основной и частных гипотез. Особенности методического инструментария, позволяющего учесть специфику социоэкологического предмета изучения. Рассмотрение организационной модели конкретного психологического эмпирического социально-экологического исследования как универсального алгоритма проектирования локальных эмпирических разработок в области социальной и экологической психологии.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. По основным характеристикам оцените эвристичность и возможную область применения методики «Натурафил».

2. Обоснуйте ответ на вопрос: может ли научно аргументированное доказательство справедливости одной частной гипотезы являться основанием для вывода о проверке справедливости основной гипотезы исследования?

3. Осуществите последовательную (обоснование, процедура, обработка данных и интерпретация) защиту правомочности применения предложенной опросной методики при анализе особенностей субъективного отношения учащейся молодежи к экологическим проблемам.

4. Внесите критические замечания в список «позиций» описанной опросной методики.

5. Представьте преподавателю проект программы эмпирического исследования особенностей субъективного отношения к экологическим проблемам испытуемых различного возраста и разной профессиональной принадлежности.

Рекомендованная литература

Основная литература: 5, 10, 13

Дополнительная литература: 13, 22, 24.

Тема 5. Уровень эрудиции и интенсивность субъективного отношения к экологическим проблемам учащейся молодежи

Знание о существующих экологических проблемах как стимул к позитивному изменению отношения личности к ним. Эрудиция в области экологических проблем и личностная направленность на эмоциональную, познавательную, практическую и поступочную активность в сфере экологических проблем. Много-

компонентный характер субъективного отношения личности к природным объектам и экологическим проблемам. Интегральный показатель субъективного отношения личности к природе и экологическим проблемам. Принципиальная связь эмоционального и познавательного компонента субъективного отношения к природе и уровня эрудированности учащейся молодежи. Отсутствие прямой зависимости реальной отношенческой активности в экологической сфере от уровня эрудированности личности.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Является ли знание об экологических проблемах прямым стимулом в позитивно-активном плане изменения отношения личности к ним?

2. Какой из компонентов субъективного отношения представителей учащейся молодежи является, как правило, базово-определяющим?

3. Как Вам кажется, какой — эмоциональный или познавательный — компонент субъективного отношения развивающейся личности к экологическим проблемам является «запускающим» комплексную «отношенческую активность»?

4. В чем, на Ваш взгляд, состоит принципиальное различие между «поступочной» и «практической» активностью в сфере экологических проблем со стороны современной российской учащейся молодежи?

5. Попробуйте проанализировать специфику «отношенческой активности» учащейся молодежи исходя из логики феномена «вложенного труда».

Рекомендованная литература

Основная литература: 2, 3, 13

Дополнительная литература: 11, 12, 14, 16, 17, 35, 36.

Тема 6. Базово-определяющие компоненты субъективного отношения к экологическим проблемам учащейся молодежи различных категорий

Качественные отличия различных категорий учащейся молодежи к экологическим проблемам. Различные векторы «убывания» и «нарастания» интенсивности субъективного отношения к экологическим проблемам в рамках контингентного континуума учащейся молодежи. Качественные различия показателей различных контингентов студентов разнопрофильных колледжей и институтов по критерию эмоциональной интенсивности субъективного отношения к экологическим проблемам. Качественные различия показателей различных контингентов студентов разнопрофильных колледжей и институтов по критерию познавательной интенсивности субъективного отношения к экологическим проблемам. Качественные различия показателей различных контингентов студентов разнопрофильных колледжей и институтов по критерию практической интенсивности субъективного отношения к экологическим проблемам. Качественные различия показателей различных контингентов студентов разнопрофильных колледжей и институтов по критерию поступочной интенсивности субъективного отношения к экологическим проблемам.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Каким образом, на Ваш взгляд, соотносятся «эмоциональная заряженность» отношенческой активности и профессиональная ориентация, когда речь идет о сфере экологических проблем в сознании различных категорий учащейся молодежи?

2. Проанализируйте, какое место в содержательно-рейтинговом плане занима-

ет эмоциональный компонент в комплексе отношенческой активности каждой из шести категорий учащейся молодежи.

3. Проанализируйте, какое место в содержательно-рейтинговом плане занимает познавательный компонент в комплексе отношенческой активности каждой из шести категорий учащейся молодежи.

4. Проанализируйте, какое место в содержательно-рейтинговом плане занимает практический компонент в комплексе отношенческой активности каждой из шести категорий учащейся молодежи.

5. Проанализируйте, какое место в содержательно-рейтинговом плане занимает поступочный компонент в комплексе отношенческой активности каждой из шести категорий учащейся молодежи.

Рекомендованная литература

Основная литература: 5, 13

Дополнительная литература: 1, 3, 4, 5, 7, 10, 12, 19, 30, 33.

Тема 7. Основные приоритеты экологической политики как призма «отношенческой активности» учащейся молодежи в сфере экологических проблем

Глобально значимый характер процессов экологического сознания для развития мирового сообщества. Основные приоритеты экологической политики современной России. Экологическое образование, экономика природопользования, экологическое право и управление природопользованием — равнозначные и равноценные приоритетные области экологической политики современной России. Ориентация учащейся молодежи на приоритет экологического образования и экономики природопользования по сравнению с экологическим правом и управлением природопользования в целом по всем категориям учащейся молодежи. Эмоцио-

нальный, познавательный, поступочный и практический компоненты субъективного отношения учащейся молодежи применительно к каждому из приоритетов экологической политики современной России.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Дайте сравнительную характеристику четырех основных приоритетов экологической политики РФ, сформулированных ЦЭПРОм.

2. Попробуйте в концептуальном плане сформулировать пятый приоритет экологической политики — «экологическая безопасность».

3. Почему, на Ваш взгляд, «образовательная» составляющая в логике приоритетов является сегодня главенствующей?

4. Почему, на Ваш взгляд, «управленческая» и «правовая» составляющие в логике приоритетов являются сегодня второстепенными?

5. Каким, на Ваш взгляд, должен стать «прорывной» образовательной ход на современном этапе попыток повышения уровня экологической культуры россиян — лично ориентированный или дисциплинарно-ролевой? Обоснуйте свой вывод.

Рекомендованная литература

Основная литература: 1, 10

Дополнительная литература: 2, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 14, 20, 23, 26, 27, 32, 33.

7. Тематика семинаров и вопросы, рассматриваемые на них, изложены в содержании дисциплины (см. п. 6)

8. Формы промежуточного, рубежного и итогового контроля по дисциплине

Промежуточный контроль — проверка знаний на семинарских занятиях, в

том числе ответы на заранее подготовленные письменные вопросы лектора, проверка знаний в ходе самостоятельных работ. Рубежный контроль — сдача реферативных материалов (проводится после изучения первых трех тем и после изучения четвертой темы). Итоговая форма контроля — зачет. Необходимый материал для допуска к зачету — рефераты по первым трем и четвертой темам.

9. Темы рефератов

1. Сравнительный анализ дефиниций понятия «отношение» в отечественной психологической, философской и социологической литературе.
2. Философское и социологическое представление об экологических проблемах глазами социального психолога.
3. Специфика субъективного отношения к «миру природы» по сравнению с отношением личности к «миру людей» и «миру вещей».
4. Сравнительный анализ подходов к пониманию категории «отношение» А.Ф. Лазурского, М.Я. Басова, В.М. Бехтерева.
5. Сравнительный анализ бессознательного экологического вандализма и консервационизма.
6. Экологические проблемы в обществе и социально-экономические процессы как проблема социологической науки.
7. Влияние социолого-демографического фактора на уровень экологического сознания.
8. Аксиологический подход к экологическим проблемам.
9. Эктоморфный, мезоморфный и эндоморфный типы экологического сознания.
10. Проблема эрудиции в сфере экологических проблем как стимул для повышения природоохранной деятельности личности.
11. Эмоциональная составляющая интегрального показателя активности учащейся молодежи в сфере решения экологических проблем.
12. Познавательная составляющая интегрального показателя активности учащейся молодежи в сфере решения экологических проблем.
13. Практическая составляющая интегрального показателя активности учащейся молодежи в сфере решения экологических проблем.
14. Поступочная составляющая интегрального показателя активности учащейся молодежи в сфере решения экологических проблем.
15. Статусная позиция каждой из составляющих интегрального показателя активности личности в области решения экологических проблем.
16. Психологические особенности социального статуса учащегося как участника реализации основных задач экологической политики современной России.
17. Многокомпонентный характер субъективного отношения личности к природным объектам и экологическим проблемам.
18. Специфика отношений различных типов учащейся молодежи к экологическим проблемам.
19. Гендерные особенности субъективного отношения к живой и неживой природе учащейся молодежи.
20. Влияние учащейся молодежи на субъективное отношение взрослых членов семьи к экологическим проблемам: транзактный анализ.

10. Рекомендованная литература

10.1 Основная литература

1. Баньковская С.П. Инвайронментальная социология. Рига, 1991.
2. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
3. Горелов А.А. Социальная экология. М., 1998.
4. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М., 2000.
5. Дерябо С.Д. Феномен субъектификации природных объектов: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2002.
6. Кочетков Н.В. Психология отношения учащейся молодежи к экологическим проблемам. М., 2010.
7. Левин Г.Д. Категория «отношение» (критический анализ концепций). М., 1987.
8. Медведев В.И., Алдашева А.А. Экологическое сознание: Учебное пособие. М., 2001.
9. Панов В.И. Введение в экологическую психологию. М., 2006.
10. Приоритеты национальной экологической политики России / Под ред. В.М. Захарова. М., 1999.
11. Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. М., 2010.
12. Черноушек М. Психология жизненной среды. М., 1989.
13. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. М., 2000.

10.2 Дополнительная литература

1. Андреев Д. Отношение к царству живого // Любовь к природе. Материалы международной школы-семинара «Трибуна-6». Киев, 1997.
2. Аракелов Г.Г. Экопсихологическая катастрофа населения // Мир психологии. 1997. № 1.
3. Аракелов Г.Г. Экопсихология: ее цели и задачи // Экологическая психология (Тезисы 1-й российской конференции). М., 1996.
4. Барклянский Ю.А. Отражение экологической ситуации в общественном сознании (1992—1994 гг.) // Экологическое сознание — экологическая безопасность. Материалы международного научно-практического семинара. Калуга, 1994.
5. Белогрудов И.О. Власть и экологическое сознание (проблемы взаимосвязи) // Власть многоликая / отв. ред. А.И. Уваров. М., 1992.
6. Бобылева Л.Д. Подготовка будущего учителя к организации внеучебной работы по формированию экологической культуры школьников // Экологическое образование в России: теоретические аспекты. М., 1997.
7. Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. Киев, 2001.
8. Быстрыков И.К. Методология социально-экологических исследований. Волгоград, 1998.
9. Валитова А.И. Социально-психологические особенности экологического сознания кадров гос. управления: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1997.

10. Волков А.И. Экологическая культура: Учебное пособие для педагогов и студентов педагогических вузов. Петропавловск-Камчатский, 2002.
11. Дежникова Н.С. Экологическая культура как предмет педагогики // Экологическая психология (Тезисы 1-й российской конференции). М., 1996.
12. Дерябо С.Д. Природный объект как «значимый другой». Москва-Воронеж, 1995.
13. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Методики диагностики и коррекции отношения к природе. М., 1995.
14. Докторов Б. О характере российского экологического сознания // Информационный бюллетень ВЦИОМ. М., 1993.
15. Журавлев А.Л. Динамика отношения человека к природе в регионе аварии на Чернобыльской АЭС // Экологическая психология (Тезисы 1-й российской конференции). М., 1996.
16. Захлебный А.Н. О построении курса «Основы экологического образования» для педвузов // Экологическое образование в России: теоретические аспекты. М., 1997.
17. Зверев И.Д. О приоритетах экологического образования // Экологическое образование в России: теоретические аспекты. М., 1997.
18. Зверев И.Д. Самооценка отношений учащихся к экологическим проблемам // Экологическая психология: Тезисы 1-й российской конференции. М., 1996.
19. Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А. Природа и люди России: основания к пониманию проблемы. М., 1999.
20. Калита В.В. Понятие экологичности в экологической психологии // Психология сегодня. Т. 2. Вып. 1. М., 1996.
21. Калмыков А.А. Экопсихология как технология разрешения экологической проблемы // Социально-экологические проблемы регионов России. Учебное пособие для системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации госслужащих, руководителей и специалистов промышленных предприятий и организаций / Под общ. ред. А.Т. Никитина, С.А. Степанова. М., 2001.
22. Камнев А.Н., Коношев В.В. Экологическое образование через жизненный опыт // Психология сегодня. Т. 2. Вып. 1. М., 1996.
23. Карапетян Р.О., Галеева А.М. Опыт экологического воспитания в вузах. М., 1985.
24. Каропа Г.Н. К созданию методики экологического образования школьников // Вопросы психологии. 1995. № 1.
25. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007.
26. Коханова Л.А. Средства массовой информации и новые технологии в системе непрерывного экологического образования: генезис, современное состояние, тенденции развития: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1997.
27. Кочетков Н.В. Определяющие компоненты субъективного отношения к экологическим проблемам учащейся молодежи // Социальная психология и общество. 2011. № 1.
28. Лазурский А.Ф. Избранные труды по общей психологии. К учению о психической активности. Программа исследования личности и другие работы. СПб., 2001.
29. Лазурский А.Ф. К учению о психической активности. Новые экспериментальные данные // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. IV (134).

30. Лихачев Б.Т. Экология личности // Педагогика. 1993. № 2.
31. Лосев А.В., Провадкин Г.Г. Социальная экология: Учебное пособие для вузов. М., 1998.
32. Мамедов Н.М., Глазачев С.Н. Экологическое образование как предпосылка устойчивого развития общества // Экологическое образование: концепции и технологии. Волгоград, 1996.
33. Михеев А.В. Природоохранное образование и воспитание в педагогических вузах // Проблемы природоохранительного образования и воспитания. М., 1982.
34. Петровский А.В. Трехфакторная модель «значимого другого» // Вопросы психологии. 1991. № 1.
35. Прохоров Б.Б. Социальная экология. Учебник для студентов вузов. М., 2005.
36. Ровинская Т.Л. Роль средств массовой информации в разработке и осуществлении экологической политики: из опыта США и ФРГ: Дисс. ... канд. политол. наук. М., 2001.
37. Спенсер Г. Основания психологии. Сочинения. Т. 3. СПб., 1897.
38. Штумпф К. Явления и психические функции // Новые идеи в философии. Что такое психология? СПб., 1913. Сб. 4.
39. Яницкий О.Н. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002.

10. Recommended Bibliography

10.1 Main Reference List

1. Ban'kovskaja S.P. Invajronmental'naja sociologija. Riga, 1991.
2. Gibson Dzh. Jekologicheskij podhod k zritel'nomu vosprijatiju. M., 1988.
3. Gorelov A.A. Social'naja jekologija. M., 1998.
4. Danilov-Danil'jan V.I., Losev K.S. Jekologicheskij vyzov i ustojchivoe razvitie. M., 2000.
5. Derjabo S.D. Fenomen sub'ektifikacii prirodnyh ob'ektov: Diss. ... d-ra psihol. nauk. M., 2002.
6. Kochetkov N.V. Psihologija otnoshenija uchashhejsja molodezhi k jekologicheskim problemam. M., 2010.
7. Levin G.D. Kategorija "otnoshenie" (kriticheskij analiz koncepcij). M., 1987.
8. Medvedev V.I., Aldasheva A.A. Jekologicheskoe soznanie: Uchebnoe posobie. M., 2001.
9. Panov V.I. Vvedenie v jekologicheskiju psihologiju. M., 2006.
10. Prioritety nacional'noj jekologicheskoy politiki Rossii / Pod red. V.M. Zaharova. M., 1999.
11. Sosunova I.A. Metodologija i metody sovremennoj social'noj jekologii. M., 2010.
12. Chernoushek M. Psihologija zhiznennoj sredy. M., 1989.
13. Jasvin V.A. Psihologija otnoshenija k prirode. M., 2000.

10.2 Additional Reference List/Sources

1. Andreev D. Otnoshenie k carstvu zhivogo // Ljubov' k prirode. Materialy mezhdunarodnoj shkoly-seminara "Tribuna-6". Kiev, 1997.

2. *Arakelov G.G.* Jekopsihologičeskaja katastrofa naselenija // *Mir psihologii*. 1997. № 1.
3. *Arakelov G.G.* Jekopsihologija: ee celi i zadachi // *Jekologičeskaja psihologija* (Tezisy 1-j rossijskoj konferencii). M., 1996.
4. *Barkljanskij Ju.A.* Otrazhenie jekologičeskoj situacii v obshhestvennom soznanii (1992–1994 gg.) // *Jekologičeskoe soznanie – jekologičeskaja bezopasnost'*. Materialy mezhdunarodnogo nauchno-praktičeskogo seminaru. Kaluga, 1994.
5. *Belogradov I.O.* Vlast' i jekologičeskoe soznanie (problemy vzaimosvjazi) // *Vlast' mnogolikaja* / otv. red. A.I. Uvarov. M., 1992.
6. *Bobyleva L.D.* Podgotovka budushhego uchitelja k organizacii vneučebnoj raboty po formirovaniju jekologičeskoj kul'tury shkol'nikov // *Jekologičeskoe obrazovanie v Rossii: teoretičeskie aspekty*. M., 1997.
7. *Borejko V.E.* Proryv v jekologičeskuju jetiku. Kiev, 2001.
8. *Bystrjakov I.K.* Metodologija social'no-jekologičeskikh issledovanij. Volgograd, 1998.
9. *Valitova A.I.* Social'no-psihologičeskie osobennosti jekologičeskogo soznanija kadrov gos. upravlenija: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1997.
10. *Volkov A.I.* Jekologičeskaja kul'tura: Učebnoe posobie dlja pedagogov i studentov pedagogičeskikh vuzov. Petropavlovsk-Kamčatskij, 2002.
11. *Dezhnikova N.S.* Jekologičeskaja kul'tura kak predmet pedagogiki // *Jekologičeskaja psihologija* (Tezisy 1-j rossijskoj konferencii). M., 1996.
12. *Derjabo S.D.* Prirodnyj ob'ekt kak "znachimyj drugoj". Moskva-Voronezh, 1995.
13. *Derjabo S.D., Jasvin V.A.* Metodiki diagnostiki i korekcii otnoshenija k prirode. M., 1995.
14. *Doktorov B.* O haraktere rossijskogo jekologičeskogo soznanija // *Informacionnyj bjulleten' VCIOM*. M., 1993.
15. *Zhuravlev A.L.* Dinamika otnoshenija čeloveka k prirode v regione avarii na Chernobyl'skoj AJeS // *Jekologičeskaja psihologija* (Tezisy 1-j rossijskoj konferencii). M., 1996.
16. *Zahlebnij A.N.* O postroenii kursa "Osnovy jekologičeskogo obrazovanija" dlja ped-vuzov // *Jekologičeskoe obrazovanie v Rossii: teoretičeskie aspekty*. M., 1997.
17. *Zverev I.D.* O prioritetah jekologičeskogo obrazovanija // *Jekologičeskoe obrazovanie v Rossii: teoretičeskie aspekty*. M., 1997.
18. *Zverev I.D.* Samoocenka otnoshenij učashhihsja k jekologičeskim problemam // *Jekologičeskaja psihologija: Tezisy 1-j rossijskoj konferencii*. M., 1996.
19. *Kavtaradze D.N., Ovsjannikov A.A.* Priroda i ljudi Rossii: osnovanija k ponimaniju problemy. M., 1999.
20. *Kalita V.V.* Ponjatie jekologičnosti v jekologičeskoj psihologii // *Psihologija segodnja*. T. 2. Vyp. 1. M., 1996.
21. *Kalmykov A.A.* Jekopsihologija kak tehnologija razreshenija jekologičeskoj problemy // *Social'no-jekologičeskie problemy regionov Rossii. Učebnoe posobie dlja sistemy professional'noj perepodgotovki i povyšhenija kvalifikacii gosslužhashchih, rukovoditelej i specialistov promyšlennyh predpriyatij i organizacij*. / Pod obshh. red. A.T. Nikitina, S.A. Stepanova. M., 2001.
22. *Kamnev A.N., Konjushev V.V.* Jekologičeskoe obrazovanie čerez žiznennyj opyt // *Psihologija segodnja*. T. 2. Vyp. 1. M., 1996.

23. *Karapetjan R.O., Galeeva A.M.* Opyt jekologicheskogo vospitaniya v vuzah. M., 1985.
24. *Karopa G.N.* K sozdaniyu metodiki jekologicheskogo obrazovaniya shkol'nikov // Voprosy psihologii. 1995. № 1.
25. *Kondrat'ev M.Ju., Il'in V.A.* Azbuka social'nogo psihologa-praktika. M., 2007.
26. *Kohanova L.A.* Sredstva massovoj informacii i novye tehnologii v sisteme nepreryvno-go jekologicheskogo obrazovaniya: genezis, sovremennoe sostojanie, tendencii razvitija: Diss. ... d-ra. filol. nauk. M., 1997.
27. *Kochetkov N.V.* Opredelajushhie komponenty sub#ektivnogo otnoshenija k jekologicheskim problemam uchashhejsja molodezhi // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2011. № 1.
28. *Lazurskij A.F.* Izbrannye trudy po obshhej psihologii. K ucheniju o psihicheskoj aktivnosti. Programma issledovanija lichnosti i drugie raboty. SPb., 2001.
29. *Lazurskij A.F.* K ucheniju o psihicheskoj aktivnosti. Novye jeksperimental'nye dannye // Voprosy filosofii i psihologii. 1916. Kn. IY (134).
30. *Lihachev B.T.* Jekologija lichnosti // Pedagogika. 1993. № 2.
31. *Losev A.V., Provadkin G.G.* Social'naja jekologija: Uchebnoe posobie dlja vuzov. M., 1998.
32. *Mamedov N.M., Glazachev S.N.* Jekologicheskoe obrazovanie kak predposylka ustojchivogo razvitija obshhestva // Jekologicheskoe obrazovanie: koncepcii i tehnologii. Volgograd, 1996.
33. *Miheev A.V.* Prirodoohrannoe obrazovanie i vospitanie v pedagogicheskikh vuzah // Problemy prirodoohranitel'nogo obrazovaniya i vospitaniya. M., 1982.
34. *Petrovskij A.V.* Trehfaktornaja model' "znachimogo drugogo" // Voprosy psihologii. 1991. № 1.
35. *Prohorov B.B.* Social'naja jekologija. Uchebnik dlja studentov vuzov. M., 2005.
36. *Rovinskaja T.L.* Rol' sredstv massovoj informacii v razrabotke i osushhestvlenii jekologicheskopolitiki: iz opyta SShA i FRG: Diss. ... kand. politol. nauk. M., 2001.
37. *Spenser G.* Osnovanija psihologii. Sochinenija. T. 3. SPb., 1897.
38. *Shtumpf K.* Javlenija i psihicheskie funkcii // Novye idei v filosofii. Chto takoe psihologija? SPb., 1913. Sb. 4.
39. *Janickij O.N.* Rossija: jekologicheskij vyzov (obshhestvennye dvizhenija, nauka, politika). Novosibirsk, 2002.

Exploring the Specifics of Attitudes towards Ecological Issues in Various Categories of Young People: An Approved Academic Subject for Bachelor's, Master's and Specialist Degrees

N. V. KOCHETKOV

PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

This paper outlines the basic principles of an academic subject aimed at covering the gaps in ecology-centered education in Russia. The teaching program consists of seven parts dedicated to the following issues: psychology of relationships; ecological problems in psychology; design of empirical research in the field; beatles forever; attitudes to ecological problems; key components of the attitude that affect its intensity; and the intensity of the attitude in various areas of ecological policy in Russia.

Keywords: *ecological psychology, attitudes to ecological problems, students, perceptual-affective component of attitude, cognitive component of attitude, practical component of attitude, behavioral component of attitude.*

Соответствие характера восприятия социальной поддержки качеству ядра социальной сети

О.М. БОЙКО

*научный сотрудник отдела медицинской психологии
Научного центра психического здоровья РАМН*

О.Ю. КАЗЬМИНА

*кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела
медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН*

В статье излагаются данные исследования, целью которого является изучение влияния характера восприятия социальной поддержки на качество ядра социальной сети. Полученные результаты свидетельствуют, что характер восприятия социальной поддержки играет существенную роль в формировании поддерживающего потенциала ядра социальной сети, влияя на такие характеристики межличностных отношений, как соотношение близости и дистанции, длительность общения, уровень обмена поддерживающими интеракциями.

***Ключевые слова:** социальная поддержка; социальная сеть; ядро социальной сети; общение; положительное, отрицательное, нейтральное, амбивалентное восприятие социальной поддержки.*

Рассматривая личность одновременно как продукт и творца социальных связей, невозможно игнорировать выстраиваемые ею отношения с другими людьми, называемые В.Н. Мясищевым «психологическими отношениями личности» [6], которые в совокупности составляют ее социальную сеть. Данный термин до повсеместного проникновения интернета был закреплен за кругом общения человека и включал в себя не только всех входящих в него людей, но и совокупность отношений с ними. Ядро системы межличностных взаимодействий состоит из людей, отношения с которыми для респондента наиболее важны [3]. Характер отношений с людьми, образующими социальную сеть респондента, определяет ее способность к продуци-

рованию социальной поддержки. Под социальной поддержкой понимается помощь, которую предоставляют или готовы предоставить члены социальной сети респондента. Дискуссия о количестве значимых видов социальной поддержки еще продолжается, но основная масса исследователей едино в оказании эмоциональной (моральная помощь, утешение, сопереживание) и инструментальной (помощь деньгами и делом, информацией) поддержки. Иногда информационную поддержку рассматривают как отдельный вид [14]. Наибольшую часть социальной поддержки человек получает от людей, составляющих ядро его социальной сети. В оптимальном случае социальная поддержка играет буферную по отношению к стрессу роль [10], сгла-

живая субъективные последствия трудных жизненных ситуаций [5]. В то же время действие социальной поддержки существенно варьируется в соответствии с её восприятием реципиентом, обусловленным, в свою очередь, многими факторами. К ним относятся история отношений с донором [14; 15; 2], текущее психическое состояние реципиента [5], контекст ситуации взаимодействия [2], личностные особенности реципиента [5; 12; 11] и т. д. М. Mikulincer и Р. R. Shaver утверждают, что изменение личностных черт в процессе психотерапии приводит к трансформации в восприятии и использовании социальной поддержки [12]. Значимость характера восприятия социальной поддержки определяется его ключевой ролью в процессе опознания возможных ресурсов и их дальнейшего применения в нужной ситуации.

Вопрос о восприятии социальной поддержки частично затрагивается в контексте обсуждения перцептивной стороны общения на микросоциальном уровне. Так, важные объяснительные конструкты по вопросу интерпретации поведения партнера по общению разработаны в рамках исследований каузальной атрибуции, процесса, включающего интерпретацию своего и чужого поведения. Доказано, что он испытывает влияние со стороны особенностей субъекта восприятия, таких как его установка, предшествующий опыт оценки объектов восприятия, а также эффектов ореола, новизны и стереотипизации [1]. В то же время остается не до конца понятным влияние характера восприятия социальной поддержки на качественные характеристики ядра социальной сети. В связи с этим **целью** нашего **исследования** стало изучение влияния характера вос-

приятия социальной поддержки на качество ядра социальной сети у взрослых.

Характеристика выборки

Экспериментальную выборку составил 51 человек (8 мужчин и 43 женщины). Критериями отбора стали возраст от 25 до 40 лет (средний возраст 30 лет 5 месяцев) и отсутствие обращения за психиатрической помощью в анамнезе. Возрастная специфика связана с тем, что данная когорта входит в выделяемую группу «молодых взрослых» (young adult), т. е. относится к возрасту, для которого характерна максимальная продуктивность в плане профессиональной, семейной и личностной самореализации, когда оптимально функционирующая социальная сеть оказывает существенное влияние на все сферы жизни человека [4].

Методическое обеспечение

Для реализации поставленной цели был подобран следующий инструментарий.

Калифорнийский опросник социальной сети переведен и адаптирован на русскоязычной выборке О.Ю. Казьминой. Данная методика позволяет выявить состав ядра социальной сети респондента [3].

Опросник к рисунку социальной сети разработан О.Ю. Казьминой для оценки субъективной степени близости отношений с каждым человеком, входящим в ядро социальной сети, и характера обмена инструментальной и эмоциональной поддержкой. Используется как совместно с методикой «Рисунок социальной сети», так и самостоятельно [там же].

Опросник «Восприятие социальной поддержки» разработан О.М. Бойко и О.Ю. Казьминой для решения задач данного исследования. В ходе подготовки к исследованию на основании проведенного анализа литературных и методических материалов было выявлено отсутствие необходимого для количественной оценки характера восприятия социальной поддержки инструментария. В рамках данного опросника респонденту предлагается описать свои эмоциональные и когнитивные реакции на предложенные ситуации, являющиеся частными случаями инструментальной, информационной и эмоциональной поддержки. На основании выделенных четырех типов характера восприятия социальной поддержки (положительная, отрицательная, нейтральная, амбивалентная) сформирован список из 48 относительно универсальных для российской культуры ситуаций получения социальной поддержки разных видов (эмоциональной, информационной, инструментальной) [2].

Для проведения статистической обработки данных полученные количественные показатели характера реакции на социальную поддержку соотносятся с характеристиками ядра социальной сети респондента с применением непараметрического коэффициента корреляции Спирмена в статпакете SPSS.

Результаты исследования

Корреляционный анализ, проведенный с применением коэффициента корреляции Спирмена, показал наличие следующих связей.

Позитивное восприятие социальной поддержки положительно коррелирует

с числом людей, которым респондент с максимальной частотой (очень часто) оказывает инструментальную поддержку, и отрицательно — с числом людей, редко оказывающих респонденту эмоциональную поддержку ($-0,401$ при $p \leq 0,01$) и получающих эмоциональную поддержку от него ($-0,288$ при $p \leq 0,05$).

Нейтральное восприятие социальной поддержки отрицательно коррелирует с числом людей в ядре социальной сети респондента, с которыми он проводит 5—6 часов в день и более ($-0,305$ при $p \leq 0,05$).

Отрицательное восприятие социальной поддержки отрицательно коррелирует с числом людей, с которыми респондент видит 5—6 часов и более в день ($-0,299$ при $p \leq 0,05$), и положительно — с числом людей в ядре социальной сети респондента:

- стаж знакомства с которыми не превышает 6 месяцев ($0,315$ при $p \leq 0,05$);
- с которыми респондент может обсудить только посторонние и текущие события ($0,329$ при $p \leq 0,05$);
- оказывающих респонденту инструментальную поддержку с частотой «редко» ($0,300$ при $p \leq 0,01$);
- оказывающих эмоциональную поддержку с частотой «редко» ($0,286$ при $p \leq 0,05$);
- у кого респондент может взять в долг большую сумму ($0,285$ при $p \leq 0,05$).

Амбивалентное восприятие социальной поддержки отрицательно коррелирует с числом людей в ядре социальной сети респондента, которым он очень часто оказывает инструментальную поддержку ($-0,322$ при $p \leq 0,05$), и положительно с числом людей в социальной сети респондента:

- которым он оказывает инструментальную поддержку с частотой «редко» ($0,430$ при $p \leq 0,05$);

- которые с частотой «редко» оказывают ему эмоциональную поддержку (0,284 при $p \leq 0,05$);
- с которыми респондент советуется по поводу решения учебных и профессиональных проблем (0,314 при $p \leq 0,05$);
- с которыми респондент проводит свое свободное время (0,321 при $p \leq 0,05$),
- с которыми есть общность на профессиональной почве (0,290 при $p \leq 0,05$).

Обсуждение результатов исследования

Приступая к объяснению полученных корреляционных взаимосвязей, начнем с рассмотрения статистических данных, полученных относительно положительного восприятия социальной поддержки. Во-первых, преобладание положительного восприятия социальной поддержки может повышать способность донора к оказанию поддержки окружающим, о чем и свидетельствуют положительные корреляции данного показателя с числом людей, которым респондент с максимальной частотой оказывает инструментальную помощь. Кроме того, данная зависимость может быть отражением и другой закономерности — человек, положительно воспринимающий поддержку со стороны других людей, способен без «обесценивания» относиться и к собственному вкладу в отношения. Последнее можно объяснить таким механизмом, обеспечивающим взаимопонимание в процессе общения, как идентификация [1].

Отрицательные корреляции с числом людей, «редко» оказывающих респонденту и получающих от него эмоциональную поддержку, указывают на то, что положительно воспринимающие социальную поддержку люди не включают в свой самый близ-

кий круг общения малознакомых людей, а также тех, отношения с кем не характеризуются желаемой степенью эмоциональной близости. Это можно расценивать как нормативные проявления избирательности в общении, а также умение оценивать и классифицировать отношения в соответствии со степенью их личностной значимости, в противовес включениям малознакомых и, зачастую, единожды встреченных людей (что свойственно для ядра социальной сети людей с социальной дезадаптацией) [3]. Последнее не свидетельствует о том, что в кругу общения человека, склонного к положительному восприятию социальной поддержки, отсутствуют люди, отношения с которыми носят отдаленный, формальный, малоподдерживающий характер. Речь идет о субъективной оценке, сниженной личностной значимости отношений с ними, вследствие чего эти люди не включаются в самый близкий круг. Последнее должно также повышать стрессоустойчивость респондента за счет формирования поддерживающего окружения, к чьей помощи можно прибегнуть в случае осознаваемой необходимости. Именно это является источником воспринимаемой социальной поддержки (к которой человек не прибегнул, но знает, что она имеется) [13].

Прежде чем приступать к анализу оставшихся видов восприятия социальной поддержки, остановимся на общей для них отрицательной корреляционной взаимосвязи с числом людей, включенных в ядро социальной сети, с которыми респондент проводит 5–6 часов и более. Ее можно объяснить увеличением дистанции и повышением избирательности в отношениях с людьми при восприятии социальной поддержки, отличным по своему характеру от положительного. Столь интенсивное ежедневное взаимодействие характерно для

отношений с членами семьи и коллегами. Если поддерживающие интеракции с их стороны воспринимаются нейтрально, амбивалентно или отрицательно, их положительное влияние на взаимоотношения нивелируется и, напротив, приводит к ухудшению взаимодействия, что и отразится на включении их в число значимых других, составляющих ядро социальной сети респондента. Последнее подтверждается многочисленными зарубежными исследованиями, продемонстрировавшими неоднозначность действия социальной поддержки, с выделением негативного влияния на самооценку [2], статус [15] и эмоциональное состояние [9] реципиента. Таким образом, можно предположить, что характер восприятия социальной поддержки является опосредующим звеном в ее действии на взаимоотношения, в том числе и на такой показатель их качества, как дистанция.

Анализ корреляционных взаимосвязей показателя «отрицательное восприятие социальной поддержки» демонстрирует поверхностность имеющихся отношений реципиента. Этот вывод следует из положительных взаимосвязей с числом людей в ядре социальной сети респондента, стаж знакомства с которыми не превышает 6 месяцев. Последнее может быть следствием трудностей поддержания длительного общения, в нормативную динамику которого входят эпизоды прояснения сложных, конфликтных ситуаций, поиск компромиссов между интересами и потребностями каждого из участников. Кроме того, по мере сближения происходит переход от идеализированных установок к более реалистичному взгляду на партнера по взаимодействию. Терпимость к «инаковости», отличиям другого человека, способность сохранять нерасщепленное представление о нем,

включающее в себе как вызывающие одобрение и расположение характерологические особенности, так и нейтральные, и те, что не нравятся респонденту, позволяет продолжать отношения, углублять их и сохранять реалистичный взгляд на них. Так как это один из факторов, который может помочь человеку положительно интерпретировать предоставляемую ему поддержку, то его отсутствие не дает возможности максимально безболезненно пережить разочарования, неизменно возникающие при более близком знакомстве. Кроме того, связь трудностей поддержания длительных отношений с отрицательным восприятием социальной поддержки может объясняться большей выраженностью склонности к самонаблюдению [5], например, вследствие эгоцентризма [7]. Наличие последнего вполне эвристично объясняет трудности с принятием даже незначительно отличающейся от собственных фантазий формы предоставления социальной поддержки и закономерно приводит к выраженному сужению числа приемлемых вариантов.

Другой механизм, с помощью которого можно объяснить пагубную роль отрицательного восприятия социальной поддержки, — отрицательная обратная связь, снижающая интенсивность предоставления социальной поддержки реципиенту, что, в свою очередь, мешает поддержанию длительных отношений, так как способствует накоплению отрицательного эмоционального опыта в каждом взаимоотношении и подкрепляет усиливающееся со временем отдаление людей друг от друга.

Поверхностность отношений внутри ядра социальной сети при отрицательном восприятии социальной поддержки подтверждается и положительными корреляциями с такими показателями, как

число людей с очень низкой степенью эмоциональной близости (с которыми респондент может обсудить только посторонние и текущие события) и скудностью оказываемой респонденту эмоциональной и инструментальной поддержки (отмечаемая частота «редко»). Положительные корреляции с последними двумя показателями можно считать закономерными, так как отрицательная реакция на получаемую социальную поддержку приводит к ухудшению отношений с теми, кто оказывает или делает попытки оказать ее, и их постепенному вымыванию из ядра социальной сети респондента. Всё это снижает защитные по отношению к стрессу свойства, которыми обладает социальная сеть при ее оптимальном функционировании.

Объяснение положительной корреляции отрицательного восприятия социальной поддержки с числом мужчин, у кого респондент, с его точки зрения, может взять в долг большую сумму, требует привлечения дополнительных переменных. Реалистичное понимание имеющихся ресурсов складывается при обращении к ним. Отрицательное восприятие социальной поддержки приводит к гипотетичности знания о доступных ресурсах. Более того, в сочетании с обилием малознакомых людей (со стажем знакомства менее 6 месяцев) в ядре социальной сети можно предполагать, что данный показатель отражает скорее фантазии респондента, нежели реальное наличие ресурсов.

Переходя к анализу корреляционных взаимосвязей параметра «амбивалентное восприятие социальной поддержки», обратим внимание на то, что при ближайшем рассмотрении они представляют собой смягченный вариант параметра «отрицательное восприятие социальной поддерж-

ки». Так, отрицательные корреляции с числом людей, которым респондент «очень часто» оказывает инструментальную поддержку, могут быть объяснены следующими тенденциями. Во-первых, наличием некой дистанции в отношениях, снижающей интенсивность запросов по отношению к респонденту. С другой стороны, амбивалентность в отношении воспринимаемой социальной поддержки может сопровождаться амбивалентностью в оценке собственной помощи, предоставляемой другим людям. Косвенным подтверждением справедливости обоих предположений является положительная корреляция с числом людей в ядре социальной сети респондента, которым он оказывает инструментальную поддержку с частотой «редко», и которые оказывают ему эмоциональную поддержку с частотой «редко». В то же время большая по сравнению с отрицательным восприятием социальной поддержки близость с людьми, составляющими социальную сеть респондента, следует из положительной корреляции с числом людей, с кем респондент проводит свое свободное время и с кем советуется по поводу учебных и рабочих проблем.

Заключение

Представленные данные свидетельствуют о высокой значимости перцептивных процессов в межличностном общении и дают возможность утверждать, что они играют определяющую роль в формировании поддерживающего потенциала ядра социальной сети. Это становится возможным за счет опосредующей роли характера восприятия социальной поддержки в ее действии на такие характеристики межличностных от-

ношений, как соотношение близости и дистанции, стаж знакомства, уровень обмена поддерживающими интеракциями.

Таким образом, на основании анализа полученных результатов можно предположить, что характер восприятия социальной поддержки определяет структуру

ядра социальной сети и, тем самым, оказывает влияние на развитие ее поддерживающего потенциала. Это открывает новые возможности в коррекционной работе, помогая обозначить характер восприятия социальной поддержки как одну из ее существенных мишеней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М., 1999.
2. Бойко О.М., Казьмина О.Ю. Разработка опросника «Восприятие социальной поддержки» // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Под ред. В. Барабанщикова. М., 2012.
3. Казьмина О.Ю. Структурно-динамические особенности систем межличностных взаимодействий у больных юношеской малопрогрессирующей шизофренией. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1997.
4. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб., 2008.
5. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2002.
6. Мясцев В.Н. Личность и неврозы. М., 1949.
7. Тинигина А.А. Современные исследования эгоцентризма в контексте социального восприятия и общения // Социальная психология и общество. 2013. № 1.
8. Dunkel-Schetter C., Skokan L.A. Determinants of Social Support Provision in Personal Relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1990. № 7.
9. Lehto-jarnstedt U., Ojanen M., Kellokumpu-lehtinen P. Cancer-specific social support received by newly diagnosed cancer patients: validating the new Structural-Functional Social Support Scale (SFSS) measurement tool // *Supportive Care in Cancer*. 2004. № 12.
10. Lowe S.R., Chan C.S., Rhodes J.E. Pre-hurricane perceived social support protects against psychological distress: A longitudinal analysis of low-income mothers // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2010. № 78 (4).
11. Maddi S.R., Harvey R.H., Khoshaba D.M., Fazel M., Resurreccion N. The Personality Construct of Hardiness, IV. Expressed in Positive Cognitions and Emotions Concerning Oneself and Developmentally Relevant Activities // *Journal of Humanistic Psychology*. 2009. № 49 (3).
12. Mikulincer M., Shaver P.R. An attachment and behavioral systems perspective on social support. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2009. № 26 (1).
13. Reinhardt J.P., Boerner K., Horowitz A. Good to have but not to use: Differential impact of perceived and received support on well-being // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2006. № 23 (1).
14. Sarason I.G., Sarason B.R. Social support: Mapping the construct. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2009. № 26 (1).
15. Vangelisti A.L. Challenges in conceptualizing social support // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2009. № 26 (1).

Perception of Social Support in Individuals and Its Correlation with the Quality of the Core of Social Network

O.M. BOYKO

researcher at the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center of the Russian Academy of Medical Sciences

O.YU. KAZMINA

PhD in Psychology, leading researcher at the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center of the Russian Academy of Medical Sciences

The paper presents results of a research on how perception of social support in an individual affects the quality of the core of his/her social network. These results demonstrate that the character of the individual's perception of social support plays an important role in the development of the supportive potential of the core of the social network, affecting such features of interpersonal relationships as the intimacy/distance correlation, duration of communication, and level at which supportive interactions are exchanged.

Keywords: *social support; social network; core of social network; communication; positive, negative, neutral, ambivalent perception of social support.*

REFERENCES

1. *Andreeva G.M.* Social'naja psihologija: Uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij. M., 1999.
2. *Bojko O.M., Kaz'mina O.Ju.* Razrabotka oprosnika "Vosprijatie social'noj podderzhki" // Jeksperimental'nyj metod v strukture psihologicheskogo znaniya / Pod red. V. Barabanshnikova. M., 2012.
3. *Kaz'mina O.Ju.* Strukturno-dinamicheskie osobennosti sistem mezhlichnostnyh vzaimodejstvij u bol'nyh junosheskoj maloprogridientnoj shizofreniej. Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1997.
4. *Krajg G., Bokum D.* Psihologija razvitija. SPb., 2008
5. *Majers D.* Social'naja psihologija. SPb., 2002.
6. *Mjasishhev V.N.* Lichnost' i nevrozy. M., 1949.
7. *Tinigina A.A.* Sovremennye issledovanija jegocentrizma v kontekste social'nogo vosprijatija i obshhenija // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2013. № 1.
8. *Dunkel-Schetter C., Skokan L.A.* Determinants of Social Support Provision in Personal Relationships. Journal of Social and Personal Relationships. 1990. № 7.
9. *Lehto-jarnstedt U., Ojanen M., Kellokumpu-lehtinen P.* Cancer-specific social support received by newly diagnosed cancer patients: validating the new Structural-Functional Social Support Scale (SFSS) measurement tool // Supportive Care in Cancer. 2004. № 12.

10. *Lowe S.R., Chan C.S., Rhodes J.E.* Pre-hurricane perceived social support protects against psychological distress: A longitudinal analysis of low-income mothers // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2010. № 78 (4).
11. *Maddi S.R., Harvey R.H., Khoshaba D.M., Fazel M., Resurreccion N.* The Personality Construct of Hardiness, IV. Expressed in Positive Cognitions and Emotions Concerning Oneself and Developmentally Relevant Activities // *Journal of Humanistic Psychology*. 2009. № 49 (3).
12. *Mikulincer M., Shaver P.R.* An attachment and behavioral systems perspective on social support. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2009. № 26 (1).
13. *Reinhardt J.P., Boerner K., Horowitz A.* Good to have but not to use: Differential impact of perceived and received support on well-being // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2006. № 23 (1).
14. *Sarason I.G., Sarason B.R.* Social support: Mapping the construct. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2009. № 26 (1).
15. *Vangelisti A.L.* Challenges in conceptualizing social support // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2009. № 26 (1).

**К российско-американскому сотрудничеству
в социальной психологии
(о визите профессора Г. Такушьяна в Россию в сентябре-декабре 2013 г.)**

Последовательно в развернутой форме описываются мероприятия, составившие сущностное наполнение визита известного американского психолога Г. Такушьяна в Россию в сентябре-декабре 2013 года. Излагается содержание осуществленных Г. Такушьяном и сопровождавшим его А.Я. Вороновым профессиональных научных контактов с учеными, преподавателями и студентами таких ведущих российских вузов и академических институтов, как НИУ ВШЭ, МГУ, РУДН, МПГУ, МГППУ, МГОСИ, ИП РАН, ИС РАН.

В сентябре-декабре 2013 г. американский социальный психолог, ученик Стэнли Милгрэма, профессор университета Фордхэм в Нью-Йорке (Fordham University, New York City, USA) Гарольд Такушьян (Harold Takooshian) работал в России по приглашению факультета психологии НИУ ВШЭ: читал лекции в ведущих вузах и НИИ России, проводил научные исследования, а также осуществил большую организационную работу по развитию российско-американского сотрудничества в области фундаментальной и прикладной психологии.

В осеннем семестре 2013 года Г. Такушьян с большим успехом прочел для студентов факультета психологии НИУ ВШЭ два цикла лекций (по социальной психологии городской жизни и по индустриально-организационной психологии), провел зачетные тестирования, а также осуществил руководство в рамках этих курсов выполнением студентами исследовательских проектов и полевых экспериментов на улицах города.

26 сентября в Институте психологии РАН по инициативе Г. Такушьяна, поддержанной директором профессором

А.Л. Журавлёвым, прошел российско-американский симпозиум «Социальная психология города», организованный совместно ИП РАН и SPSSI. После вступительного слова А.Л. Журавлёва были заслушаны и обсуждены научные сообщения Г. Такушьяна «Антисоциальное поведение в городах: экспериментальное исследование» (с демонстрацией видеозаписей экспериментов); Л.В. Давыдкиной (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара) «Обзор российских исследований по социальной психологии города» и «Психологическое районирование городского пространства на примере жителей города Самары»; Н.К. Радиной (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород) «Город как социальное представление: гендерные, образовательные, профессиональные, экономические и интенциональные аспекты (социально-конструктивистское исследование)»; Ю.Г. Вешнинского (Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Москва) «Восприятие и оценка городского пространства США россиянами: эмпирическое исследование (2000—2004 гг.)»; А.Я. Воронова (ГАУГН,

Москва) «Соблюдение неформальных социальных норм: полевые эксперименты в московском метро в кросс-культурном сравнении с экспериментами Г. Такушьяна (1972 г.) в нью-йоркском метро»; А.И. Белкина (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара) «Постсовременное городское пространство и психология молодежи»; Е.Ю. Чеботарёвой и И.А. Новиковой (РУДН, Москва) «Межкультурные (межэтнические) отношения студентов, обучающихся в университете мегаполиса: анализ результатов опросов»; А.С. Акоюн (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара) «Территориальная и гендерная асимметрия проявления страхов у детей». Затем состоялась общая дискуссия «Как жизнь в больших городах (таких, как Москва и Нью-Йорк) влияет на наше поведение, наш внутренний мир, ценности и взаимоотношения с другими людьми». Итоги симпозиума подвели Г. Такушьян и заместитель директора ИП РАН по науке профессор А.В. Юревич.

7 октября [Всемирный день среды обитания (Хабитат)]* также в ИП РАН в рамках форума «Изменяя города, создаем возможности новых условий жизни» по замыслу Г. Такушьяна и при поддержке SPSSI состоялся ещё один российско-американский симпозиум. Открывая симпозиум, директор ИП РАН профессор А.Л. Журавлёв отметил растущее число мегаполисов с населением более 10 миллионов человек (таких, как Москва) и важную роль научной психологии

в изучении влияния этих городов-гигантов на физическое и психологическое состояние их жителей. Затем с ответственным словом выступила координатор программы ООН по населенным пунктам «ООН-Хабитат» (The United Nations Human Settlements Programme UN-Habitat) в России Галина Колесникова, подарившая ученым и студентам англоязычные и русскоязычные монографии (издания ООН) по планированию в различных сферах городской жизни. Участникам симпозиума был продемонстрирован видеоролик оптимистического интернет-послания Директора программы «ООН-Хабитат», доктора медицины Дж. Клоса (Joan Clos) о ближайших планах ООН в этой важной сфере ее деятельности. Г. Такушьян в программной лекции «Психология городской жизни: может ли научная психология решить проблемы большого города?» рассмотрел вопросы: особое место психологии в урбанологии; рост городов как места обитания человека (историческая справка); «антигородское смещение»; «городской парадокс»; способы решения некоторых городских проблем (взаимоотношения между горожанами, преступность, экология, транспорт); психология городской жизни — тренды развития.

В заключительной дискуссии приняли участие Т.П. Емельянова, А.Н. Лебедев, В.П. Позняков, В.А. Соснин, А.В. Сухарев, В.А. Хашенко, А.В. Юревич.

11 октября в РУДН состоялась торжественная церемония открытия первого в России и в Восточной Европе и второго в

* Ежегодно в первый понедельник октября отмечается праздник — Всемирный день среды обитания (Хабитат). Замысел ООН, учредившей его, — подумать в этот день о состоянии наших городов и праве каждого на приемлемое жилище, а также — напомнить миру о его коллективной ответственности за будущее нашей среды обитания.

Европе отделения PSI CHI*. По поручению Совета директоров PSI CHI церемонии открытия отделения провел Г. Такушьян, оказавший сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам РУДН организационную помощь в прохождении процедуры признания права присоединиться к сообществу. С приветственной речью к собравшимся обратился проректор РУДН Н.С. Кирабаев, отметивший значение и перспективы происходящего события. Церемония прошла согласно традиционному ритуалу: вручение сертификатов каждому новому члену общества и специальных символов руководителям сообщества; зажженные свечи в руках новых членов общества символизировали продолжение и передачу славных традиций PSI CHI. В заключительной части церемонии новых членов сообщества и всех собравшихся приветствовали члены Совета директоров PSI CHI (видеообращение), исполнительный директор М. Злокович (Executive director Martha Zlokovich) и экс-президент Дж. Янг (Past-president Jason Young), заместитель начальника Департамента стран Северной и Латинской Америки РУДН Г.А. Мошляк, помощник депутата Государственной Думы РФ, кандидат психологических наук С.А. Грищенко и А.Я. Воронов, помогавший с 2010 года организации отделения PSI CHI в РУДН.

Президентом PSI CHI в РУДН была избрана на собрании отделения аспи-

рантка университета В.С. Тархова; в декабре 2013 года она получила приглашение 52-го отделения АПА «Международная психология» стать «официальным представителем студенчества РУДН». По согласованию с Советом директоров PSI CHI доцент РУДН Е.Ю. Чеботарева стала советником отделения.

Создание отделения PSI CHI в РУДН, безусловно, будет способствовать привлечению в РУДН абитуриентов, в том числе и на магистерские программы по психологии; создаст его членам дополнительные возможности для получения международных научных грантов, участия в международных научных конкурсах, финансирования научных мероприятий, увеличения числа зарубежных научных публикаций. Функционирование PSI CHI в РУДН будет стимулировать также стремление студентов к отличной учебе (членами PSI CHI могут стать студенты со средним баллом не ниже «В» по системе, используемой в РУДН) и активному участию в научной работе, в том числе в международных исследовательских проектах.

Вновь созданная в РУДН группа PSI CHI уже организовала и провела несколько заметных мероприятий.

1) 27 октября в НИУ ВШЭ успешно прошла первая московская студенческая конференция PSI CHI по поведенческим исследованиям (директор конференции Г. Такушьян; руководитель конференции

* Главная цель PSI CHI, основанного в США в 1929 г., — развитие и совершенствование научного профессионализма студентов. Членство в данном сообществе в США и во всем мире считается подтверждением качества психологического образования и опыта научных исследований. В него могут вступать студенты, начиная со 2-го семестра 2-го курса, магистры, аспиранты, выпускники, а также преподаватели, обеспечивающие обучение психологии на уровне, признанном PSI CHI достаточно высоким. Только через 80 лет деятельности (с 2009 г.) американское общество PSI CHI стало международным, и сегодня 14 его отделений функционируют за пределами США: в Барбадосе, Канаде (2 отделения), Египте, Гватемале, Ирландии (2 отделения), Новой Зеландии, Пуэрто-Рико (2 отделения), России, Тринидаде и Тобаго, Виргинских островах.

И.А. Новикова). В конференции приняли участие более 40 студентов-исследователей и преподавателей из различных вузов и университетов. Перед началом конференции был показан 9-минутный видеofilm «PSI CHI содействует достижениям в психологии» в русском переводе А.А. Созинова (ИП РАН). Из 14 научных сообщений, представленных на конференции, 8 были сделаны студентами и аспирантами РУДН, а остальные 6 — студентами НИУ ВШЭ (Москва), Санкт-петербургского отделения НИУ ВШЭ (по скайп-связи) и ГАУГН. Более чем для половины студентов это было первым опытом выступления на конференциях. Сообщения были сгруппированы по секциям: «Прикладная психология», «Индивидуальные различия», «Организационная психология», «Культура и поведение», «Курение и поведение». По решению Совета директоров PSI CHI всем докладчикам выдали сертификаты презентации научного исследования и в качестве поддержки их наградили бесплатным годовым членством в APS. Эту московскую конференцию проводили одновременно с 25-й ежегодной Большой нью-йоркской студенческой конференцией SPSSI* (также фокусированной на поведенческие исследования), что позволило с помощью скайп-сессии организовать под руководством профессоров К. Вильсон (Колледж Св. Фрэнсиса, Нью-Йорк) и Г. Такушьяна часовой кросс-национальный диалог. Модератором скайп-сессии был Г. Такушьян, с московской стороны были сделаны четыре вводных коротких сообщения: И.А. Новикова (об опыте формирования

группы PSI CHI в РУДН), В.В. Лиангузова (опыт организации Ломоносовских студенческих конференций в МГУ им. М.В. Ломоносова), А.А. Фомичёв (о работе студенческого клуба «Spiritus» в НИУ ВШЭ, Москва), А.Я. Воронов (о современных возможностях развития российско-американского сотрудничества в психологии). В заключение И.А. Новикова отметила, что проведение этой исторической конференции стало возможным благодаря спонсорской поддержке восьми организаций: PSI CHI, APS, АПА (Отделение «Международная психология»); SPSSI; 25-я Большая нью-йоркская конференция (25th Greater New York Conference on Behavioral Research); НИУ ВШЭ, Москва; РУДН; Клуб «Spiritus» НИУ ВШЭ;

2) 6 декабря в рамках ежегодной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы социальной, дифференциальной психологии и психологии личности» (РУДН) состоялись организованные группой PSI CHI публичная лекция Г. Такушьяна «Психологические исследования: достижения и проблемы» (о серьезных современных этических проблемах научных исследований в социальной психологии в США) и мастер-класс А.Я. Воронова «Демонстрация авторского ремейка классического эксперимента Соломона Эша по конформности, проводимого с участием всех студентов группы во время учебного занятия». В организации конференции приняли также участие американские психологические общества: SPSSI, Отделение 52 АПА «Международная психология» и APS;

* В этом году она проходила в Колледже Св. Фрэнсиса (St. Francis College) и участниками её стали студенты и профессора из более чем 30 американских университетов.

3) В ноябре-декабре члены отделения PSI СНГ РУДН совместно со студентами других университетов участвовали на улицах Москвы в полевых экспериментах по психологии жителей большого города, проводимых под руководством Г. Такушьяна и А.Я. Воронова.

Сейчас члены отделения PSI СНГ РУДН готовятся к проведению очередного российского симпозиума по кросс-культурной психологии в рамках съезда Восточной психологической ассоциации США в марте 2014 года в г. Бостон (The 2014 Annual Meeting of the Eastern Psychological Association, March 13–16).

Возвращаемся к хронологической последовательности данного отчёта, прерванной описанием создания в РУДН группы PSI СНГ.

14 октября Г. Такушьян и А.Я. Воронов были приглашены директором Института повышения квалификации и переподготовки кадров РУДН доцентом Е.Ю. Чеботарёвой на семинар социально-психологического модуля курса «Профилактика межэтнических конфликтов в воспитательной и образовательной среде вуза» для педагогов вузов и ссузов из разных городов РФ в рамках программы повышения квалификации, проводящейся по заказу Министерства образования и науки РФ. Они провели занятие на тему «Мозаичная классная комната как метод снижения напряжённости в мультикультурных школах: 40 лет спустя»*, ознакомили участников с соответствующей литературой и ответили на их вопросы. 30 октября Г. Такушьян и А.Я. Воронов провели сходную

презентацию по той же теме на Международной конференции РУДН «Межэтническое соседство в современном мегаполисе: Москва и международный опыт».

25 октября Г. Такушьян и А.Я. Воронов посетили МГОСГИ (Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, г. Коломна) по приглашению декана социально-психологического факультета профессора И.М. Ильичевой и зав. кафедрой психологии профессора Р.В. Ершовой. На встречу были также приглашены студенты и преподаватели (около 20 человек) факультета психологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого и медицинского института Тульского государственного университета. Согласно программе визита, была прочитана лекция Г. Такушьяна «Социальная психология жителей больших городов, включая анти-социальное поведение в городах с видеосъемками собственных экспериментов», продемонстрирован фильм о PSI СНГ, проведен опрос студентов, аспирантов и сотрудников в рамках кросс-культурного исследования «Сравнительный анализ знаний американских и российских психологов о 10 наиболее цитируемых в американской и 10 – в российской научной литературе отечественных авторах». Сотрудникам кафедры психологии социально-психологического факультета представил информацию о некоторых результатах Международной конференции «Повинуемость авторитету: 50 лет первой публикации Милгрэма о своих

* «Мозаичный метод» был впервые предложен в 1971 году социальным психологом Э. Аронсоном. Метод оказался весьма эффективным инструментом, помогающим учителям в достижении межрасовой гармонии в их классах, поскольку базировался на классическом социально-психологическом исследовании сотрудничества и соперничества в малых группах, проведенном М. Шерифом.

obedience-экспериментах» (Брейсбридж, Канада, август 2013) ее участник А.Я. Воронов и распространил раздаточные материалы «Результаты разработки экспериментальной obedience-парадигмы Милгрэма в России (1994–2013)» и «Изучение и развитие творческого наследия Стэнли Милгрэма в России (1990–2013)».

29 октября Г. Такушьян на заседании сотрудников и аспирантов кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова сделал доклад «Социальная психология городской жизни».

31 октября Г. Такушьян выступил в Московском городском психолого-педагогическом университете с развернутой лекцией, тема которой по выбору приглашающей стороны совпала с темой лекции 7 октября в ИП РАН. Лекция была объявлена не только на сайте университета, но и в пресс-релизе. Присутствовали около 150 человек, в основном, студенты разных курсов и преподаватели МГППУ.

С приветственным словом к собравшимся обратился проректор МГППУ А.В. Милехин. Лекция была выслушана с большим вниманием и интересом. Вопросы и дискуссия показали высокий уровень подготовки университетских студентов и аспирантов.

2 ноября Г. Такушьян при участии А.Я. Воронова по приглашению доцента Е.В. Беловол прочёл лекцию для студентов-психологов МПГУ о роли научной бихевиористской психологии в самых различных сферах жизни и деятельности человека в современном мире. Был показан 12-минутный видеоролик с выступлением А. Краута (Alan G. Kraut — исполнительный директор APS и изда-

тель журнала APS «Observer») «Psychological science is important» в устном последовательном переводе Е.В. Беловол с комментариями Е.В. Беловол, А.Я. Воронова и Г. Такушьяна; продемонстрированы и обсуждены видео-записи недавних полевых экспериментов в Москве (руководители — Г. Такушьян и А.Я. Воронов), проведен опрос «Сравнительный анализ знаний американских и российских психологов о 10 наиболее цитируемых в американской и 10 — в российской научной литературе отечественных авторов». В заключение состоялась дискуссия по широкому кругу вопросов экспериментальной социальной психологии.

21 ноября московская группа SPSSI (руководитель — А.Я. Воронов) организовала в НИУ ВШЭ (Москва) кросс-национальный диалог «Должен ли был Стэнли Милгрэм прекратить его obedience-эксперименты (взгляд 50 лет спустя)?». После коротких выступлений руководитель Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ (Москва) профессор П. Шмидт (Германия), профессор Г. Такушьян (США) и доцент А.Я. Воронов (Россия) в диалоге со студентами обсудили 6 проблем: 1) исследователи в экспериментах должны сводить к минимуму обман, стресс и неинформированное согласие испытуемых; 2) не следует смешивать этичность метода с непопулярностью результатов (могли бы исследования Милгрэма подвергнуться критике, если бы повиновались только 0,1 % испытуемых, как это было предсказано?); 3) принимать решение об этичности эксперимента должны, в первую очередь, участники эксперимента; 4) если люди критикуют Милгрэма за

неэтичность, должны ли эти критики воздержаться от цитирования результатов Милгрэма?; 5) студентами во время диалога было предложено много способов стимуляции этических исследований, но ни одно из них не было принято большинством участников встречи; 6) можно ли считать неэтичной сверхрегуляцию исследования? Два американских психолога любезно (в ответ на просьбу Г. Такушьяна) представили свои комментарии к этому важному диалогу: Д. Баумринд (Diana Baumrind, University of California at Berkeley) сейчас пишет обновленный вариант своей критики Милгрэма 1964-го года и по-прежнему считает, что его эксперимент никогда не следовало проводить из-за того, что обман испытуемых лишил их «информированного согласия», а А. Миллер (Arthur G. Miller, Miami University) полагает, что Милгрэм правильно сделал, когда продолжил эксперимент в 1960-м году, поскольку временный дискомфорт испытуемых в течение часа был компенсирован неизмеримой ценностью этого исследования, как было доказано в последующие 50 лет. 17 из 18 участников диалога проголосовали за то, что Милгрэм не должен был прекращать свой эксперимент. В заключение П. Шмидт поделился своими размышлениями над следующим наблюдением: каждый месяц многие иммигранты из Африки в Евросоюз погибают, пытаясь достичь берегов Европы на своих маленьких лодках, из-за того что прибрежные пограничники, повинувшись законам Евросоюза, заставляют иммигрантов вернуться. Не является ли эта законная, реальная повинность несравненно более неэтичной, чем научный эксперимент, открывший нам проблему повинности? Это размышление

утвердило П. Шмидта в выводе: такие негативные результаты, подобные результатам *obedience*-экспериментов, могут помочь нам созидать позитивные изменения в мире.

22 ноября на публичном форуме в НИУ ВШЭ (Москва) Г. Такушьян выступил с лекцией «Закон и психологическая наука: почему идут дебаты?» (может ли психологическая наука помочь решению проблем общественной жизни, в том числе в сфере законодательства?). Форум собрал около 40 человек, при этом большинство из них — профессиональные юристы. После демонстрации участникам форума 12-минутной видеозаписи А. Краута с русскими титрами А.А. Фомичёва (НИУ ВШЭ, Москва) о роли поведенческих исследований в жизни общества Г. Такушьян напомнил историю судебной психологии и три эксперимента, имеющих отношение к правовой реформе. В высшей степени плодотворной была дискуссия, развернувшаяся после выступления Г. Такушьяна. Форум был организован совместными усилиями двух научных студенческих клубов: «Praxis» (МГУ им. М.В. Ломоносова) и «Spiritus» (НИУ ВШЭ) при содействии АПА. Руководителями форума были В.В. Лиангузова из первого клуба и А.А. Фомичёв — из второго.

6 декабря близкая по содержанию лекция «Закон и психологическая наука: развитие взаимодействия» была прочитана Г. Такушьяном в Pericles American Business & Legal Education Center (Pericles Law Center) [Американский Перикл-центр коммерческого образования и правового воспитания для взрослых, Москва].

Оба выступления (22 ноября и 6 декабря) закончились оптимистическим

выводом лектора: после 100 лет противостояния двух сфер знания новую эпоху — их эффективного взаимодействия — открыли успехи естественных и социальных наук.

20 декабря на заседании межотраслевого семинара Исследовательского комитета Российского общества социологов «Социология городского и регионального развития» и Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН по приглашению ведущего научного сотрудника ИС РАН, руководителя этого семинара, кандидата социологических наук Е.М. Акимкина был заслушан доклад Г. Такушьяна «Место экспериментов в городской социологии». После краткого обзора истоков, целей, методов, результатов и перспектив развития социальной психологии городской жизни лектор отметил два важных вклада этого относительно нового направления в городскую социологию: его сфокусированность на индивидуе (а не группе) в городе и использование метода полевых экспериментов для углубления понимания закономерностей горожан. Основную часть последующей дискуссии заняло обсуж-

дение методологии, статистического анализа и результатов проведенных полевых экспериментов, а также возможных направлений их развития (профессор А.В. Тихонов, профессор В.В. Щербина).

В рамках данного материала мы ограничимся своего рода отчетом об осуществленных Г. Такушьяном и А.Я. Вороновым профессиональных контактах с вузами и академическими институтами Москвы и Подмосковья. На самом деле, не менее насыщенной была и программа их поездок в Санкт-Петербург, Петрозаводск, Томск и Новосибирск, что заслуживает специального самостоятельного описания.

Гарольд Такушьян,
доктор философии,
профессор университета Фордхэм,
Нью-Йорк

А.Я. Воронов,
кандидат биологических наук,
доцент факультета психологии
Государственного академического
университета гуманитарных наук,
руководитель российской группы
SPSSI

**On the Russian-American Cooperation in Social Psychology
(Professor H. Takooshian's Visit to Russia in September-December, 2013)**

H. TAKOOSHIAN

PhD, Professor of Psychology and Urban Studies, Fordham University

A.YA. VORONOV

PhD in Biology, associate professor at the Faculty of Psychology, State Academic University for the Humanities, SPSSI-Russia Chair

This paper gives a detailed picture of the key episodes in the visit of the noted American professor Harold Takooshian to Russia in September-December, 2013. It carefully describes a series of meetings and professional contacts made by professor Takooshian and Alexander Voronov, who accompanied him, with various researchers, lecturers and students of the leading Russian institutes of higher education and academies, such as the National Research University "Higher School of Economics", Lomonosov Moscow State University, People's Friendship University of Russia, Moscow State Pedagogical University, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow Regional State University for Humanities and Social Studies, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

**Социолого-психологическая мозаика
«Портрет дошкольного детства»**

Рецензия на книгу: Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванова А.И., Верясова Е.С. Социология дошкольного детства. Труды по социологии образования. Т. XVII. Вып. XXIX. — М.: Институт социологии образования РАО, 2013. — 168 с.

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ

*доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
профессор Московского городского психолого-педагогического университета*

Н.С. ДЕНИСЕНКОВА

*кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной
психологии развития Московского городского
психолого-педагогического университета*

В рецензии на коллективную монографию «Социология дошкольного детства» в аналитической форме рассмотрен один из научных трудов, подготовленных коллективом авторов под руководством академика РАО В.С. Собкина. Последовательный содержательный анализ текста коллективной монографии позволил продемонстрировать специфику социальной ситуации развития современного российского дошкольника, особенности детско-родительских отношений в семьях с детьми-дошкольниками, характер отношений родителей к дошкольным образовательным учреждениям и к поступлению детей в школу, а также видение детского сада воспитателями и их взаимодействие с родителями дошкольников.

В 2013 году в свет вышла коллективная монография «Социология дошкольного детства», подготовленная коллективом авторов под руководством директора Института социологии образования РАО В.С. Собкина. Появление данного издания более чем закономерно уже хотя бы потому, что именно Институт социологии образования РАО, многие годы возглавляемый академиком В.С. Собкиным, является именно тем научным центром, который в течение всего этого времени презентовал профессиональному сообществу солидные сборники научных

трудов и коллективные монографии по проблематике социологии образования.

В то же время появление конкретно данного труда — коллективной монографии «Социология дошкольного детства» — во многом оказалось неожиданным. Прежде всего, это связано с самим предметно-проблемным полем исследования, которому посвящена книга. Если обратиться к наиболее известным социологическим отечественным разработкам, достаточно легко заметить — дошкольное детство никак не может быть расценено в качестве области пристального

внимания ученых-социологов. Принципиально важной особенностью рецензируемой монографии является то, что включенные в ее состав материалы носят социолого-психологический характер. Другими словами, отличительная содержательная черта текста (кстати, данная особенность характеризует практически все публикации научной школы академика В.С. Собкина) состоит в том, что он представляет собой синтетическое сочетание констатационно-«фотографической» социологически полученной «картинки» и преимущественно социально-психологической интерпретационной части.

Ни в коей мере не умаляя собственно социологической ценности коллективной монографии «Социология дошкольного детства», нельзя не подчеркнуть психологической, прежде всего, социально-психологической значимости этого издания, тем более что как раз отечественным психологам крайне редко удается порадоваться появлению сколь угодно серьезного фундаментального труда по социально-психологическим проблемам дошкольного возраста и дошкольного детства в целом.

Прежде чем перейти непосредственно к оценочному анализу содержательной конкретики рецензируемой коллективной монографии, акцентируем внимание еще на одном моменте. В рамках научных исследований многократно и при этом вполне аргументированно показано, что в настоящее время основные «почки роста», «прорывные» направления развития науки, как правило, связаны со «стыковыми» областями — биохимия, биофизика... Не является исключением в этом плане и современная психология, если в качестве смежных с ней на-

учных дисциплин рассматривать педагогику и социологию. Вряд ли кто-то будет всерьез оспаривать факт, что одними из наиболее в научном плане интересных и явно эвристичных работ на стыке педагогики и психологии являются статьи и книги «психологизированного педагога» А.В. Мудрика и «педагогизированного психолога» Ш.А. Амонашвили, если же говорить о психологии и социологии, то, на мой взгляд, это работы «социологизированного психолога» И.Г. Дубова и «психологизированного социолога» В.С. Собкина.

Если говорить непосредственно о содержании рассматриваемой коллективной монографии, то материалы, которые анализируются в ней, получены в ходе двух масштабных социологических исследований срезового характера 1997—1998 и 2007 годов. Здесь принципиально важно то, что авторы имели возможность проводить сравнительное сопоставление большинства показателей, касающихся конца 90-х годов XX века и 2007 года, так как существенное количество анкетных вопросов было если не полностью идентично и тождественно в рамках этих двух обследований, то во всяком случае в содержательном плане вполне сопоставимо. И еще на одном моменте нельзя не остановиться, прежде чем перейти непосредственно к анализу содержательной сути рассматриваемой коллективной монографии. На мой взгляд, авторы избрали наиболее оправданный как с социологической, так и психологической точек зрения и при этом наиболее информационно насыщенную линию анализа наработанного массива собственно социологических данных. Это использование традиционных, как они пишут, «классических со-

психологических сюжетов, связанных с влиянием демографических... и социально-стратификационных факторов», а «при интерпретации результатов принципиальное значение... приобретает и психолого-педагогическая проблематика, связанная со взаимоотношениями «ребенок-взрослый» и целевыми ориентирами воспитания» [1, с. 5].

Первая часть коллективной монографии — «Родительская позиция» — четко и при этом совершенно осознанно разделена авторами на две главы: «Жизненная ориентация родителей детей дошкольного возраста» и «Воспитательные стратегии родителей детей дошкольного возраста».

Что касается первой главы, связанной с анализом жизненных ориентаций родителей, безусловность ее самооценности в решающей степени определяется тем, что выбор главенства той или иной ценности в значительной мере определяет даже не столько тактику, сколько саму стратегию активности родителей при взаимодействии с ребенком, а, как пишут авторы монографии, «оптимистичные или пессимистичные оценки взрослым своих жизненных перспектив... проецируются на отношения с ребенком, определяя общий эмоциональный фон семейной ситуации» [там же, с. 19].

Бесспорно, как в собственно научном, так и в непосредственно прикладном планах интерес представляет зафиксированную закономерность: несмотря на то что главенствующим в сфере жизненных страхов родителей детей дошкольного возраста является беспокойство за своего ребенка, для высокообеспеченных взрослых характерна боязнь «общих социальных изменений», а для, например, незамужних матерей — высокий

уровень страхов по поводу личной жизни. При этом подобная ситуация развивается на фоне явных сомнений в своей жизненной успешности и осознании этого факта представителями наиболее слабых социальных групп.

Однозначно показано, что на фоне явного доминирования семьи как важнейшей ценности для родителей на этапе воспитания дошкольника существует очевидное, откровенное несовпадение материнской и отцовской позиций, что безусловно связано с осуществлением традиционалистских моделей полоролевого поведения в полной семье. Как подчеркивают, основываясь на полученных в ходе исследования данных, авторы коллективной монографии, «приоритетными для матерей являются семейные ценности... и здоровье, а для отцов более значимы успешная профессиональная деятельность и материальное благополучие». Немаловажно также, что эта закономерность за анализируемое десятилетие явно в связи с произошедшими социально-экономическими изменениями претерпела определенные деформации — «у матерей возрастает значимость профессиональной самореализации, у отцов усиливается ориентация на достижение материального благополучия» [там же, с. 25–26].

В отличие от полной, в неполной семье, как это зафиксировали авторы книги, наблюдается качественная деформация ценностной семейной структуры, что выражается для одиноких матерей в снижении важности и ценности самого супружества и в том, что они откровенно настойчиво берут на себя решения задач по материальному обеспечению семьи, что в традиционалистской модели является функцией супруга. Здесь качествен-

но важным оказывается тот факт, что в течение анализируемого десятилетия подобная тенденция остается неизменной.

И, наконец, нельзя не отметить результат исследования, который демонстрирует определенное отступление от ценностей именно воспитания родителей по мере взросления ребенка-дошкольника, что, скорее всего, обусловлено все большим включением общественных институтов в ответственное воспитание развивающейся личности.

Что касается второй главы первой, если так можно выразиться, «запевной» части рецензируемой монографии, то она посвящена изложению и обсуждению особенностей воспитательских родительских стратегий дошкольников, а если быть еще точнее, то четырех основных компонентов этих воспитательных стратегий — цели, социально-ролевых стилей взаимодействия, формы контроля родителем поведения детей, эмоциональной оценки взрослым собственных успешности и продуктивности взаимодействия с ребенком. Если говорить о результатах проведенного исследования, ключевыми из них являются и по нашему мнению, и по мнению самих авторов, следующие. Так, в результате обследования в качестве неоспоримого факта выявлено, что характер детско-родительских отношений качественно меняется на протяжении развития ребенка в дошкольном возрасте. В этом плане общей тенденцией выступает в определенном смысле замещение родительских ориентаций на безусловное принятие детей на ориентации, которые предполагают выстраивание адекватного возрасту партнерства с ними. Совершенно очевидно, что для каждого из дошкольных «подвозрастов» в этом плане характерна спе-

цифика определенных ценностных доминант. Как пишут сами авторы монографии, приводя соответствующие примеры, это «развитие морально-нравственных качеств при воспитании детей 3—4 лет; кризис родительской позиции, связанный с поиском адекватной стратегии воспитания ребенка 4—5 лет и др.». И главная мысль, итожащая данную часть исследования, нисколько не требует ни дополнений, ни тем более перефразирования, поэтому также приводится в форме цитаты: «ключевой результат здесь состоит в том, что развивается не только ребенок, но меняется и сам взрослый» [там же, с. 46].

Было бы безусловно ошибочным не упомянуть, что не менее важным для понимания особенностей родительских стратегий воспитания по сравнению с возрастом является и такая переменная, как характер семейной ситуации и, прежде всего, о полной или не полной семье идет речь. Как однозначно показывают авторы, «если в полной семье именно отец задает по отношению к сыну норму поддержания статусной вертикали, то в неполной семье подобная стратегия прослеживается в отношениях «мать-дочь», в то время как с сыном незамужняя мать склонна реализовывать стратегию, поощряющую его самовыражение» [там же, с. 46].

Вторая часть — «Социальная ситуация развития ребенка-дошкольника в семье» — и по объему, и, главное, по сути может рассматриваться как базово-ключевая составляющая рассматриваемой коллективной монографии. Уже в предисловии к настоящему изданию авторы книги однозначно утверждают, что «основным предметом настоящего исследования является социальная ситуация

развития дошкольника в том ее понимании, как она задается и определяется в логике культурно-исторического подхода школы Выготского...» [там же, с. 5]. Неслучайно эта часть состоит из семи совершенно самостоятельных и самоценных глав.

Если обратиться к названию нашей рецензии, во многом, а может быть и в решающей степени обращение к такому образу, как «мозаичность», порождено именно реализованной авторами монографии структурой данной части. Перечислим хотя бы названия глав, входящих в нее: «Особенности организации родителями жизненной среды ребенка-дошкольника»; «Структурные особенности совместного досуга детей и родителей»; «Игра современного дошкольника»; «Ребенок и книга»; «Ребенок у телеэкрана»; «Любимые мультфильмы дошкольников»; «Ребенок и компьютер». Понятно, что перечень этих «ребенок и...» может быть достаточно легко расширен за счет, например, «ребенок и дворовая компания», «ребенок и кружки по интересам» и т. п. Не менее очевиден и факт, что без учета целого ряда иных общественных институтов помимо детского сада, в которые включены дошкольники и их родители, вряд ли можно говорить об исчерпывающей характеристике социальной ситуации развития современного ребенка-дошкольника. Но столь уж необходима ли подобная детализация, которая с социологической да и социально-психологической точки зрения скорее оказывается избыточной, уводящей от общих закономерностей и зависимостей, характеризующих подлинную специфику современного дошкольного детства? В данном случае, на наш взгляд, именно мозаичность позволяет добиться

содержательно целостного портрета, а не кропотливое далекое от искусства и более близкое к ремесленничеству прописывание второстепенных черточек, никак не проясняющих социолого-психологическую суть портрета современного дошкольного детства.

Часть третья «Дошкольник в системе образования» в определяющей степени достраивает хотя бы до необходимой узнаваемости социальную ситуацию развития современного ребенка этого возраста. Состоит данный раздел из двух глав, первая из которых «Удовлетворенность родителей детским садом» позволяет получить представление, какие факторы определяют родительский выбор того или иного детского сада для ребенка, какова степень удовлетворенности условиями воспитания и пребывания ребенка в детском саду, в чем специфика родительской оценки содержания занятий и отношений к дополнительным услугам детского сада, насколько эффективно посещение детского сада дошкольником для его дальнейшего личностного и социального продвижения.

Проведенное обследование выявило ряд социально значимых закономерностей: во-первых, результаты работы подтвердили реалистичность общественных представлений, что уже на этапе дошкольного детства ребенок из более слабой социальной группы оказывается в наименее благоприятных условиях воспитания и обучения; во-вторых, наименее удовлетворенными и базовыми и дополнительными услугами, оказываемыми детскими образовательными учреждениями, являются родители самой младшей — ясельной — группы дошкольников; в-третьих, за последние десять лет произошло качественное из-

менение отношения родителей к введению в ДОУ различных экспериментальных и инновационных программ, которым они предпочитают последовательное и четкое следование нормативным требованиям, которые в решающей степени диктуются последующим «образовательным шагом», то есть родители в максимальной степени заинтересованы не столько в решении самоценных образовательных программ детских садов, сколько в подготовке своих детей к школе.

Бесспорной заслугой авторов коллективной монографии является то, что они, давая социологическую и частично психологическую характеристику именно дошкольному детству, не упустили такой фактор, как отношение родителей дошкольников к школьному образованию — без учета этой траектории развития «сегодня-завтра» ни о какой сколько-нибудь содержательно достаточной характеристике «сегодня» попросту не может быть. Именно поэтому вторая глава — «Отношение родителей-дошкольников к школьному образованию» безусловно, содержательно важна в рамках рассматриваемой монографии.

Оказалось, что родители дошкольников, считая 6–7-летний возраст ребенка наиболее приемлемым для поступления в школу, склонны к тому моменту, когда ему действительно предстоит идти в первый класс, продемонстрировать готовность отложить это событие.

Выяснилось, что выбирая детский сад для своего ребенка, родители преимущественно ориентируются на комфортное содержание детей в ДОУ, а при выборе школы основное внимание уделяют содержанию реализуемых в ней образовательных программ. Малообеспе-

ченные родители при выборе для своего ребенка той или иной школы преимущественно ориентируются на необходимость его ранней профессионализации, а высокообеспеченные — на максимальную индивидуализацию образования. Здесь следует отметить, что, как пишут авторы монографии, «представители сильных социальных страт склонны оценивать различные аспекты содержания школьного образования, прежде всего, как культурный капитал, обеспечивающий их ребенку восходящую социальную и профессиональную мобильность» [1, с. 128].

Заключительная, четвертая часть монографии — «Ребенок и детский сад: мнение воспитателей», посвящена анализу позиции по отношению к ДОУ, по сути дела, второй категории взрослых, наиболее значимых для ребенка-детсадовца, — воспитателей. Настоящий раздел книги крайне важен именно в психологическом плане. Сегодня реальный образовательный путь ребенка начинается не со школы, а с ДОУ, и его характер и успешность (этого пути) порою в решающей степени зависит от того, кто оказался первым официальным наставником развивающейся личности, от того, насколько это был профессионально компетентный и личностно богатый человек, от того, каким образом перекликались и согласовывались его педагогические усилия с любовью и наставлением родителей.

Безусловно, наиболее значимой в социально-психологическом плане в рамках данной части книги является глава 2 — «Особенности взаимодействия с родителями». Результаты проведенного обследования показали, что характер взаимоотношений с родителями во мно-

гом как по форме, так и по содержанию зависит от стажа педагогической работы воспитателя. Выяснилось, что опытные воспитатели реализуют при взаимодействии с родителями в основном консультирующую позицию, обсуждая как удачи, так и неудачи ребенка и, как правило, их позиция рассматривается родителями как значимая. Что касается начинающих свою педагогическую деятельность воспитателей, они преимущественно акцентируют свое внимание на ситуативных обстоятельствах и при общении с родителями скорее не консультируют их, а пытаются через взаимодействие закрепить свою статусную позицию и подчеркнуть свою профессиональную значимость.

Влияют на взаимодействие воспитателя и родителей также и социально-стратификационные характеристики последних. Так, родители с высоким уровнем образования чаще всего сами проявляют инициативу в общении с воспитателем, а родители с низким уровнем образования, как правило, реагируют лишь на инициативу воспитателя. Более того, родители, относящиеся к слабым в материальном отношении категориям, как правило, воспринимают себя в качестве «просителей» при взаимодействии с воспитателем. Следует отметить также, что последние, если они имеют педагогическое образование, как правило, более активно привлекают родителей к участию в различных воспитательных мероприятиях, проводимых в детском саду.

Немаловажным фактором, влияющим на характер и интенсивность взаимодействия воспитателя с родителем, оказывается и возраст детей. Чем старше становится ребенок, тем больше внимания во взаимодействии воспитателей и родителей занимает вопрос его индивидуального развития. В то же время в самых младших группах нередко наблюдается ситуация, не позволяющая наладить продуктивный контакт между воспитателями и родителями из-за повышенной тревожности последних по поводу здоровья и условий содержания их ребенка, что, в свою очередь, заставляет воспитателей воспринимать подобных родителей как не способных к адекватным общению и взаимодействию.

Резюмируя настоящую рецензию, нельзя не отметить: коллективная монография «Социология дошкольного детства» настолько многоаспектна, а собранный под ее титулом материал настолько обоснованно структурирован, что данное издание имеет не только научную ценность, но и, безусловно, может и должно быть использовано в современном образовательном процессе в российских вузах. В связи с этим не вызывает сомнений, что уже в самое ближайшее время списки основной рекомендованной литературы в программах целого ряда вузовских учебных дисциплин по социологии и психологии будут обогащены выходными данными коллективной монографии «Социология дошкольного детства».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собкин В.С.* и др. Социология дошкольного детства. Труды по социологии образования. Т. XVII. Вып. XXIX. М., 2013.

**Portrait of Preschool Childhood:
Sociological and Psychological Mosaic**

Review of the book by V.S. Sobkin, K.N. Skobeltsyna, A.I. Ivanova and E.S. Veryasova "Sociology of Preschool Childhood". Institute of Sociology of Education, Russian Academy of Education, Moscow, 2013

M. YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education

NATALIYA S. DENISENKOVA

PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology and Education

This review analyzes a monograph called "Sociology of Preschool Childhood" published by a group of authors under the direction of Vladimir Sobkin, academician of the Russian Academy of Education. This research work demonstrates the specifics of the social situation of development of today's preschool children in Russia, including features of parent-child interactions in families with preschool children and parents' attitudes to preschool and school education. The monograph also reveals how kindergarten teachers see their workplace and how they interact with parents of preschool children.

REFERENCES

1. Sobkin V.S. i dr. Sociologija doshkol'nogo detstva. Trudy po sociologii obrazovanija. T. XVII. Vyp. XXIX. M., 2013.

Белова Ольга Викторовна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института социологии образования РАО, Москва
obelava@gmail.com

Бойко Ольга Михайловна — научный сотрудник отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН, Москва
Olga.m.boyko@gmail.com

Власов Петр Константинович — кандидат психологических наук, директор Института прикладной психологии «Гуманитарный центр», г. Харьков, Украина
Humanitariancentreiap@gmail.com

Воронов Александр Ярославич — кандидат биологических наук, доцент факультета психологии Государственного академического университета гуманитарных наук, руководитель российской группы SPSSI, Москва
a_voronov@inbox.ru

Гулевич Ольга Александровна — доктор психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии НИУ «Высшая школа экономики»,
goulevitch@mail.ru

Денисенкова Наталия Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии развития Московского городского психолого-педагогического университета,
nataliya-denisenkova@yandex.ru

Ермолаева Наталия Николаевна — бизнес-тренер ЗАО «Банк Русский Стандарт», Москва,
koda05@mail.ru

Зеленова Марина Евгеньевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН, Москва,
zelenmar@rambler.ru

Казмина Ольга Юрьевна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН, Москва,
kazminaolga@mail.ru

Киселева Анна Аркадиевна — кандидат филологических наук, заместитель директора Института прикладной психологии «Гуманитарный центр», г. Харьков, Украина,
Humanitariancentreiap@gmail.com

Кондратьев Михаил Юрьевич — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор Московского городского психолого-педагогического университета,
social1977@bk.ru

Королева Юлия Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии Оренбургского государственного педагогического университета,
koroleva-y@yandex.ru

Космодамианский Никита Алексеевич — аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета,
Nik_kosmo@mail.ru

Кочетков Никита Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета,
nkochetkov@mail.ru

Лукьянченко Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, докторант Сибирского государственного технологического университета, г. Красноярск
Luk.nv@mail.ru

Пузыревич Наталия Леонидовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка, г. Минск, Беларусь
natasha.puzirevich@tut.by

Собкин Владимир Самуилович — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор Института социологии образования РАО, Москва,
sobkin@mail.ru

Такушьян Гарольд — доктор философии, профессор университета Фордхэм, Нью-Йорк, США,
takoosh@aol.com

Хачатрян Марат Артурович — преподаватель Института практической психологии личности «Генезис» при факультете психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
xamarat@gmail.com

Olga V. Belova – PhD in Psychology, senior researcher at the Institute of Sociology of Education, Russian Academy of Education, Moscow,
obelava@gmail.com

Olga M. Boyko – researcher at the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center of the Russian Academy of Medical Sciences, Moscow,
Olga.m.boyko@gmail.com

Peter K. Vlasov – PhD in Psychology, head of the Institute of Applied Psychology "Humanitarian Centre", Kharkiv, Ukraine,
Humanitariancentreiap@gmail.com

Alexander Ya. Voronov – PhD in Biology, associate professor at the Faculty of Psychology, State Academic University for the Humanities, SPSSI-Russia Chair, Moscow,
a_voronov@inbox.ru

Olga. A. Gulevich – Doctor in Psychology, associate professor at the Department of Organizational Psychology, Higher School of Economics, Moscow,
gouleritch@mail.ru

Nataliya S. Denisenkova – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology and Education,
nataliya-denisenkova@yandex.ru

Nataliya N. Ermolaeva – business coach at the "Russian Standard Bank", Moscow,
koda05@mail.ru

Marina E. Zelenova – PhD in Psychology, research fellow at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Moscow,
zelenmar@rambler.ru

Olga Yu. Kazmina – PhD in Psychology, leading researcher at the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center of the Russian Academy of Medical Sciences, Moscow,
kazminaolga@mail.ru

Anna A. Kiseleva – PhD in Philology, deputy head of the Institute of Applied Psychology "Humanitarian Centre", Kharkiv, Ukraine,
Humanitariancentreiap@gmail.com

Mikhail Yu. Kondratyev – Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education,
social1977@bk.ru

Yulia A. Koroleva – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Special Psychology, Orenburg State Pedagogical University,
koroleva-y@yandex.ru

Nikita A. Kosmodamianskiy – PhD student at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education,
Nik_kosmo@mail.ru

Nikita V. Kochetkov – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,
nkochetkov@mail.ru

Natalya V. Lukyanchenko – PhD in Psychology, doctoral candidate at the Siberian State Technological University, Krasnoyarsk,
Luk.nv@mail.ru

Natalya L. Puzirevich – PhD in Psychology, associate professor of the Chair of Applied Psychology, Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus
natasha.puzirevich@tut.by

Vladimir S. Sobkin – Doctor in Psychology, professor, member of the Russian Academy of Education (RAE), director of the Institute of Sociology of Education RAE, Moscow,
sobkin@mail.ru

Harold Takooshian – PhD, Professor of Psychology and Urban Studies, Fordham University, New York City, USA
takoosh@aol.com

Marat A. Khachatryan – lecturer at the Institute of Practical Psychology of Personality "Genesis" at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University,
xamarat@gmail.com

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «Социальная психология и общество» на 2014 год

Индекс (Агентство «Роспечать»): 22209 (полугодовой)
 Периодичность выхода: 4 номера в год (ежеквартально)
 Стоимость подписки на полугодие: 607 руб.
 Стоимость одного номера: 307 руб.

Подробная информация по подписке:
 Телефон редакции: +7 (495) 632-95-44, (499) 256-39-26
 Email: spas2010@mgppu.ru
 Электронная версия журнала: www.PsyJournals.ru/socialpsy

Ф. СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		22209 <small>(индекс издания)</small>										
	Социальная психология и общество <small>(наименование издания)</small>		Количество комплектов										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
	Куда <small>(почтовый индекс)</small>		<small>(адрес)</small>										
	Кому <small>(фамилия, инициалы)</small>												
		ДОСТАВочная КАРТОЧКА		на журнал		22209 <small>(индекс издания)</small>							
		ПВ	место	ли-тер	Социальная психология и общество <small>(наименование издания)</small>								
		Стоимость	подписки	пере-адресовки	Количество комплектов								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда <small>(почтовый индекс)</small>		<small>(адрес)</small>											
Кому <small>(фамилия, инициалы)</small>													

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207

Тел.: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

Факс: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409

Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *К.М. Корепанова*

Переводчик *Е. Виноградова*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

E-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *К.М. Корепанова*

Translator *Е. Виноградова*

Maker-up *М.А. Баскакова*